

БУЙНЫЙ БРОДЯГА

АЛБМАНАХ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

№5, ОСЕНЬ 2016

АЛЕКСАНДР РУБЕР

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

ИЯ КОРЕЦКАЯ

ХОД КОНЕМ

ВЕЛИМИР ДОЛОВЕВ

ЦВЕТЫ ПРОРАСТАЮТ
СКВОЗЬ КОСТИ

ОБЗОРЫ И КРИТИКА

МИРЫ ФРЭНСИС ХАРДИНГ

"ЭХОПРАКСИЯ"

ПИТЕРА УОТТСА

"НЕЖНЫЕ ОБЪЯТИЯ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДЕВЫ"

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ТАЛЕБ ОМРАН

НА ЛУНЕ НЕ БЫВАЕТ БЕДНЫХ

Содержание

Предисловие.....	3
Проза.....	6
Ход конем.....	6
Цветы прорастают сквозь кости.....	11
Последнее слово	90
Переводы	97
На Луне не бывает бедных	97
Обзоры и критика	130
Миры Фрэнсис Хардинг	130
«Эхопраксия» Питера Уоттса.....	159
«...Ради светлого храма демократии...»	164

Предисловие

Мудрецы говорят, что марксизм, как политическая и экономическая теория, умер.

Говорят довольно долго, слаженно и гладко. Правда, вот незадача: заглянув в очередную работу, предлагающую разоблачение коммунистических бредней, основанную якобы на новейших достижениях экономики, социологии, а то и антропологии, находишь практически всегда тезисы родом из девятнадцатого века, суждения, над которыми успели вдоволь посмеяться в своих произведениях еще Каутский и Плеханов. Из девятнадцатого века, например, пришло к нам положение о том, что акционерный капитал, в котором принимают участие, разделяя прибыли и убытки, трудящиеся, способен если не устранить, то сгладить материальное неравенство. В веке двадцатом это открытие превратилось в целую концепцию «народного капитализма». Занудные марксисты, конечно, объясняли, что акционерные общества являются не более чем средством перекачивания накоплений «среднего класса» в карманы крупных воротил, что на практике они лишь увеличивают концентрацию капитала в руках немногих крупных собственников — но какой уважаемый и солидный человек станет слушать марксистов? Стоит ли напоминать, что за последнее столетие в капиталистическом мире неравенство в доходах между богатыми и бедными непрерывно возрастало (недавно был преодолен еще один «психологический» рубеж — выяснилось, что один процент человечества владеет половиной мирового богатства)? В плане объяснения того, как работает экономика, практические результаты и объективная реальность неизменно оставались на стороне бородатых классиков и их ортодоксальных последователей.

Правда, с былинных времен у антимарксистов появился-таки один относительно новый и достаточно предметный аргумент: это — «Неудача Коммунистического Эксперимента» двадцатого века. Оставляя за бортом споры о том, насколько «эксперимент» был коммунистическим на разных своих этапах, надо признать: тысячи преподавателей марксизма-ленинизма, в одну ночь обернувшихся апологетами Мизеса, Хайека, Ивана Ильина, а местами и вовсе какой-нибудь «Рухнамы» — это неопровержимый исторический факт, и в мешок его, безусловно, не спрячешь. Вот только проблема: за время, прошедшее с крушения «реального социализма», успели последователь-

но обанкротиться все сколько-нибудь «прогрессивные» политические течения, все оттенки социал-реформизма и «левого» либерализма, которые нам ставили в пример еще при жизни СССР. Демонтаж европейского «социального государства» западные трудящиеся, честь им и хвала, встречают масштабными забастовками и ожесточенными уличными боями — но, поработанные «тиранией бесструктурности», провозглашающие «деполитизацию» протеста, каждый раз проигрывают и отступают. Демонтаж ближневосточных «светских диктатур» привел не к торжеству буржуазной демократии (которая, если верить либеральным философам, является единственной соответствующей человеческой природе формой правления), а к торжеству исламизма и разгулу террора. Мультикультурализм, как оказалось, работает настолько плохо, что не в силах интегрировать в европейское общество не только современных беженцев, но даже детей эмигрантов, родившихся и выросших в Париже или Брюсселе (достаточно вспомнить, кто является исполнителями большинства последних терактов в Европе). В итоге все громче становятся голоса тех, для кого уже и либерализм является непростительно «левым», тех, кто считает, что «все пошло не так» не в шестьдесят восьмом или семнадцатом году, а в тысяча семьсот восемьдесят девятом. За относительно «умеренными» правыми популистами типа Ле Пен и Трампа (готовящегося, между прочим, к прыжку в кресло президента Вселенной) на очереди стоят уже совершенно пещерные мракобесы, слабо отличающиеся от процветающего ныне в Ираке и Сирии Исламского Государства. И в мире социально-политической деградации это еще далеко не дно, от которого можно оттолкнуться...

Именно поэтому признать поражение коммунизма сегодня — значит признать поражение человеческой цивилизации. И единственным выходом из планетарного кризиса может стать новая пролетарская революция. Именно этому, наилучшему для нас исходу, посвящены рассказы Александра Рубера («Последнее слово») и Ии Корецкой («Ход конем»). А Велимир Долоев в своей повести «Цветы прорастают сквозь кости» описывает мир первых десятилетий после революции, мир, в котором человеческая солидарность и братство распространяются за пределы собственно человечества — хотя далеко еще не все опасности и проблемы, унаследованные от прошлого, полностью устранены.

В разделе переводов впервые на русском языке представлен рассказ классика арабоязычной научной фантастики, сирийского ученого и писателя Талеба Омрана «На Луне не бывает бедных» — о том, как перед лицом всеобщей гибели человечества, в условиях предательского бегства всей «элиты» с Земли, люди обнаружили, что другой мир, без богачей и господ, впол-

не возможен. Мы надеемся в своих поисках еще не раз выходить за рамки евроамериканской культуры, расширяя как свой собственный кругозор, так и горизонты наших читателей.

В разделе критики Александра Голикова рассказывает о творчестве британской писательницы Фрэнсис Хардинг; Евгений Кондаков на примере нового романа Питера Уоттса «Эхопраксия» показывает, как честный, но не способный выйти за рамки буржуазного мировоззрения писатель приходит к идее банкротства не только человеческой цивилизации в целом, но и человечества как биологического вида; Велимир Долоев рассматривает сборник «антитоталитарной» фантастики «Нежные объятия железной девы» — обнаруживая, как легко сближаются в войне против общего врага ярые «либералы» с не менее ярыми «охранителями».

Мир грядущий не будет лишен ни проблем, ни противоречий. Однако тот, кто учит, что история движется по кругу, что менять мир бессмысленно и опасно, может привести нас только в пещеры. И чтобы инопланетяне, которые посетят нашу планету лет этак через двести, не нашли здесь безжизненную пустыню, взорванный мост и скелет фашиста, прикованный к пулемету, нам придется разорвать еще очень много заколдованных кругов и разрубить массу гордиевых узлов. Сумеем ли мы это? Должны.

Просто потому что иначе не стоило и затевать в далеком плейстоцене всю эту возню с антропогенезом.

Ход конем

Третьи сутки напролет мировые биржи трясло. Известия о массовых убийствах неверных в Казани, выходе Мальты из европейского содружества и перевороте на независимых островах Джерси вызвали целую лавину. Соленскому некогда было даже переключиться на миелофон и заказать вегетарианскую пиццу.

Взяв у выхода спальный номер, он опрокинулся сходу в крошечную кабинку энергодуша, где сведенные от напряжения мышцы массировала и разминала воздушно-капельная струя. Через полчаса влажный туман рассеялся, кабинка ушла в стену, и вместо нее выдвинулся кухонный блок с линией доставки. Со вздохом облегчения Глеб щелкнул по привычному коду белого чая из провинции Шандунь, добавил салат из рукколы с двумя ломтиками искусственной индюшатины и нашарил на столике девайс.

Их команда, собравшая лучших асов в разных концах мира, уверенно выигрывала у Альянса. Сен-Мар, замечательный тактик, и на этот раз не подвел! Целых три сеттинга Глеб, подключившись, удерживал превосходящие силы противника на узком плацдарме третьего континента Му. Эскадра Чжоу прочесывала подземный лабиринт, а Рори тем временем налаживал логистику и снабжение. Где-то в недрах шарового скопления разворачивались эскадренные крейсера осьмоглавцев, чья лояльность могла смениться в любой момент. Карима умело нейтрализовала чужую разведывательную сеть, так что силы Юниона могли перегруппироваться и подготовиться к наступлению. Чистая победа по очкам!

Ясная беспримесная эйфория омывала душу Соленского, убравшего столик и рухнувшего на открывшуюся взамен постель перед новым трудовым днем.

До конца недели пришлось работать сверхурочно. Акции нового частного спейс-консорциума резко пошли вверх после долгожданного успеха запуска исследовательского робота на Фобос. Вряд ли кто-нибудь мог определить, какую пользу или свежую научную информацию принесет человечеству робот, но все коллеги Глеба от души радовались очередному рывку прогресса. Сам босс демократично спустился в общий зал торгов, лично открыл бутылку безалкогольного шампанского из высокогорного непальского виноградника за двести тысяч евро и пошутил о будущих репродуктивных успехах своего карликового бегемота на выставке в Рио.

В созвездии Змееносца, тем временем, дела шли ни шатко ни валко. Куда-то пропал Рори, да и Чжоу против обыкновения не блистал, ограничиваясь патрулированием. Потрепанные было противники ободрились и стянули резервы. Осталась надежда на долгожданный отпуск, в течение которого Соленский сумеет наконец-то сосредоточиться и вывести ребят в финал.

К субботе обрушился сингапурский валютный рынок, сикхи запустили по позициям правительственных войск ракету с ядерной боеголовкой, а белорусы заключили таможенный союз с киргизами.

Но Глебу на это уже было плевать. Пробежавшись по бутикам Милана и хорошо оттянувшись в арльском бистро, он погрузился в беспилотный уберджет до Мальдив. Там его обслуживали по высшему разряду миниатюрные филиппинки, вежливый голландский дайвер прокладывал подводный маршрут у коралловых островов, и, выпив настоящего мохито от гениального сальвадорского сомелье, совершенно невозможно было понять, кому и для чего нужны эти демонстрации, столкновения и конфликты.

Удар был нанесен в самое сердце Альянса. От струй раскаленной плазмы корчились и испарялись бесследно наземные конструкции, плавились, схлопываясь внутрь самих себя, бункеры высшей защиты и бесшумно взрывались стратосферные спутники. Фейерверк победных залпов уступил место торжественному хоралу радиомолчания, и Соленский поймал себя на том, что вытирает слезы счастья тыльной стороной ладони.

Дверь открылась, и в номер вошла девчушка в синей гостиничной униформе.

— Да, — сказала она, — в последний момент успели.

— Вы кто?

— Я из нашей команды, Глеб.

Соленский вспомнил, что мельком видел эту девушку со скромным хвостиком выбеленных волос на ресепшене. Что-то с ней сегодня было не то. Точно, волосы другие — розовые с фиолетовым.

— Ты прическу сменила?

— Ну да, решила отметить. День-то сегодня какой!

— Ты здесь работаешь, что ли? Вот это встреча! Как же ты, извини... играла? Тут Ивентиум нужен!

— У нас у всех Каприхорды. Джонни достал.

— Джонни?

— Он, типа, Джон Голт у нас. Техником на Майкросифте работал.

— Не понял.

— Не бери в голову. Нет больше Джонни. Ты его все равно не знал. Это еще до Керима было. Ну, который Карима.

— Тоже из наших, да?

— Можно и так сказать.

— Мы же победили! Вместе! Давай праздновать!

— Я, собственно, и зашла тебя поблагодарить за помощь. Думаю, так правильно. Хотя ты не сознавал, что помогаешь, конечно. Все равно спасибо.

— Ты бургонское какого года предпочитаешь?.. Извини, прослушал, за что? Вам спасибо всем, ребята, мы же одна команда! Следующий сезон против кого пойдем?

— Вряд ли я дальше буду играть. Да и ты тоже.

— Почему?

— Дел прибавится.

— И не говори, от работы этой никакой жизни, — Глеб ловко откупорил пришедшее по пневматичке вино.

— Не переживай, работу сменишь.

— Это почему?

— Так ведь каюк твоей бирже, Глеб. Всем биржам, электронным расчетам, банкам. Ты выйди в Сеть.

— Что-то я не понимаю...

— Мы все биткойны обнулили. Ты нам и помог, когда в игру со своего планшета входил. Помнишь, в сентябре два раза? Джонни у нас был компьютерный гений, настоящий. Все коды подобрал. Ему только хаб показать надо было.

Не говоря ни слова, с крепнувшим дурным предчувствием, Соленский щелкнул по девайсу. Через три минуты волосы его поднялись дыбом.

— Ты что? Вы кто такие? Вы, это самое, террористы?

— Какие же мы террористы, Глеб. Мы мирных жителей не взрываем и не мучаем. Ничего не взрывали, кроме этих складов.

— К-к-каких складов?

— Оружия. Арсеналы мы заблокировали так, что никто не доберется, а склады разбомбили. Ты же и взрывал, только думал, что это игра. На экране, конечно, была система Тау Кита, а на самом деле — военные базы всякие.

— Биржи! Это же кровь мировой экономики! Сейчас воцарится полный хаос! Что вы натворили?!

— А то у нас до этого полный парадиз был, — усмехнулась девушка. — Кому такая экономика нужна? Кровососам и паразитам? У твоего шефа четыре яхты! Это значит, что тысячи людей никогда не воспользуются ни катером морским, ни бесплатным пляжем.

— Работать надо было, а не ныть. Я же вот пользуюсь!

— Неужели ты думаешь, что все как ты живут? Знаешь, в каких условиях твой шандуньский чай собирают? И кто? Безработные за миску риса, оп-

лачивают рабским трудом социальный пай. Моя мама так на плантации и умерла, потому что не было медицинской карточки. А кто клекает ваши джеты, миелофоны, роботов?

— Ты из этого, как его, айсис? Против прогресса, что ли?

— Мы всецело за прогресс, Глеб. В первую очередь социальный прогресс. Вот накроем всех и выучим, подлечим на морских курортах — тогда и на Фобос можно слетать. А то при капитализме от этого прогресса только больше ракет с автоматами заводится для айсисов. Плавали, знаем. Ты на игру эту долбаную посмотри. Неужели ты хочешь, чтоб и в космосе так: все эти империи, альянсы, войны, сепаратизмы — вечно?

— И что же будет теперь... — простонал Соленский. — Что делать?

— Найдется что! Тебе твое место нравилось? Продавать, покупать, фантики переключивать? Ты ведь нормальный парень. Одного жилья сколько построить нужно!

— Какого жилья? Сейчас власть захватят банды... маргиналы! Кто строить будет?

— Люди сами и будут. Если бедные, так, по-твоему, обязательно бандиты и воры, значит? Чжоу сейчас, кстати, народную милицию создает. Знаешь, сколько записалось? Выборы скоро пройдут в советы, рабочие комитеты.

— А Сен-Мар тоже... он что делает?

— В Сети выступает, разъясняет положение. Прирожденный агитатор! Когда два года сидел за беспорядки, так ячейку создал не только из заключенных, но из самих надзирателей. Побег устроил и всем документы сменил. Вот какая у нас команда! Это тебе не континент Му защищать.

— Подожди, а ты кто такая?.. Как тебя зовут?

— Рори. Ну, полное имя — Аврора.

Цветы прорастают сквозь кости

Последнее, что сегодня собирался сделать Тадеуш, это обезвредить бомбу — тот самый тщательно запечатанный в чертежном тубусе адский снаряд, который он получил от представителя ЦК позавчера. Для его замысла это было, в общем-то, не принципиально, но раз уж бомба не в деле — зачем рисковать случайным подрывом в тесной толпе? Пусть даже толпа эта состоит более чем наполовину из штатных сотрудников охраны — роскошь сторонних жертв организация себе давно уже не может позволить.

Когда через пять минут ударный взрыватель был уже в его руках, Тадеуш разогнул спину... и едва не уронил хрупкую ампулу, натолкнувшись на взгляд стоящей в дверях Али. Взгляд без единого намека на укор, просто усталый и непонимающий, но оттого не становящийся менее обжигающим. В простом черном платье, со стянутыми на затылке в пучок волосами цвета воронова крыла, с дешевой папироской в тонких пожелтевших пальцах, она выглядела куда старше своих лет. Тадеуш не раз прозрачно намекал, что не с ее здоровьем смолить такую дрянь, но Аля только смеялась, и было в этом смехе что-то жутковатое — как будто вам удалось развеселить Смерть с картин Мальчевского. В самом деле, что может быть нелепее, чем забота о здоровье смертников? Покойники на каникулах, затянувшихся по недоразумению, но всего лишь каникулах — вот кто мы, думал Тадеуш. С этим непросто смириться, но это, в конце концов, очень удобная позиция для той борьбы, что ведет организация. С точки зрения голой целесообразности — практически идеальная.

— Ты просил меня ничего не спрашивать, — Аля устало прислонилась к дверному косяку. — До самого последнего момента. Мне кажется, дальше тянуть уже некуда. Рассказывай.

— Ты права, — Тадеуш отложил ампулу. — Этим я и собирался заняться. Тем более что главная и единственная моя надежда — ты.

— Надежда на что? — спросила Аля.

— В организации предатель, — невпопад ответил Тадеуш. — В самом ее сердце.

— Кто?

— Это совершенно неважно. Важно только то, что наша попытка была изначально обречена. За нами следили от самого Липецка — очень аккуратно, я и то обнаружил по дороге далеко не всех. Следят и теперь, так что

к окну без надобности лучше не подходить. Впрочем, арестовывать нас пока тоже никто не собирается.

— Думаешь, цесаревича хотят убрать на самом верху? — Аля присела рядом, рассеянно стряхнула пепел прямо себе на платье.

— Напротив. Это как раз нашему дорогому наследничку, пес его морду лизал, надо устроить эффектное покушение на себя со счастливым концом. Со всеми необходимыми главными героями — жидами да полячишками в роли государственных изменников. Будет разыгран масштабный спектакль: погром остатков организации, сенсационные расследования, очередная разоблачительная статья господина Мамонтова в «Московских ведомостях», — Тадеуш задумался на секунду, невесело улыбнулся. — «Физиология террора» или что-то в этом роде. Господин Мамонтов любит научную терминологию. Дальше — показательный процесс в духе нечаевского. Революционные бесы — смертельная угроза вере, отечеству и доходам Russian General Oil Corporation. Что может всему этому противопоставить наше движение? Ничего.

Тадеуш встал, прошелся по комнате, освещаемой лишь последними лучами заходящего солнца. Совсем скоро наступят долгие летние сумерки, за которыми придет, наверное, последняя в их жизни ночь. Это, впрочем, неважно. Главное, чтобы ночь оказалась последней для него, будущего тирана, достойного наследника всей трехвековой династии душегубов и кровопийц.

— Мы уже давным-давно разбиты, — продолжал Тадеуш. — Разбиты всем этим взрывом холуйского патриотизма. «Радуйся, Маш: Царьград наш, Эрзерум наш, и турку — шабаш». Какой позор: каторжане с двадцатилетним стажем шлют поздравительные адреса в Зимний Дворец! Опаснейшие террористы, матерые безбожники пишут слезливые стишки про православный крест над Святой Софией! Теоретики социализма и анархизма за рубежом публикуют длинные статьи, в которых русский царь объявляется вождем революционного движения! Хорошо, что никто из настоящих не дожил до этого. «Славянское единство», «православный мир», «общая историческая судьба» — как же! Единство общего ярма и общей плети — вот что они получают, кретины.

— Это все понятно, — Аля взяла со стола взрыватель, сфокусировала взгляд на стеклянной поверхности, пытаясь поймать хоть намек на собственное отражение в полутьме. — Только что нам делать теперь? Здесь и сейчас?

— Как что? Действовать по плану. Лично я буду завтра в двадцать минут одиннадцатого аккуратно на перекрестке Императорской и Магистратской. Нехорошо огорчать господ из Охранного отделения — меня там будут ждать с нетерпением.

— Погибнешь ведь напрасно.

— А это зависит от тебя.

— То есть?

Тадеуш присел рядом с Алей.

— Наш милый и прогрессивно настроенный присяжный поверенный — провокатор. Завтра утром он должен умереть.

На этот раз — никаких вопросов, только сухой кивок и отрешенный взгляд были ему ответом.

...Пять лет назад Аля поступила на вновь открывшиеся в Петербурге высшие женские медицинские курсы. Ее мечтой тогда было стать врачом, причем не просто врачом — хирургом, пробив таким образом дорогу сотням, тысячам молодых целеустремленных девушек, которым и в самые либеральные времена в сфере медицины вряд ли светило что-то лучше профессии акушерки. Учебу все равно предстояло продолжить за границей, для чего требовалось солидное состояние, но питерские курсы в любом случае были хорошим началом пути в Цюрих или Лозанну. Целый год до черных кругов под глазами Аля корпела над учебниками и пособиями, но вскоре министерством народного просвещения был издан печально известный «циркуляр о бородатой женщине». Новый министр искренне считал, что у девушек, предающихся ученым занятиям, перестает расти грудь и, напротив, начинает расти борода, а бородатые женщины — это европейская зараза и подрыв устоев православной империи. Таким образом, женщинам необходимо запретить получать высшее образование. Медицинские курсы были ликвидированы, как и множество других подобных учреждений по всей стране. Все попытки сопротивления были подавлены полицией, да их и не было в сущности, за исключением четырех-пяти студенческих «историй» в обеих столицах. Организация, конечно, пополнила после этого свои ряды множеством озлобленных молодых девушек, но и для нее ситуация обернулась скорее проигрышем, лишний раз показавшим бессилие революционеров.

Бывшая курсистка Аля примкнула к террористическому крылу партии, считавшему, что сегодня, в условиях исчезновения массового рабочего движения образца начала века, необходимо возвращаться к методам «Народной воли», бомбой отвоевывая базовые политические свободы. И здесь она стала человеком крайне полезным и в некотором роде незаменимым. Когда в Москве был раскрыт провокатор, на совести которого оказались десятки повешенных и отправленных на каторгу борцов, именно Аля вызвалась его казнить, чем потрясла своих товарищей. Но куда больше на следующий день их потряс способ казни — стилетом в основание черепа. Так Аля стала партийным палачом, и не просто палачом — палачом-теоретиком. Хорошее знание человеческой анатомии и физиологии давало ей все новые и новые идеи в области ликвидации разоблаченных врагов, и анонимная брошюра «Механика убийства», распространявшаяся среди членов организации, пользовалась такой же популярностью, как и теоретические работы выдающихся социалистов Европы...

— ...Он должен умереть. Но — не раньше прибытия поезда. То есть в десять часов примерно. До этого ты должна будешь сидеть на телефоне. Несколько звонков по не имеющим отношения к делу номерам, «кодовые фразы» типа «передайте Александру Михайловичу, что мы с Лизой благополучно вернулись из Бирюча» — это все заставит филеров побегать и

приведет их в некоторую растерянность. Номера и примерное содержание бесед мы с тобой выучим сегодня. А теперь самое главное — слева на чердаке, за деревянным сундуком, который у местных жителей называется, кажется, «скрыней», ты найдешь своего старого друга — винтовку братьев Маузеров.

— Подожди, какую винтовку? Ту самую, из Старой Руссы? — Аля была потрясена. — Но как? Она же...

— Настоящий фокусник не имеет права раскрывать свои секреты, — Тадеуш позволил себе улыбнуться. — Знаешь, меня очень сильно заняла твоя идея насчет использования снайперской стрельбы в деле террора. В самом деле, ведь еще штуцеры времен Крымской войны теоретически позволяли вышибать дух из власть имущих без особой опасности для убийц. Но нет — револьвер и бомба были вне конкуренции что у европейских анархистов, что у наших народовольцев. И хорошо еще, если бомба: Кравчинский и вовсе заколол Мезенцова кинжалом, словно какой-нибудь Равальяк — Генриха Четвертого. И это называется конец девятнадцатого века! Инерция человеческого сознания представляла убийство царя или жандарма как некий религиозный акт, в ходе которого и сам террорист обязан погибнуть — и почти всегда погибал. Идея о том, что убийство это можно поставить на поток, что можно отстреливать царей и президентов, словно бешеных собак, была для революционеров старой закалки совершенно крамольной. Даже бурская война ничему никого не научила.

Однако все случается когда-нибудь в первый раз. Наш любезный хозяин примечателен не только своим многолетним сотрудничеством с охранкой, но и тем, что с чердака его дома открывается роскошный вид на известный нам перекресток. На это наша надежда. И еще на твою меткость.

— Я не держала винтовку в руках полгода. И у меня будет всего одна попытка, верно?

— Если этот выстрел удастся, он опрокинет существующий миропорядок. Я уверен, наш метод возьмут на вооружение революционеры всего мира. Мы загоним хозяев жизни в их дворцы, так что они носа не посмеют высунуть на открытое пространство. Мы наведем на них такой страх, что любой буржуа будет выходить на улицу разве что окруженный охраной с пуленепробиваемыми щитами в руках. Мы унизим их, превратив в дичь, в живые мишени, в зайцев и куропаток...

— ...Но жить будем по-прежнему при царе. Романовы плодovitы, всех не перестреляешь, — грустно вздохнула Аля.

— Наследника убить необходимо. Ему сейчас прочат роль то ли второго Петра, то ли второго Наполеона, то ли земского царя из грез Бакунина. Откуда взялся этаким гений в вырождающейся семье алкоголиков и сумасшедших — не знаю, но что время просвещенных и прогрессивных тиранов ушло — это факт. Он утопит в крови полмира ради своих амбиций, и даже если сумеет победить англичанку с Дядей Сэмом, построенная им империя обвалится внутрь себя, словно гнилой гроб. И когда это случится — все окраинные племена, от киргизов и маньчжуров до поляков и финнов, придут сюда, в Россию, чтобы вернуть накопившиеся в рабстве долги, чтобы

мстить и уничтожать все живое. Я ненавижу гольштейн-готторпскую нечисть, я ненавижу всю эту русскую крепостническую свору, всех ваших нуворишей-мироедов, но русский народ я люблю. И русскую культуру тоже. Нам с вами нечего делить. Поэтому завтра ты должна его убить.

— Надеюсь, казнить нас будут вместе? — Аля позволила себе улыбнуться.

— У тебя будет шанс уйти! — Тадеуш взволнованно схватил ее за руку. — Какое-то время они будут совершенно парализованы неожиданностью. Ты должна, слышишь, ты обязана попробовать скрыться!

Часы в соседней комнате пробили одиннадцать. Аля извлекла свою руку из ладоней Тадеуша.

— Скоро вернется наш хозяин. Зря ты мне не сказал о нем сразу, я быстро привыкаю к людям, и теперь будет сложнее настроиться на убийство. И да — у меня есть еще уйма вопросов, нельзя было так вот сразу вываливать свой план на мою несчастную голову...

Ненавижу взрывы в замкнутом пространстве.

Я вообще не люблю, когда что-то бабахает у меня прямо под боком — еще с Воронежа об этом остались неприятные воспоминания. Ну а если в узком коридоре происходит взрыв, а ты не успеваешь даже раскрыть рот, и звуковая волна хлопает тебя с двух сторон по барабанным перепонкам, оставляя уши заполненными ватой, — тут невольно поворачиваешься к миру не самой, признаться, привлекательной стороной своей личности. Ничего не поделаешь, военные психотравмы, синдромы и комплексы не исчезают волшебным образом с достижением пенсионного возраста.

В общем, когда медленно едущий в пятнадцати метрах впереди нас робот-сапер исчез в снопе взрыва — я не глядя поймала плечо Ясины правой рукой и буквально швырнула беднягу за угол (откуда только сила в такие моменты появляется?), а затем и сама отпрыгнула туда же, на ходу хватая и вытягивая из-за спины карабин.

Как только пальцы сомкнулись на рукоятке оружия, на правый глаз сразу же была выведена прицельная сетка. Я переключилась на вид «от ствола», высунула этот самый ствол из-за угла и приготовилась открыть огонь по любой пакости, которая может появиться из созданной взрывом пылевой завесы. Случившееся с группой Фернандеса в Памире не повторится, пока я здесь отвечаю за безопасность, следовательно, отвечать придется по полной программе.

— ...Назад все, кому говорят! — я и сама, по правде говоря, не слышала, что кричу. Самая большая сложность в наших исследованиях — никогда не знаешь, какой сюрприз может тебя ждать на очередном объекте. До происшествия с киберзомби, которые три года назад растерзали Фернандеса и его

товарищей, никто в «Интерсерче» вообще не думал о возможности бое-
столкновений и необходимости носить оружие. Вряд ли кто-то мог предста-
вить себе, что примитивные ужастики эпохи позднего капитализма могут
получить вполне реальное воплощение.

— ...Мама, что там у вас?! Мама, ответь! — первым до меня пробился
голос Ю. Неудивительно — ее я слышу через имплантированные в слуховой
канал динамики, а сама малышка находится на поверхности, метров на пять
выше нас, в списанном и переделанном под наши нужды австрийском бро-
неавтомобиле. И именно потому, что она там, наверху, в безопасности —
каждый инцидент здесь бьет ей по нервам сильнее всего.

...В чем я сразу же убедилась, обернувшись. Естественно, моя непуганая
команда не очень-то встревожилась по поводу взрыва. Лу успела поймать
летающую прямо в нее Ямину и в данный момент пыталась поставить ее на
ноги. Токо вообще никак не отреагировала на произошедшее, больше инте-
ресуясь содержимым планшета, с которого она управляла роботом, чем ок-
ружающей обстановкой. Только Мика схватился было за автомат, да так и
застыл в нерешительности.

Секунд двадцать прошло, не больше.

— Что, расслабились? — набрав побольше воздуха в легкие, гаркнула я.
Ощущение ваты в ушах постепенно пропадало, сменяясь стабильным зво-
ном на высоких частотах.

— Мам, ну ты даешь, — Ясмينا приняла, наконец, стабильное верти-
кальное положение, запустила руку в дреды, пару раз повернула голову вле-
во-вправо, прислушиваясь к воображаемому хрусту позвонков. — Это что
было — боевое безумие? Если ты так со своими на войне обходилась — что
же ты с имперцами вытворяла?

— А нечего соваться вперед старших, — сердито буркнула я. Вообще,
конечно, это мне нечего было вылезать из-за угла — какая-нибудь пакость
направленного действия с шариками пятимиллиметрового диаметра вдоль
по коридору вряд ли оставила бы от меня что-то большее, чем мокрое место.

Понятное дело, признавать свой промах перед молодежью было никак
не возможно, но когда я вскинула правую руку, чтобы обвиняющим перстом
ткнуть в направлении бритоголовой африканки Токо, отвечавшей в нашей
команде за саперные работы, — плечо пронзила резкая боль, вынудившая
меня прошипеть что-то безадресно-непечатное вместо длинной речи с раз-
бором случившегося. Заработала растяжение во время своего «боевого бе-
зумия», чего и стоило ожидать. Пока Лу и Мика оказывали первую помощь,
Ю засыпала меня гневными сообщениями в личку о том, что я уже не де-
вочка и должна себя беречь (это нервное, обычно она воздерживается от на-

поминаний о моем возрасте). После очередного ее текстового излияния, изобилующего открывающими скобками и восклицательными знаками, я, не выдержав, в голос расхохоталась. Лу, ощупывающая плечо, чтобы узнать, где болит, вздрогнула от неожиданности:

— Ты чего, мам? Щекотно?

— Да нет, — замотала я головой. — Просто вспомнила старый фантастический рассказ, эпохи еще той, первой революции. Там дело происходит лет через полсотни после крушения капитализма. И вот сидят в пансионе для престарелых ветераны классовых боев семнадцатого года, а вокруг них суетятся маленькие детишки и спрашивают, спрашивают: «Бабушка, а что такое деньги? Дедушка, а что такое полиция? Что такое голод и война? Кто такие воры?». А старики сидят себе в креслах-качалках и вспоминают, вспоминают... Самое смешное, когда-то я думала, что так все примерно и закончится...

— А что помешало? — Мика помогал Лу зафиксировать руку, одновременно, судя по бликам в киберочках, усиленно роясь в своих архивах. — Ну, пансиону, креслам-качалкам и вот этому всему?

— А что тебе мешает выбросить эти свои окуляры и вставить нормальные линзы? — вопрос получился резковатым, но Мика лишь улыбнулся смущенно, дотронувшись до дужки очков.

— У меня линзофобия.

— Тогда спроси у Токо, зачем она бродит со своей железной ногой с самого детства, хотя сейчас вырастить новую — не проблема?

— Это как раз очень просто, — Токо оторвалась, наконец, от планшета, задрала штанину. — Вопрос функционала. Вот в этот пенал можно поместить электроотвертку. Или маахонький флакон с виски. Или толовую шашку — семьдесят пять граммов которая. Вам, людям из плоти и крови, не понять.

— Мааам, я тоже такую хочу, — присев рядом с Токо на корточки, заявила Ясмина. — И еще руку со встроенным пулеметом.

— Будешь лезть в непроверенные коридоры — ты и протез головы себе заработаешь, — едко заметила Ю.

— А, что такое, голоса у меня в мозгу, я схожу с ума? — Ясмина в приторном ужасе схватилась за голову. Старая шутка, но все улыбнулись.

— Привыкай, — обратилась я к Мике. — От нас за последний год третий штатный психотерапевт сбежал — рекорд по Восточному полушарию. Что там с роботом, кстати?

— Жить будет, не дождетесь, — ответила Токо. — Мина слабенькая, рассчитана на случайных гостей, похоже. Но ездить пока точно не сможет.

— Не нравится мне это, — настороженно осматривая окружающую обстановку, заявила Лу. — Нетипичный какой-то объект. Вообще на *объект* не похожий

Я поняла, о чем она. Натыкались ли мы в поиске на законсервированную военную лабораторию, секретный информцентр или заурядный схрон боеприпасов сорокалетней давности — везде в интерьере этих памятников последней войны соблюдалась эстетика простоты, упорядоченности и той особой армейской «правильности», что предполагает выкрашенные в защитные цвета клумбы, сугробы с набитым по веревочке кантиком и бирки с фамилией-званием на каждом предмете личного имущества. Здесь же все было совсем не так. Начиная с позолоченных электронных замков на дверях и заканчивая сегментированным освещением в коридорах (это когда источником света в помещении являются стены и потолок — жутко модная во времена моей молодости штука) — все говорило о непричастности к объекту построссийских государственных структур. Впрочем, создатель и владелец нашего бункера, похоже, крепко держал в своих руках и Временную Администрацию Крымской области, и имперскую армию, и даже Охранное агентство. В эпоху, когда денежные мешки управляли государством практически напрямую, ничего удивительного в этом не было.

— Так что будем делать? Идем дальше? — спросила Токо.

— Робота мы потеряли, но теперь хотя бы знаем, чего ожидать, верно? — Мика вопросительно поглядел на меня — и оробел от неожиданной реакции окружающих. Лу сморщилась, словно услышав невыносимо фальшивую ноту, Ясмина скривила гримасу отвращения, Токо осуждающе покачала головой, а Ю озвучила все это вслух:

— Ты, конечно, новенький и еще не в курсе, но запомни: мы никогда не знаем, чего ожидать на объекте, пока не пройдем его полностью и не свалим домой. Хочешь жить — никогда не думай, что ты все предусмотрел и от всего застрахован.

— Ничего, ничего, — я похлопала ободряюще по плечу сконфузившегося парня левой рукой. — Я вот старая тетка, и то от них в свое время нотаций наслушалась. Всерьез это воспринимать не стоит, кстати: осознание своей никчемности еще никому никогда не спасло жизнь.

— Так мы дальше идем? До следующей двери всего ничего осталось, можно и без робота обойтись, — снова спросила Токо.

— А может, бросить все к чертовой матери, вызвать армейских саперов, пускай расковыряют тут все? — подумала я вслух и сразу же ощутила, как мои названные дочери напряглись. Да, по инструкции я, как ответственная за безопасность, могла в любой момент без объяснения причин свернуть все

работы на объекте и отправить команду отдыхать. Разумеется, мне этого не простят. Разумеется, я и сама не сделаю такого без самых веских оснований. Разумеется, они об этом знают — и все равно нервничают.

— Мам, ну не надо так, — Токо перешла на просительный тон. — Честное слово, я могу пройти сама. Ну что я, ловушек этих не видела, что ли?

— А если подорвешься?

— Ну тогда можешь наказать меня по полной программе. Строгий выговор там и оставить без обеда. А армейских тут не надо. Это ж позорище просто будет — на фига тогда нужен «Интерсерч» вообще?

Я не ответила. Строго говоря, последней реплики Токо я и не услышала, погрузившись в мучительные воспоминания, навеянные знакомым, периодически нагоняющим меня ощущением.

Середина июля сорок восьмого года, где-то две недели после революции. Дряхлый пазик защитного цвета с открытыми дверями, набитый вооруженными людьми, несется через северные окраины Белгорода. Мне пятнадцать полных лет, и я — боец районного отряда рабочей милиции. Вообще это было не совсем законно — к участию в вооруженной защите революции по закону допускались только достигшие шестнадцатилетнего возраста, хотя совершеннолетие в остальном наступало с четырнадцати. К счастью или к сожалению, в городском комитете Ревмолодежи командиром сидел парень, учившийся когда-то в нашей школе, и поэтому мне легче, чем многим другим, удалось убедить его, что в моем конкретном случае на паспортный возраст можно закрыть глаза.

На мне синий журналистский бронежилет с замазанными буквами TV и темными пятнами крови на груди. Его сняли с трупа, похоже, где-то возле областного УВД — там был самый жесткий замес. Жилет очень удобный, в самый раз мне по фигуре — его владелица была, похоже, достаточно миниатюрной женщиной, но меня все равно иногда передергивает, когда начинаю представлять ее смерть. В первый день, когда командир по прозвищу Ваня-контрабас раздавал нам амуницию, я наотрез отказалась щеголять в шмотке с мертвецкого плеча. Дядя Ваня, как ни странно, не стал материться, а только положил рядом армейский доспех, в который можно было засунуть пятерых таких как я: выбирай, мол, у тебя всегда есть альтернатива. Сами понимаете, деваться было некуда. Пятна крови мы с мамой выводили дня два, да так до конца и не вывели. Мама, кстати, была изначально против моего вступления в милицию. Не помог даже тот аргумент, что нас дважды в день бесплатно кормили в перерывах между занятиями и дежурствами, — голод еще не схватил страну за горло достаточно цепко. Сошлись мы с ней на том,

что служба революции — это только до первого сентября, а осенью я обязательно пойду в школу заканчивать одиннадцатый класс. Я дала это обещание тем более легко, что понимала: так просто все не заканчивается. Какая к черту школа, какие логарифмы и интегралы, когда классовая война на дворе?

Я еще не знала, что в школу смогу вернуться только четыре года спустя, когда не будет ни мамы, ни большинства моих одноклассников, ни самой школы, да и от города, каким я его помнила, останется не так уж много. Но пока я ехала в автобусе, набитом вооруженными рабочими, студентами и типами совсем неопределенного классового положения, которые были в этом городе единственной вооруженной защитой новой народной власти.

На самой окраине города находилась в то время одна оптовая база Виктора Орлова — отставного полковника внутренних войск и по совместительству местного фюрера «Черных крестов». Господин этот был объявлен вне закона буквально на следующий день после революции, а его имущество было сразу же национализировано. Национализация выразилась в том, что к складам, забитым бытовой техникой, приставили охрану, да и забыли про них до поры до времени — холодильники, в отличие от банков и заводов, вовсе не просят немедленного внимания к своим проблемам. Однако Орлов ничего не забыл, и одним прекрасным утром десяток боевиков нагрянули на базу, расстреляли милиционеров и спокойно, не торопясь, стали загружать самый ценный товар в две подогнанные фуры, планируя сжечь все остальное. Мы об этом, разумеется, тогда не знали, просто реагировали на сигнал — нападение неуставленного числа бандитов с автоматическим оружием. И вот, когда мы миновали ротонду, свернув налево, в частный сектор, меня накрыло с головой чувство недоумения и обиды. Я смотрела вокруг себя — и видела как попало экипированных и чем попало вооруженных вчерашних мирных граждан, которые считали себя революционной властью и вооруженным народом. И я сама, Гериева Марьям Зауровна, тридцать третьего года рождения, школьница, взяла на себя вселенскую ответственность, которая даже профессиональным и книжным героям не всегда по плечу. Ответственность — вселенская, но убивать и умирать через несколько минут я должна буду по такому ничтожному поводу, как судьба нескольких десятков микроволновок и холодильников. Где, спрашивается, логика? Тягостно и странно это все...

Размышления мои прервала прошившая лобовое стекло автоматная очередь. Нас ждали, разумеется, хотя и не так быстро и не в таком количестве. Орлова погубила уверенность в том, что в городе по-прежнему продолжает твориться анархия в обывательском понимании этого термина. Хотя нет —

его погубила мстительная жадность: умный враг не стал бы цепляться за «кровно заработанный» кусок, а подался бы на юг, в Ростов или Севастополь, где собирались силы контрреволюции под имперскими флагами, — чтобы вернуть свою собственность уже с процентами. В результате и произошла эта нелепая и кровавая перестрелка, вошедшая в историю города как «битва за холодильники».

Что было дальше? В упор не помню, честное слово. В Сети есть с полдюжины видео по теме — как с камер наблюдения, так и от любопытных гражданских. На некоторых роликах можно даже распознать меня. Но я смотрела их с тем же интересом, что и любой сторонний наблюдатель, — подробности боя начисто стерлись из памяти. Поэтому самым ярким ощущением того дня осталось то тягостное чувство в автобусе — желание куда-нибудь деться от ответственности, обязанностей и необходимости что-либо решать. Стыдное чувство, очень стыдное. Стыдное для революционерки, коммунистки и бойца, но всплывающее периодически в самый неподходящий момент. Этот стыд я пронесла сквозь всю жизнь, и вот теперь девчонки, родившиеся через несколько лет после крушения капитализма, неосознанно, но вполне удачно этим моим стыдом манипулируют. «Если бы ты повернул назад — кто бы пошел вперед?», как написано в одной старой книжке. Или — «на слабо фраеров ловят», как гласит древняя и совсем не книжная мудрость.

Меня, впрочем, и ловить особо не надо.

Железнодорожный состав Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича выглядел, разумеется, куда скромнее императорского поезда — всего лишь девять вагонов, из которых два были заняты электростанцией и сверхсовременным узлом связи, включающим радиотелефон и беспроводной факсимильный аппарат, круглые сутки распечатывающий свежие европейские газеты, а еще один приходился на гараж. В остальном же наследник престола Михаил Георгиевич мог похвастаться изрядным аскетизмом — сведенный к необходимому минимуму штат прислуги и охраны, скромно отделанные кабинет и столовая, в которых были сделаны сотни фотоснимков «для истории». Впрочем, один вагон для фотографирования с самого первого дня был закрыт. Опочивальня цесаревича с роскошной, совсем не железнодорожного формата кроватью, на которой спокойно поместились бы три преображенца в полном обмундировании, со стенами и потолком, расписанными эротическими сценами в античном и восточном антураже, была сердцем всего поезда. Именно здесь принимались многие судьбоносные для страны решения последнего года. Вот и сегодня государственная политика творилась на шелковой французской простыне. Творилась, прямо скажем, туго и со скрипом.

— Ваше Высочество, — фаворитка цесаревича, m-lle Sophie, она же госпожа Аделинг, начинала терять терпение. — Есть ценности, которые нельзя подвергать сомнению. Ценности Родины. Ценности семьи. Ценности сословия. Ценности религии, в конце концов! — метресса с такой страстью нацелила правый палец вверх, к небесам, что упругие груди колыхнулись в такт эмоциональной жестикуляции.

Полулежащий цесаревич скользнул взглядом по ее фигуре, воздел глаза вверх, чтобы увидеть, куда же указывает перст истины... и наткнулся, разумеется, на чудную картину в стиле Поля Авриля, иллюстрирующую сцену из «Путешествий Синдбада», которую вряд ли можно обнаружить в каком-нибудь академическом издании. Не выдержав, Михаил Георгиевич расхохотался, изрядно смутив госпожу Аделинг. Ее можно было понять — проповедовать традиционную мораль в одних чулках, да еще в столь враждебном окружении, конечно, нелегко. Однако она не имела права отступать даже в заведомо невыгодных условиях. Тем более в ситуации, когда наследник императорского престола хочет опрокинуть вековые традиции семейной жизни и престолонаследия.

M-lle Sophie была из того редкого типа метресс, которые являются не только любовницами или фаворитками молодых монархов, не только наперсницами, но и наставницами, в некотором роде даже учительницами жизни. Во всяком случае, она искренне пыталась быть таковой с тех пор, как тринадцатилетний, не по годам развитый мальчишка впервые появился в ее будуаре. К своим обязанностям она относилась с ответственностью горячей русской патриотки и искренней, нелицемерной христианки. С одной стороны, она радовалась, когда после требования дядюшек цесаревича удалить от наследника ставшую ненужной и даже компрометирующей тринадцатилетнюю куртизанку Мишель неожиданно показал характер, совсем не соответствующий возрасту. Радовалась, когда он начал обретать самостоятельность и политическую волю, становясь ключевой фигурой в государстве еще при живом отце, слабовольном и жалком алкоголике. Когда же для цесаревича наступил триумфальный, звездный час во время Дарданелльского кризиса — не было во всей стране более счастливой женщины. И тем не менее, многое в поведении Мишеля фаворитку коробило. Его цинизм в сакральных вопросах, например. Когда в честь возвращения Константинополя в христианский мир в Москве было решено установить исполинских размеров статую Софии, Премудрости Божией, — цесаревич предложил именно ей стать моделью для этого памятника. Михаилу Георгиевичу показалось забавным совпадение имен, и еще он искренне желал таким образом высказать своей Sophie благодарность за годы, проведенные рядом с ним. Возмущению госпожи Аделинг не было предела: подобное кощунство граничило бы с хулой на Духа Святого! Когда же Мишель, искренне не понимающий, в чем дело, стал приводить ей примеры византийских и западноевропейских проституток, бывших моделями для вошедших в историю икон и религиозных полотен, это привело к самой крупной размолвке за все время их знакомства. «Вы можете считать меня падшей женщиной, но у меня есть честь, и есть убеждения» — таков был ответ метрессы. Нравств-

венным ориентиром для фаворитки наследника являлась Сонечка Мармеладова, а миссию свою она видела в том, чтобы грехом малым ограждать цесаревича от бездны разврата, вопиющего к небесам.

И вот теперь, когда Михаил Георгиевич высказал свою безумную идею отказаться от вековой практики женитьбы Романовых на немецких принцессах, да и вообще от сословных ограничений в матримониальных отношениях, она отчаянно пыталась отговорить его от этого. Самым ужасным было то, что цесаревич действительно был способен сломать двухсотлетнюю традицию, поставив легитимность и сакральность русской монархии под вопрос. Смерть старого императора была вопросом двух-трех лет, а уж дальше Мишель, показавший уже свою волю и страсть к преобразованиям, повторил бы все кощунства Петра, ломая страну через колено...

— Поймите же, *Sophie*, — вещал наследник. — Дело даже не том, что эти принцессы отвратительно тощие и ведут себя в постели подобно доске. Вопрос в вырождении. Близкородственное скрещивание противопоказано даже скоту — что уж говорить о членах царствующих домов? Если где-то аристократы еще не превратились в урожденных уродов с букетом наследственных болезней, то говорить спасибо надо их конюхам и кучерам. И если матушка Екатерина Алексеевна прижила-таки сына от богатырей Орловых, а не от полоумного голштинца, — спасибо ей скажу первым именно я. Не нужно возмущаться и гримасничать: монархия, может, и свята, однако среди монархов святых куда меньше, чем среди их подданных. По Европе сегодня гуляет гемофилия. Вы знаете, что такое гемофилия, *Sophie*? Она прикончит любую династию быстрее батальона анархистов с бомбами. И вы предлагаете мне играть в кости на будущее своих детей? Нет уж, спасибо.

А что касается традиций — отчего бы не вспомнить допетровские смотры невест? Вот вам хороший обычай родом из православного Царьграда. Мне наплевать на генеалогическое древо будущей невесты, если она не способна пройти заурядный медицинский осмотр...

Госпожа Аделинг, разумеется, догадывалась, что цесаревич ее поддразнивает. Однако... С такой же точно улыбкой он доказывал адмиралу Фрэзеру в Чанаккале благотворность новой мировой войны для здоровья белой расы. Чем развитее и культурнее цивилизация — тем обильнее должно быть кровопускание. Первая мировая уничтожила миллионы, жертвами второй мировой станут десятки миллионов, ну а в третьей погибнут уже сотни миллионов человек. И чем дальше — тем сильнее фаворитка убеждалась в том, что это был вовсе не блеф.

— Разрешите, Ваше Высочество? — фраза, произнесенная с характерным акцентом, прервала пустопорожнюю дискуссию. Впрочем, обладатель акцента не дождался разрешения, в доли секунды проникнув в опочивальню и аккуратно закрыв за собой дверь. Совершенно непримечательный внешне человек. Голубой мундир жандармского полковника, пенсне, лысина, совиное выражение лица, коричневая папка в руках.

— А, Лаврэнтий, — цесаревич произнес имя полковника с тем же акцентом. — Ты уже зашел, но все равно разрешаю. Что пишут из Питера господа физики?

Госпожа Аделинг не стала, разумеется визжать и неловко прикрываться. С неудовольствием поевшись, словно от неожиданного сквозняка, она встала, неторопливо надела пеньюар, вопросительно взглянула на Михаила, прочла в его глазах позволение остаться и снова устроилась на кровати.

— Результаты вкратце здесь, — полковник протянул цесаревичу папку.

— К черту подробности, — отмахнулся цесаревич. — У меня сегодня будет тяжелый день, не хочу перегружать мозг. Что с плутонием? Есть успехи?

— Никак нет, Ваше Высочество, — развел руками жандарм.

Госпожа Аделинг некогда лично присутствовала при странном знакомстве цесаревича и безвестного жандармского офицера в Сухуме, но так и не поняла, что же произошло. Когда во время церемонии представления местного начальства Михаил Георгиевич наткнулся взглядом на офицера в пенсне, неожиданно подошел к нему и спросил фамилию, а растерявшийся ротмистр ответил, что фамилия его — Берия, наследник просто коротко хохотнул, словно услышав анекдот, смысл которого во всем мире понимал лишь он один. Но когда через пару месяцев человек в пенсне всплыл в Петербурге в совсем другом звании и стал ближайшим помощником цесаревича — это поразило наповал всех в его окружении. Никто понятия не имел, зачем Михаилу Георгиевичу понадобился недалекий провинциальный ротмистр, да и сам он был порядком удивлен, став начальником охраны наследника и заодно шефом одного из утопических научных проектов по разработке взрывчатки в миллион раз мощнее динамита. В столичных салонах жандарма с совиным лицом обсуждали даже более оживленно, чем очередные перестановки в Комитете Министров: смена караула в Зимнем дворце была делом ближайшего времени, и фавориты наследника становились совершенно естественным образом хозяевами империи.

— Хорошо, тогда пробуем так, — цесаревич сел на кровати. — Собираем всех причастных к проекту в каком-нибудь маленьком городке на Волге. Строим научный центр за семью заборами, где все они должны будут трудиться безвылазно. И туда же — все мыслимые удовольствия: девок, хорошую выпивку, кокаин, театр какой-нибудь небольшой устроить, что там еще ученые любят? Ах да: еще ставим жесткие сроки по результатам, и если не уложатся — всех расстрелять. То есть расстреливать не будем, конечно, но надо, чтобы они поверили. Ядерные бомбы необходимы неотложно, пять лет — крайний срок.

— Ваше Высочество, — впечатленный Лаврентий снял пенсне, проморгался, протер стекла, нацепил обратно. — Для этого нужны другие, совсем другие полномочия. И мне, и...

— Ваше высокоблагородие, побойтесь бога! — в притворном ужасе перебил его цесаревич, весело подмигивая госпоже Аделинг. — Мы не на Балканах, в конце концов, а в Петербурге табакерки и шарфы уж сто лет как вышли из моды. Впрочем, это дело завтрашнего дня. Что у нас с торжественным приемом — все готово? Мой верный народ горит желанием по-

приветствовать меня как следует? А что там с террористами? Не протянут они свою кровавую лапу к моей августейшей особе?

— Это кабинетный разговор, ваше высочество, а не... — на пару секунд Лаврентий запнулся, — ... опочивальный.

И в этот момент госпожу Аделинг посетило очень скверное предчувствие. Не потому что ее еще ни разу не выставляли за дверь при серьезном разговоре (разговоры особо секретные при ней цесаревич попросту не начинал). И не потому что от голубых мундиров несло мерзостью и предательством за версту. Просто — отчетливое ощущение, что хорошим этот день не закончится, и при этом предельно ясное понимание, что повлиять она ни на что не способна. Чувство не только страшное, но и до слез обидное и досадное.

Тем не менее, *Sophie* сдерживала слезы до тех пор, пока одевшийся цесаревич и жандарм не закрыли за собой дверь.

— Так, и что это у нас? — Ясмина приложила ухо к массивной стальной плите и стукнула кулаком. — Тоооолстая, — внушительно заметила она.

— Да что ты говоришь, удивительно прямо, — саркастично отозвалась Ю. — А мы думали — это просто кусок жести кто-то прилепил для виду.

— Так это вообще дверь? — я тоже не удержалась, провела здоровой рукой по стыку между плитой и стеной. Подогнано идеально, да. А так — несколько разочаровывающий результат. После позолоченных замков, минловушек, после загадочных документов из архивов Временной администрации, в которых упоминался таинственный «объект три-полста-четыре», мы в итоге пришли к здоровенной металлической двери размером где-то два на полтора, примечательной полным отсутствием видимых запорных механизмов.

— Дверь, да, — отозвалась Лу, подкатывая тележку с оборудованием. — Правда, открыть ее можно только изнутри. Что больше всего и напрягает.

Я в это время пальцем чертила на пыльной поверхности знак биологической угрозы. По инструкции, увидев малейшие признаки связи объекта с разработкой оружия массового уничтожения, нам следовало свернуть все работы и немедленно уведомить местные власти.

— Это вряд ли, — Лу подошла и бесцеремонно крест-накрест перечеркнула мое творчество. — Ты не заметила, мам, что здесь напрочь отсутствуют какие-либо надписи? Не то что указатели для идиотов — даже в щитовой на кнопках ни единой буквы.

— И? — потребовала я продолжения.

— Понятия не имею, что это может означать. Либо что-то до смерти ужасное, либо что-то ужасно тривиальное.

— Большая, ну большая, признайся, что ты растерялась, — Ясмину ткнула Лу в бок. С таким же успехом она, впрочем, могла бы стучать по стальной плите.

Из этих двоих получился бы неплохой комический дуэт. Высокая, под метр восемьдесят пять, спортивная шведка с мужским разворотом плеч и приличной мускулатурой, с ежиком коротко стриженных обесцвеченных волос и с неизменной благожелательной улыбкой сытой белой медведицы. А партнером у нее — парижанка с манерами гамена старых времен, с копной ярко-красных дредов и проколотыми по всему периметру ушными раковинами, ростом чуть выше полутора метров, но благодаря своей подвижности в каждый момент времени занимающая втрое больше пространства, чем положено при ее скромных габаритах. Настоящее имя Лу было Анна-Ловиса, или Анна-Луиза, как произносят в Западной Европе. Ясмину при первом же знакомстве заявила ей, что от этого имени невыносимо пахнет кринолинами, и она как убежденная плебейка не может так обзывать свою напарницу и подругу. Так и появилась на свет Лу. Я в свое время пыталась выяснить у Ясины, что же она подразумевала под «пахнет кринолинами», но та неизменно отвечала, что кринолины — это что-то типа дорогих духов. Дразнится, конечно же, кто ей поверит? Все-таки парижанка останется парижанкой, даже с биографией и ухватками Гавроша.

— ...Так мы взрываем? — вторую тележку с оборудованием подкатил Мика.

— Лимит бабахов на сегодня исчерпан, — нервно и категорично отозвалась Ю.

— Взорвать можно, конечно, — Токо оценивающе взглянула вверх, под потолок. — Только своды рухнут следом. Да и вообще, нас уже за это шпыняли не раз. Так что — режьте.

— Сначала обедать, — не терпящим возражений тоном заявила Лу. — Я с утра толком не поела из-за вашего энтузиазма.

— Точно! Будем есть новые сухпайки! — заявила Ясмину, доставая и распаковывая наш аварийный рацион. — Нам их сказали протестировать в полевых условиях? Будем тестировать!

— Эй, не дурите! — возмутилась Ю, которой явно не улыбалась перспектива обедать одной на поверхности. — Вылезайте на поверхность, нормально поедим!

— Лу, скажи, — дернула Ясмину подругу за рукав. Та лишь развела руками, показывая, что она совсем не против сухпайков.

— А давайте, — согласилась Токо. — Даже если потом животами станем маяться — ничего, вентиляция тут нормальная.

- Присоединяюсь к большинству, — тут же подал голос Мика.
- Мам? — в голосе Ю чувствовалась детская совершенно обида.
- Я не могу их покинуть. По инструкции не могу.

Ясмину в это время яростно трясла саморазогревающиеся контейнеры с горячими блюдами.

— Кому макароны с фрикадельками?

— А что еще есть?

— Есть фрикадельки с макаронами.

— Маму надо будет с ложечки кормить.

— Поговори у меня! Я вас тут всех одной левой переем, дети сытой эпохи!

— Мам, а у вас в милиции сухпайки вкусные были? — мы все расселись на своих рюкзаках, а Ясмину устроилась у Лу на коленях, перехватывая каждую вторую вилку у безропотно сносящей эту наглость шведки.

Вкусные? Мне вспомнился сентябрь сорок восьмого, село на границе с Воронежской областью, где наш батальон разместился на ночевку. Минуты две я медитировала над банкой с тушенкой, пока не осознала, что она старше меня ровно на пять месяцев, судя по дате изготовления. Кто-то из товарищей это тоже заметил, и, разумеется, не обошлось без предложений «схарчить Марьяшку» вместо консервов из другой геологической эпохи. В тот период мы еще умели относиться ко всему с юмором. Это позже стало как-то совсем не смешно.

«Мам, зря ты позволяешь этим хулиганкам на голову себе садиться, — пришло сообщение от Ю. — Тебе же неудобно».

Я едва не выронила из левой руки вилку, которой неловко ковырялась в макаронах.

«Опять подглядываешь через мои глаза?! Ну-ка отключайся!»

«По инструкции не могу отключиться», — парировала Ю, и это было правдой. Хорошо, что линзы, по крайней мере, можно снять. Впрочем, линзы — это явно вчерашний день. С некоторыми технологиями сегодня откровенно не знают что делать на государственном и международном уровне. Месяц назад в Карачи были расстреляны несколько ученых и инженеров, занимавшихся опытами по внедрению в человеческий мозг элементов компьютерного управления. Проще говоря — эти ребята превращали людей в киберзомби, работая на местную мафию. Группу наших товарищей, исследовавших заброшенные тренировочные лагеря исламистов в Памире, убили именно их творения. Разработка подобных технологий давно уже приравнена к преступлениям против человечества, но это никак не может отменить факта их существования и возможности использования всякой сволочью.

— Коллонтай, — из режима воспоминаний меня вывел на этот раз Мика.

— Что? — не поняла я.

— Рассказ написала Коллонтай. Про пансион и кресла-качалки который. А называется — «Скоро!». Угадал?

— Надо же, а я уже и забыть успела. Думала, из большевиков фантастической кроме Богданова никто и не баловался. — Отложив контейнер с остатками макарон в сторону, я нацелила указательный палец левой руки Мике в переносицу. — Ладно, раз ты меня посадил в лужу, встречный вопрос: что главное в устройстве коммунистического общества?

— Движение вперед, — и на полсекунды не задумавшись, выпалил Мика. Ай да молодец!

Я пошарила в карманах жилета, и, разумеется, нашла в одном из них яблоко.

— Держи витаминку, порадовал старушку. Может, ты уже догадался, что у нас по ту сторону двери?

— Совсем легко, — улыбнулся парень. — Взорванный мост и скелет фашиста, прикованный к пулемету.

— Лу, ты слышишь? — возмутилась Ясмина. — Эти русские снова что-то затевают. Опять шифровками обмениваются...

— Мир хотят опять захватить? — отозвалась шведка. — От них ничего другого ожидать не стоит.

Как ни парадоксально, сейчас шутки на национальную тему приобрели определенную популярность. Это как с протезом Токо, потерявшей ногу на минном поле еще в детстве, — тридцать лет назад протез был символом и результатом тяжелого физического увечья, а такие увечья были для шуток закономерно табуированы. Сегодня механический протез — скорее признак некой причуды или выпендрежа, и носитель его не больший калека, чем обладатель цветных волос.

В нашем же случае дополнительный юмор ситуации заключался в том, что мы с Микой на двоих не имели и четверти славянской крови. Он — чистокровный финн, родившийся и выросший в Северной Коммуне, я — азербайджано-украино-чеченка (кажется, в таком порядке), заставшая еще старую Россию, и во всех анкетах в графе «национальность» пишущая — коммунарка. А вот поди ж ты — обзываются русскими. В детстве я такого и во сне представить не могла. В те времена русский мир, воплощенный в виде должностного лица, разговаривал со мной примерно так:

— Да, Гериева, у нас светское государство. Но у нас к тому же и православная страна, культуру которой вы ОБЯЗАНЫ знать. Поэтому вы будете посещать эти уроки, хотите вы того или нет...

Или так, на бытовом уровне:

— Отойди от моей дочери, ты, террористка малолетняя! Расплодились тут как тараканы...

Или совсем уж грубо, между нами, детьми:

— Заткнись, ты, чурка! Мой батя сейчас ТАМ, дрючит в жопы ваших дагов сраных! А вернется домой — и за вас примется!

Это не носило, конечно, всеобщего характера — иначе никакой революции просто не было бы. Но это не являлось и набором частных случаев — иначе не было бы многолетней ожесточенной гражданской войны.

«Яблоко, между прочим, я тебе положила, а не кому-нибудь», — с укором отозвалась Ю. Надо, кстати, пошарить по карманам разгрузки насчет растаявших шоколадок и мятых высококалорийных батончиков. Иногда я перестаю понимать, кто, собственно, в нашей уютной компании настоящая Мама.

Компания тем временем окончила обеденный перерыв и потихоньку начала готовить оборудование — собирать портативную плазморезку, монтировать под нее вытяжку и так далее. Я со своей рукой на перевязи была тут практически бесполезна, так что Лу, неожиданно обнаружившая в своей тележке маленький туристический стульчик, передала его мне, не упустив случая пошутить про кресло-качалку, в котором так сладко предаваться воспоминаниям о первых годах революции.

Воспоминания... Если бы все, что кажется сегодня прошлым, являлось таковым на самом деле, жить было бы куда проще.

Всего три года назад мне казалось, что я обрела не то чтобы душевный покой, но определенную... стабильность, что ли, жизненную? Работа кладовщицы на машиностроительном заводе — занятие вполне уважаемое, ее, кладовщицы, общественная полезность вряд ли станет в ближайшее время поводом для политических дискуссий, и уж точно можно гарантировать, что никаких особых опасностей и конфликтов такая профессия не несет. Ну, если не считать наших раздолбаев-электриков, которые третий день делают вид, что с тельфером на четвертом пролете все нормально. А так — в принципе, поводов для недовольства нет. Отработав свои шесть часов, многие даже к проходной не всегда спешат: прямо на территории завода расположен небольшой сферокинотеатр, само собой, спортзал с бассейном и тиром, в административном корпусе отвоевали себе пол-этажа под кружки и секции общественники. В прошлом году к нам прямо на завод приезжали Red Terror Machine, я их последний раз вживую на фронте еще видела, представляете? Выступали в четвертом, недостроенном цехе, и жгли так, будто тридцать лет

где-то по дороге уронили. Я, впрочем, тоже вспомнила тогда про свой возраст только на следующее утро...

Словом, жизнь моя в последние годы была хоть и спокойной, но насыщенной. Вечерами, после спортзала, я усиленно поглощала пропущенные в свое время книжки и фильмы. Смешно сказать — я и до культового «Бронепоезда Предреввоенсовета» добралась только после отставки (средненький фильм, в общем-то, сразу после войны это, конечно, было открытие, но теперь мы стали куда более привередливыми и утонченными). Еще я начала заботиться о своем здоровье — ну, на элементарном уровне: не есть после шести, ложиться спать не позднее одиннадцати и так далее. Если свобода — это осознанная необходимость, то чертовски приятно осознавать отсутствие необходимости полночи прокручивать события прошедшего дня, ища зацепки к очередному гнусному делу, а потом в четыре утра подрываться по звонку и лететь на другой конец города, а потом полдня общаться с персонажами, которых по совести надо бы пустить в расход без разговоров, а по революционным законам даже пальцем тронуть невозможно.

Так что вряд ли можно сказать, что я была недовольна своей жизнью — тихой, однообразной и предсказуемой. Именно поэтому в погожий весенний день, когда мы с Колей и Авророй вышли с проходной и направились в столовую, меня так ударило по нервам звуком знакомого голоса, раздавшегося со стороны электробусной остановки. Так ударило, что я резко остановилась на месте, из-за чего приотставшая Аврора едва не врезалась мне в спину.

— Марьям, ты чего? — спросил Коля, настороженно осматривая человека, окликнувшего меня по имени. Пожилой, лет под шестьдесят, седина в волосах, джинсы, дутая синтепоновая куртка, из-под ворота которой торчит расшитый под куфию шерстяной шарф — это в солнечный апрельский день! Патологический какой-то мерзляк, вообще не изменился за прошедшие годы.

— Идите без меня, я потом, может, подойду, — я встретилась глазами со старым знакомым, чтобы угадать, с чем он пожаловал.

— Марьям, ты уверена? — Коля серьезно забеспокоился. Черт возьми, его можно понять — киношная совершенно ситуация, а в кино после такого, собственно, и начинаются самые интересные вещи.

— Пошли, пошли, — Аврора, кажется, ткнула его кулачком под бок и поволокла за собой, потом вдруг остановилась. — Тебе поднос брать?

— Не надо, — я уже не отрывала взгляда от приближающегося бывшего коллеги и соратника — приближающегося с той же скоростью, с какой Аврора и Коля уходили к столовой.

— Ну здравствуй, Оса, — позывной мой, принесенный с фронта, был, если честно, неоригинален. Если у мужчин позывные были крайне разнообразными, зачастую смешными и нелепыми, то женский набор оказывался куда менее широким. Прямо скажем: не было в милиции ни одной роты, где не имелась бы своя Гюрза и Багира — это те, кому при раздаче не досталось «революционное» имечко типа Клары или Розы. В непростом смешанном коллективе, отягощенном не до конца изжитыми патриархальными предрассудками, женщина просто не может себе позволить самоиронию, и зачастую линия поведения в духе «не подходи — укушу» оказывается единственно верной. Что и отражалось в пафосно-«опасных» прозвищах.

— Какого хрена ты сюда приперся, а, старый провокатор? — спросила я, стараясь сохранять ровный тон.

— Я тоже очень рад тебя видеть, — невозмутимо ответил Матрос. — Как дела, как работа? С личной жизнью что?

— Во времена моей молодости порядочные девушки за такие вопросы в морду били.

— Я знаю, что ты готова броситься мне на шею от радости, но давай лучше ограничимся рукопожатием, — он протянул мне руку. Я огляделась по сторонам в поисках знакомых, хлопнула его по ладони и настороженно предупредила:

— Я вообще-то есть хочу, так что...

— Не поверишь, я тоже! У вас как, можно за койны пообедать или только своих пускают?

— Ты из какого леса выскочил? — я, наконец, позволила себе улыбнуться. — Тут уже лет пять бесплатная столовая для всех. Окраина города, так что вроде никто пока завод не объел.

— Ну надо же, победивший коммунизм as is, — мы зашли в здание столовой, сняли верхнюю одежду, повесили ее здесь же, на стоящих без особого присмотра вешалках. — Поесть дают бесплатно, и даже куртки в гардеробе не воруют... Не воруют же? — настороженно переспросил он, остановившись.

— Какой сумасшедший позарится на твой тулуп в апреле месяце? — не выдержала я.

Где-то лет за семь до революции Матрос служил срочку на Северном флоте, в береговой части. Тогда как раз по частям прокатилась волна голодных бунтов из-за продовольственного кризиса в стране — солдаты, бывало, месяцами ели пустой суп без какого-либо намека на картошку. И вот молодой интеллигентный мальчик туманно-анархических убеждений стал агитировать сослуживцев устроить «военную стачку» к приезду в часть коман-

дующего флотом. Больших результатов не достиг, но, когда на него стуканули, случился крупный скандал, незадачливому анархисту приписали ни много ни мало — организацию теракта и вооруженного мятежа и в итоге посадили на пятнадцать лет. В тюрьме он прочитал кучу революционной классики, но, кажется, самый главный вывод, который из нее вынес, — о важности массовых расстрелов в деле построения справедливого общества.

Когда революция его освободила, он весьма энергично включился в политическую деятельность и вскоре оказался полномочным представителем Совета Коммун в Воронеже. В конце лета, когда начались публичные казни в Ростове, революционное правительство засыпали требованиями брать заложников и отвечать террором на террор. С разделением властных функций в те первые месяцы у нас было совсем плохо, так что суд и расправу творили зачастую по месту жительства. Пользуясь авторитетом центральной власти, Матрос успел расстрелять около сорока человек, родственников и членов семей бежавших на Юг бизнесменов и офицеров, пока не связалась с Москвой и не тормознула его местная милиция. После этого его самого едва не поставили к стенке, спас лишь авторитет старого «политзэка». С началом войны незадачливого комиссара отправили рядовым бойцом на фронт с первым же рабочим батальоном. Говорили, что и там его едва не казнили за жестокое обращение с пленными, но в этом я точно не могу быть уверена. О своих похождениях на фронте Матрос рассказывал в такой манере, что сложно было понять, когда он издевается, а когда говорит всерьез.

Набрав поесть, мы сели за один из удачно расположенных глубоко в углу обеденного зала столиков. Мои коллеги расположились вообще возле окна, в другом конце, однако все-таки нас заметили, удивленно переглянувшись. Надо будет придумать для них какое-нибудь уместное объяснение происходящего, хотя я и сама не очень-то понимала пока ситуацию, а Матрос совсем не спешил объясниться.

Пока занимались супом, по вмонтированному в потолок старому стереовизору шли новости — текущая политическая хроника. Я даже отвлеклась, услышав о том, что председатель Совета Коммун, Юлия Смирнова, посетила с официальным визитом Азанию, и уже у трапа самолета была торжественно встречена самим Первым Пожизненным Президентом Азании, Лидером Африканской Революции, Кавалером трех Бриллиантовых Звезд, Героem Народа и прочая, прочая, короче — легендарным Товарищем Тэ. Встреча двух миров практически. Смирнова была в той же самой своей затертой до неприличия кожанке (которую она очень скоро, измучившись на жаре, наверняка снимет и завяжет на поясе), в выцветших камуфляжных штанах, по-армейски заправленных в берцы, и в тряпичной кепке-«фидельке». Стиль

этот, родом из сорок восьмого, закрепился и сохранился до нашего времени в основном за неимением лучшего: было бы стыдно и недостойно рабочего государства обезьянничать, вводя «социалистические» фраки, смокинги, вицмундиры и ордена с лентами к ним.

И вопиющий контраст этому образу высокой гостьи являла собой встречающая сторона, начиная с ковровой дорожки, на которую председатель вступила с такой же осторожностью, с какой она входила тридцать лет назад в напигигованные минами-ловушками подземные коммуникации под Керчью. Почетный караул в ослепительно белых мундирах в этот момент синхронно произвел цирковые совершенно манипуляции с карабинами, стукнул каблуками о бетон, дружно рявкнул какое-то односложное слово и застыл, задрав подбородки вверх и держа оружие прямо перед собой. Товарищ Тэ, высокий, седовласый, в мундире бригадного генерала, с орденской планкой величиной в две мужские ладони, в эмоциональном порыве сорвал с головы фуражку с неприлично задранным вверх околышем и двинулся прямо на Смирнову с явным намерением заключить ее в объятия. В какой-то момент она, кажется, потеряла контроль над своим лицом — выражение, промелькнувшее на нем за доли секунды, сложно было назвать приветливым или дипломатичным. Однако председатель быстро овладела собой, протянув азанийскому лидеру руку, которую тот, разумеется, пожал, словно так и было задумано. На обнажившемся во время рукопожатия запястье Смирновой как раз в этот момент остановилась камера, запечатлев старую наконку — красную звезду с черной каймой и такой же квадратик.

— А что, ты ведь тоже могла бы быть сейчас на ее месте, а? — Матрос заметил это и указал ложкой на мою правую руку, где была вытатуирована такая же звезда, только вместо квадратика рядом с ней алел треугольник. — Она ведь всего на четыре года тебя старше.

Нарукавные, точнее, напульсные знаки различия были введены в начале войны с целью максимальной демократизации наших вооруженных сил: увидеть подобный знак можно было, только если его носитель выполнит рот-фронтское приветствие. С одной стороны, командиров приучали к революционной вежливости, с другой — отучали от старорежимного козыряния. Но в первое же военное лето вышла с этими знаками незадача: по жаре все закатывали рукава, так что узнать командира становилось при всем желании невозможно. Пока штабные изобретатели придумывали, что делать, на местах народ решал эту проблему по-разному: рисовали командирские треугольнички и квадратики прямо на коже маркером, делали самодельные напульсники, наконец, особо упоротые били татуировки. Последнее даже пытались официально запретить: беловские казаки и «черные кре-

сты» отчего-то считали, что такой наколкой может себя метить только гей или лесбиянка, так что попавшего с ней в плен ждала очень страшная смерть. Тем не менее, обычай закрепился — возможно, потому что бойцов многих подразделений в плен никто и не брал.

— У меня аллергия на большое начальство, — ответила я. — И вообще, я безответственная и эгоистичная, легко поддаюсь чужому влиянию, склонна к нарушениям революционной законности...

— До сих пор обижаешься? — вкрадчиво спросил Матрос. Я понимала, что он меня «прощупывает», однако выглядело это настолько прямолинейно и пошло, что даже возникали сомнения: может, и в самом деле этот визит ничего не означает? Просто скушающий пенсионер решил повидать старую знакомую, ну там — бойцы вспоминают минувшие дни и тому подобное. Невольно хотелось косить под дурачку в ответ.

— Ну на кого мне обижаться-то, кроме себя? Те, кто нас втянул во все это дерьмо, — они уже свое получили. А нам с тобой радоваться надо, что живем не в двадцатом веке. Тогда разговор куда короче был...

— Ты раньше тоже по-другому говорила, Оса, — нахмурился (деланно или искренне?) Матрос.

— Раньше я еще верила во всю эту муру про сломанный меч революции. В то, что Совет допустил ошибку, что ликвидация КОРДа нам всем еще аукнется. Даже ждала этого — чтобы потом сказать что-нибудь типа «ой, я же говорила!». Двадцать лет уже прошло — Коммуны вроде на месте, Социалистическое Содружество неуклонно расширяется, голод в Африке вон победили, Тихий океан собираются от мусора чистить. Яблони на Марсе, опять же: если не есть после шести и не дуться на весь мир — можно даже яблонь дожидаться.

— Яблони — это хорошо, да, — согласился Матрос. — Больше еды — больше социализма. Больше социализма — больше еды. Больше еды — толще пролетариат, год от года... А ты в курсе, например, что одиннадцать процентов московских школьников отказались в этом году от обязательного военного обучения — «по идейным соображениям»? И никто — ни Комобраз, ни Рабочий Контроль, ни Совет — даже не поинтересовался, кто же эти «идейные соображения» придумывает и навязывает? Кто учит детей, что быть социальными инвалидами — здорово? Кто им внушает, что защищать свои Коммуны с оружием в руках — безнравственно и безыдейно?

Удочка заброшена, подумала я. Точнее, с виду это не удочка, а толстая такая жердина с неловко привязанным на конце обрывком каната. Но умной рыбке и этого достаточно, чтобы домыслить недостающие детали, включая крючок и наживку.

— А с кем нам, прости, воевать в нашем прекрасном сытом мире? С этим самым, как его... Свободным Государством Западной Австралии? Или с Алеут-Кадьяком? Эти заповедники свободного предпринимательства давно бы уже зачистили, если бы знали, что делать с контингентом. Можно, конечно, устроить им тотальный геноцид в прямом эфире, только от такого у наших деток появятся дополнительные «идейные соображения», тебе не кажется?

— С кем воевать? Да хотя бы с этим вот, — Матрос кивнул в сторону стереовизора, где уже шел репортаж о борьбе с опустыниванием в Средней Азии, но я поняла, о чем он.

Товарищ Тэ, то ли великий учитель и отец всех африканцев, положивший конец голоду и войнам, то ли кровавый диктатор, виновный в истреблении десятков малых народов. Многие на этот счет уже определились с окончательным ответом, но только не официальные органы Социалистического Содружества. Конечно, он называет себя социалистом, а иногда даже коммунистом, но всякий раз, когда он открывает рот, чтобы сказать что-то содержательное, я вспоминаю тех сумасшедших пенсионеров, что пикетировали летом сорок восьмого наш горсовет с плакатами типа «долой левацкую коммуну космополитов и педерастов, да здравствует Наш Русский Православный СССР!». А ведь были не только безобидные сумасшедшие: на стороне Новой Империи против нас сражались отряды под красным флагом — только первый год, правда, потом их вырезали свои же. Но эти уже принадлежат истории, а азанийский режим с его недавно только ликвидированными концлагерями для ВИЧ-инфицированных, налогами для этнических меньшинств и административным прикреплением городских рабочих к заводам и фабрикам — наличный факт, и что с этим фактом делать — решают уже четверть века.

В одной только Москве сосредоточены десятки тысяч эмигрантов из Азании. Некоторые из них — политические, считающие себя настоящими коммунистами, в отличие от. Тем не менее, единственная действенная программа, в которой они сходятся, когда прекращают хоть на миг сектантскую грызню, — это гениальная идея стукнуть ненавистного диктатора атомной бомбой по темечку и ввести международное внешнее управление страной. Каким образом предлагается убедить без малого восемьсот миллионов человек в благотворности этого пути — никто толком не понимает, кажется. По этой же причине никто не соглашается и на полноценную блокаду, бьющую всегда по простым трудящимся.

— Впрочем, с самим стариком войнушки, возможно, удастся избежать. Зато когда он, наконец, ласты склеит — тогда и начнется самое интересное.

Там ведь строится обычный капитализм, только под вывеской «национальной демократии». Новые элиты станут рвать страну на следующий же день, и тут без вмешательства не обойтись, надо будет вводить миллионный контингент, чтобы предотвратить новую резню. А кто у нас готов к такому повороту событий? Коммуны к этому готовы? Партия готова? А молодежь, которой на себя придется брать основную тяжесть войны, молодежь готова?

Я молчала, поскольку пока не услышала ничего, выходящего за рамки стандартного алармизма. Тухловатая наживка, признаться.

— Но еще интереснее получится, если им там удастся сохранить преемственность власти и единство страны. Потому что капитализм — это империализм. А империализм — это расширение влияния, расширение рынков сбыта, подчинение более слабых соседей. И тоже война, что характерно. Их армия — это не только красивая форма и парады. У них на сегодня лучшие в мире сухопутные войска. Пока мы занимались экспериментами со всеобщим вооружением, азанийцы создавали кастовую профессиональную военную верхушку. Пока наши дети брезгают оружием, они в школах учат, что власть во всем мире должна принадлежать черным...

— Знаешь, я это слышала еще до революции от нашего учителя истории. Ну, про черных, которые хотят поработить Европу и Россию. Когда я пыталась протестовать, меня выставляли за дверь, а вслед он говорил нечто типа «знает кошка, чье мясо съела». У тебя как-то очень похоже получается...

— Расскажи это Найдзелу Осипову, которого я из-под завала в Острогжске достал, — Матрос даже побелел от злости. — Который меня братом два года называл. Который у меня на руках умер. Расскажи, какой я расист и ксенофоб.

— Я не о том...

— Не шути с такими вещами, Оса, — кажется, впервые в нашу сторону стали смотреть удивленно с соседних столиков. — Я ведь могу не поглядеть, что ты слабее.

Вышло, конечно, некрасиво, даже гаденько, если честно, но теперь я, по крайней мере, точно знала, что передо мной — старый добрый Матрос, а не перековавшееся и переродившееся нечто в телесной оболочке лучшего друга. Значит, во всем, чем он станет лечить меня дальше, он по крайней мере субъективно уверен.

— Ладно, хватит ходить вокруг да около, давай выкладывай, с чем пришел, а то мы правда друг другу глаза вилками повыкалываем. Хочешь, чтобы я поехала в Азанию и убила всех плохих парней?

— Вот не знаю, есть ли смысл с тобой разговаривать дальше, — он еще не отошел, хотя и очень старался. — Тем более, что я к тебе пришел сугубо по своей инициативе.

— А у тебя есть кто-то, кто тебе может приказывать?

— Приказывать — это вряд ли, — улыбнулся Матрос, и улыбка его мне не очень-то понравилась. — Есть нечто вроде клуба по интересам. Старые отставники, не только из КОРДа, из разных ведомств, собираются по очереди у кого-нибудь на квартире пару раз в неделю. Обсуждают политику правительства, международное положение, итоги и перспективы, в общем, все такое. Ищут опасности, которые сложно заметить замыленным глазом государственных людей. Иногда — составляют докладные записки с советами космического масштаба для правительства Коммун. Ничего противозаконного, все в рамках рабочей демократии. Просто, ну ты сама понимаешь, как к нам относится общество, так что делается все в основном негласно. А умищи у нас такие — о-го-го! Уж на что я люблю поумничать, но там в основном почтительно молчу да чай завариваю. Неудивительно — я среди них чуть ли не самый молодой, получается.

— «Старики-разбойники», в общем.

— Что? — не понял Матрос. — Ну да ладно, если вкратце, умные люди, нам не чета, пришли к выводу, что кризис человечества, настоящий, с риском полнейшей его деградации и одичания, похлеще последнего Большого Провала, — он еще впереди. И Азания тут — не первая и даже не вторая опасность, на самом деле. Да в общем, откуда ждать самой большой пакости — пока не очень понятно. Ты слышала про бойню в Памире, неделю назад? Не надо вылезать в Сеть, с разгону ты все равно до сути не доберешься. Так вот, девять человек, родом из Латинской Америки, занимались своего рода экстремальным туризмом: изучали брошенные военные объекты, ракетные шахты, бункеры, да много чего, вплоть до заброшенных и не снесенных до конца небоскребов в Нью-Дели и Джакарте. И не только они: это полноценная международная субкультура, что-то вроде старого доброго индустриального туризма, только с упором именно на исследование последней войны и ее следов. И вот эти ребята поднялись в горы, чтобы найти то ли заброшенный схрон, то ли полноценный лагерь исламистов, однако нарвались на местную мафию, выпустившую на них киберзомби.

— Хрена ж себе, — тут я, конечно, сразу вызвала на линзу поисковик, чтобы разобраться в том, как подобная новость прошла мимо меня.

— Ребята погибли, все до одного, практически в прямом эфире — у них была связь со своими людьми на равнине. Сейчас там, на Среднем Востоке, идет масштабное перетряхивание большого начальства, и уж если кого-то

заподозрят в таких художествах — головы оторвут наверняка. Но нас больше всего заинтересовали не убийцы, а жертвы. Все они — молодежь, родившаяся и выросшая в новом мире, все — из относительно развитых стран Содружества. Что они ищут в руинах военных лет — это очень интересно, но еще интереснее — что они могут оттуда выкопать. Начиная с неизвестных науке боевых отравляющих веществ и заканчивая государственными секретами, которые и сегодня могут причинить кое-кому неудобства. Так вот, некоторые наши бюрократы после этого инцидента потребовали запретить такой туризм, а представители объединения «InterSearch» (так себя эти туристы называют, если что) пригрозили перейти на нелегальное положение. Словом, сошлись на том, что запрещать никто ничего не будет, но перейдут эти поисковики под покровительство Соцсодружества. Самое главное, что изменится, — каждой группе придадут ответственных за безопасность, вооружат всех легким стрелковым, раздадут средства индивидуальной защиты, разработают единые стандарты для исследований на объектах. У ребят уже есть уникальный опыт, который грех не использовать, а разбираться с подарками прошлого рано или поздно все равно надо. Так вот, группы наших туристов привяжут к определенным территориям, устроят на них нормальные базы материального обеспечения, за государственный счет. Тем, кто будет работать по территории бывшей России, инструкторов придадут, понятное дело, из Коммун. Инструктора должны, с одной стороны, подходить по определенным критериям здоровья, с другой — очень желательно, чтобы они имели боевой опыт. И тут есть определенные затруднения. Сама понимаешь, почти всем ветеранам нашим — хорошо за пятьдесят, а большинству и того больше...

— Ага, понятно. А с чего ты, спрашивается, взял, что я вот так радостно брошу всё и побегу играть в сталкеров и нянчиться с растленной молодежью ради душевного спокойствия старых алармистов?

— Ты три раза в неделю занимаешься в тире. Зачем? — Матрос смотрел мне прямо в глаза.

— В смысле — зачем? Для себя, — он застал меня врасплох. Ну ясное дело, такие встречи без предварительной подготовки не проводятся.

— Ну кого ты обманываешь, а? Наше поколение ничего не умеет делать «для себя». Молодые — умеют, а вот мы — нет. Доказано двумя тысячами лично мне известных примеров.

— Наше поколение? Ты меня на пятнадцать лет старше, дядечка!

— Когда ваш профорг узнал о твоих успехах в стрельбе, он предложил тебе выступать от завода на городских соревнованиях. Что ты ему ответила, помнишь?

— Ты, наверное, сам это должен знать, — я потихоньку начинала закипать.

— Я не знаю. Знаю только, что он до сих пор с тобой не здоровается. Не для себя, не для людей — для кого ты дырявишь мишени, Оса? Не знаешь? Зато я знаю: ты до сих пор ждешь приказа. Ждешь кого-то, кто подорвет тебя с твоего топчана в бытовке и бросит в бой. Я сам такой, только я уже — старая развалина. Но и ты лет через десять мало на что будешь способна.

Одним залпом Матрос выдул стакан компота, глаза тут же заблестели, как будто стопку тяпнул.

— Ты помнишь это ощущение, Марьям? Ощущение из сорок восьмого? Мы голодали, мерзли, погибали — но никогда еще нам не было так весело. Казалось — можно дойти до края земного шара, взобраться на небо и перевернуть весь мир. И — никаких компромиссов, никаких остановок на полпути! Это надо вернуть молодым — этот огонь, этот энтузиазм. Тогда для нас вообще не будет ничего страшного — ни в прошлом, ни в будущем.

Я смотрела на него, не желая напоминать, как он расстрелял в своем энтузиазме сорок человек, большая часть которых — женщины и дети. Не желая спрашивать, скольких из них он отправил на тот свет лично. Я вспоминала, как во время наших бесконечных споров в период работы в КОРДе он грамотно, аргументированно доказывал, что единственный способ предотвратить повторение сталинизма — устроить огромный концлагерь, куда посадить всех сталинистов, всех их родственников, друзей и домашних зверушек.

И в то же время он абсолютно, безукоризненно честен и бескорыстен. Когда мы с ним впервые накрыли конспиративную квартиру спекулянтов, торговавших дорогими лекарствами, а заодно и снабжавших деньгами наш доморощенный союз меча и орала, я впервые в своей жизни увидела чудовищное богатство, рассыпанное на небольшом пространстве обеденного стола. Пачки валюты, настоящих шведских крон, наспех рассортированные по весу золотые украшения — я не была специалистом, но видела перед собой состояние, достаточное для того, чтобы план типа «делим пополам и пропадаем в разные стороны» переставал быть безумием. Да что там говорить — достаточно было зачерпнуть малую горстку ценностей, чтобы сильно поправить свое материальное положение. Вместо этого мы под камеру начали описывать найденного — и чтобы там кто ни говорил иной раз за спиной, ни единой бумажки к нашим рукам не прилипло.

Тогда нас с ним очень сильно хвалили, даже из горсовета приезжал товарищ для личной благодарности. Говорил, мы в буквальном смысле спасли городской бюджет и несколько целевых социальных программ. За это нам

вручили почетную грамоту и, на двоих, премию — миллион двести тысяч рублей. Этого хватило ровно на шесть бутылок «настоящего европейского темного пива», которое Матрос приобрел, как водится, из-под полы и которое, что следовало ожидать, оказалось редкостной мочой. Все-таки мы выдули все за один присест, хохоча как сумасшедшие, нежно обзывая друг друга идиоткой и болваном и обещая себе, что и следующий клад тоже сдадим родному рабочему государству в целости и сохранности. В тот вечер дело даже дошло до поцелуев — на нервной почве, наверное. Я больше в жизни ни с кем не целовалась, ни до, ни после. Впрочем, продолжения эта история так и не получила.

— Ну ладно, положим, я вдруг сошла с ума или сделала вид, что мне твое предложение интересно. Дальше что? Я ведь кордовская, кто меня пустит-то на такую ответственную должность?

— Это как раз никому не обязательно знать. Пара исправлений по базам данных — и этого периода жизни как не бывало. Ты — то, что ты есть. Ветеран войны, заводчанка, уважаемая и законопослушная девочка.

Ага, вот оно что!

— Сейчас ты встанешь, выйдешь, и свалишь отсюда. Быстро и тихо. Ровно через минуту я подниму шум, заломаю тебя и поволоку в Рабочий контроль — пускай они там с тобой разбираются.

— Оса...

— Я в курсе, сколько можно получить за подделку биографических данных. И я знаю, у кого есть возможности для этого. Очень дешевая провокация, Матрос. Очень.

— Ты испугана и ни черта сейчас не понимаешь. И ты можешь наделать глупостей. Только вспомни: я никогда тебе не врал. Подумай хорошенько на досуге над этим, и над ощущениями из сорок восьмого тоже подумай. В Сети мой новый адрес есть, если что, — он собрал свои тарелки, и, не оборачиваясь, понес их на мойку.

Я нагнала Колю и Аврору практически у проходной — все же фронтовые навыки быстрого поглощения пищи даром не проходят.

— Марьям, так кто это был? — поинтересовалась Аврора.

— Это? Мой любовник, — начала придумывать я. — Мы расстались с ним, когда у него начались проблемы с эрекцией и он начал предлагать мне...

— Ладно, можно без подробностей, — прервала меня Аврора. — Он точно больше не придет? Он тебе ничего не сделает?

Все-таки наша молодежь немного странная. Очень хорошая, но странная.

— Виват его императорскому высочеству! — восторженно прокричала барышня в шляпке-канотье, протягивая руки к автомобилю через сцепившихся локтями городских.

— Его императорскому высочеству вивааааа! — ломающимся дискантом завопил застегнутый на все пуговицы гимназист с черной полоской юношеских усов над верхней губой и с лицом первого классного ябеда.

— Слава! — басил словно сошедший со страниц Лескова дьякон Смоленского собора.

Толпа приветствующих цесаревича подданных чем-то напоминала фруктовый йогурт из рекламы — сфокусировав зрение, можно было выхватить отдельные кусочки фруктов, то есть лица, однако в целом получалась все равно бесформенная колышущаяся творожная масса. Колокола двух десятков городских храмов сопровождали народное ликование соответствующим бодрым саундтреком — кажется, трезвоном. Или все-таки благовестом? Какая, в принципе, разница? И откуда эти словечки поперли и ассоциации — йогурт, саундтрек?

«Вышли из роли, ваше высочество», — сделал сам себе замечание Михаил Георгиевич. И тут же подумал, что это хорошо, если он по-прежнему осознает себя чем-то отдельным от «носителя». Все-таки те фантасты, что писали о «подселении» попаданцев в тела исторических персонажей, мало что понимали в вопросе взаимодействия «чистого разума» с чужой памятью, да и с чужим «аппаратным обеспечением» тоже. Чтобы не дать себе раствориться в носителе, требуются постоянные усилия воли по поддержанию осознанного раздвоения личности, а отсюда не так уж далеко и до шизофрении.

Впрочем, писатели из далекого теперь двадцать первого века мало что понимали и в социальном вопросе: изменять историю в своих книжках они обычно посылали людей, абсолютно не приспособленных к руководству государствами и армиями: офисных хомячков, отставных офицеров-неудачников, студентов и прочую шваль. В прошлой своей жизни Михаил Георгиевич любил почитать книжки про попаданцев, многие из них были написаны людьми отнюдь не бесталанными, кое-что по-настоящему увлекало и заставляло с нетерпением ждать продолжения, но его неизменно бесили герои этих многотомных саг — типичные плебеи и лузеры. Любому, кроме немецкого шпиона Ленина, очевидно, что кухарка не может управлять государством, так каким же образом это сможет сделать студент второго курса очередного заборостроительного техникума, или как там они называются, лишь потому что долго читал тематические форумы и знает наизубок ТТХ аэроплана «Илья Муромец»? Для правления необходима элита, а элиту не воспитывают в провинциальных институтах или на военно-исторических форумах.

С другой стороны, русскую элиту, мыслящую по-русски, по-имперски, вряд ли возможно получить из выпускников британских Ancient Universities. Будущий цесаревич, даром что сам учился за границей, ощущал себя по отношению к этой публике, чьим пределом мечтаний было прочно осесть за рубежом, безнадежно чужим. Отсюда и другие интересы, другой круг чте-

ния в поисках ответов на вопросы, которыми сверстники даже не задавались. Лев Тихомиров и Иван Ильин органически дополнялись имперской фантастикой, потерянная Россия вставала рядом с Россией обретаемой, по-дыскивались единомышленники из числа таких же, как он сам, сыновей чиновников и бизнесменов большой руки, вопрос о том, как и чем можно посодействовать возрождению в стране православной монархии, вставал в практической плоскости. Сформировавшийся вокруг молодого Михаила кружок патриотически настроенной молодежи был не слишком многочислен, но все это были мужчины, обреченные владеть и править Россией в ближайшие десятилетия, — новая аристократия, можно сказать. Перспективы этой неформальной организации были самыми радужными, особенно на фоне резкого похолодания отношений с Западом, которое не могло не сказываться негативно на космополитической элите. И Михаил был бы неизбежно вовлечен в водоворот публичной политики, если бы однажды, после очередного собрания единомышленников в скромном поселке где-то по Новорижскому шоссе, после традиционной для таких встреч русской парной с неизбежными истинно-русскими красавицами, он не проснулся следующим утром в совершенно другом времени и мире.

Прошло, наверное, не меньше минуты, прежде чем Аля сообразила, что растекающаяся лужа крови из-под тела господина присяжного поверенного добралась уже до ее каблука. Медленно, опираясь только на здоровую левую руку, он встала с пола, прижимая к груди правую кисть. Предатель едва не вырвал ее с мясом в последние мгновения жизни.

Все с самого начала пошло не так. В этот раз провокатор прекрасно понимал, с кем имеет дело, и был готов к столкновению. И все-таки, даже будучи предупрежден, бедняга ее фатально недооценил: когда он перехватил Алину руку с зажатым в кулаке миниатюрным кинжалом и начал с садистическим сладострастием ее выкручивать, террористка не стала заниматься безнадежной борьбой, а вместо этого разжала кулак, прогнулась до самого пола, левой рукой подобрала упавший кинжал и снизу, из неудобного совершенно положения вонзила его в пах предателю. Удар получился очень удачным: матерый агент охраны тоненько запищал, сразу же отпустив Алю и ухватившись за причинное место, а она в порыве ярости буквально вбила лезвие врагу между ключиц. И только после этого девушка почувствовала ослепляющую боль в запястье и рухнула на пол.

Боль. Главное — вытеснить ее мысленно за пределы собственного тела. Сначала надо представить, что боль идет от маленьких стальных жучков, грызущих руку изнутри и снаружи. Затем, сконцентрировавшись, можно увидеть прямо перед собой большой и мощный электромагнит. Усиленным мыслям надо включить его — и он сразу же притягивает к себе кровожадных насекомых. Боль уходит. Уходит. Уходит.

Дышать надо размеренно, передвигаться — плавно. Дом совершенно пуст, что и неудивительно — весь город собрался поглазеть на наследника престола, который вот-вот появится в автомобиле с открытым верхом. Это хорошо. Аля вступила в лужицу крови всей подошвой, затем, стараясь

сильно вдавливать ее в пол, подошла к окну, выходящему в изрядно заросший яблонево-вишневый садик за домом, распахнула его, аккуратно сняла туфлю, сделала еще один кровавый отпечаток на покрашенном в белый цвет подоконнике, а затем запустила ее в куст крыжовника. Точность броска даже левой рукой оказалась безукоризненной. Теперь можно считать, что она выпрыгнула в окно и скрылась где-то во дворах.

Аля понятия не имела, когда за ней придет охранка, и придет ли вообще. Тадеуш вчера на ее сомнения ответил горячей, но малопонятной тирадой: «Ты — неучтенный фактор. Тебя совсем не должно здесь быть, понимаешь? Все роли в этом спектакле расписаны заранее, но тебя в списке актеров нет. Охранка — очень косная структура, вроде тех допотопных чудовищ с головой размером с паровоз и мозгом размером с орех. Они будут действовать по сценарию, который очень легко поломать. И мы ломаем — мы отучим их от подлых провокаций, будь уверена! Одно это оздоровит атмосферу в стране, я точно знаю!».

Теперь — к лестнице на чердак. Она старалась действовать одной левой рукой, полностью расслабив правую. По ощущениям — вроде бы ничего не сломано, но боль все равно вызывала тревогу. Неизвестно, чего хотел провокатор — то ли вывернуть тоненькую женскую кисть, то ли просто раздавить ее голыми руками.

Сундук. Крышка, к счастью, оказалось достаточно легкой, чтобы ее можно было поднять одной рукой. Винтовка лежала, не до конца завернутая в грязный замасленный рушник. Аля впервые попробовала пошевелить кистью и пальцами — она очень боялась, что от боли не сможет даже нажать на спуск. Стальные жучки снова вернулись, впившись в руку, но уже не с такой силой и яростью. Терпеть можно.

Сложнее всего оказалось распахнуть маленькое слуховое окошко, располагавшееся где-то на уровне пояса, — рама была покрашена по всему периметру, и даже найти и выбить из петли маленький накидной крючок, имея в распоряжении лишь одну здоровую руку, вышло далеко не сразу. Але казалось, что время идет с лихорадочной быстротой, она начала нервничать и терять терпение. В какой-то момент ей овладело бешенство, и она едва удержалась от того, чтобы просто разбить стекло прикладом. Но тут под кинжалом, который она вонзила в промежуток между створкой и рамой окошка, наконец, что-то хрустнуло, и створка поддалась.

Свежий ветерок ударил ей в лицо вместе с запахами и звуками улицы. Только в этот момент Аля поняла, что на чердаке душно и что она успела вспотеть. Внезапно она громко чихнула, отпрянула от окошка и осела на грязный пол, даваясь смехом и кашлем.

Надо успокоиться, срочно и неотложно. Нельзя в состоянии нервного возбуждения сделать точный выстрел, даже с цейссовским восьмикратным прицелом. Аля нащупала двумя пальцами пульс на шее, затем представила перед собой отсчитывающий секунды метроном и усилием воли стала «подгонять» биение своего сердца под воображаемый стук. Дрожь в теле утихла, дыхание становилось ровнее, даже в горле перестало першить. Уже несколько лет Аля экспериментировала с самовнушением, и ей удалось до-

биться интереснейших результатов — не на уровне индийских йогов, разумеется, но все же некоторые знания об управлении собственными жизненными процессами она получила. До смерти обидно, что эти знания не приносят пользу людям. До смерти. До смерти всех тиранов на Земле.

Пусть это кому-то покажется смешным, но пулю, которая должна поразить сегодня цесаревича, будет толкать вперед не только энергия взрыва пороховых газов, но и Алина ненависть.

— Мам, ты что, заснула? — Токо обеспокоено трясла меня за плечо.

Я открыла глаза, увидев удивленных и в некотором роде даже восхищенных своих детишек. Стоявший в коридоре шум от работающего оборудования, прямо скажем, не располагал к сладкой дреме. Однако война с ее постоянными недосыпами научила меня входить в спящий режим в каждую свободную минутку — например, при переброске транспортом с места на место. На гражданке этот условный рефлекс постепенно сошел на нет, но в «Интерсерче» отчего-то снова заработал на полную.

Шея затекла, спина одеревенела — ого, это я хорошо придавила. Попытку глядеть на работающую плазморезку через пальцы пресек Мика, нацепив на меня сварочные очки. Лу заканчивала вырезать вытянутый прямоугольник явно не по своим габаритам — спешила, похоже. Всех охватило радостное нетерпение — именно ради таких моментов мы и занимаемся тем, чем занимаемся. Ясмина старательно водила пистолетом с охлаждающей смесью по оплавленной поверхности реза. Запах, несмотря на работающую всюю вытяжку, стоял соответствующий — ну да нам, заводским, не привыкать.

— Как ни странно, дверь оказалась однослойная, — объясняла мне Токо. — Режется так себе, но на швейцарский сейф непохоже. Хотя будет потолще, чем в корейских бункерах.

— Очень может быть, что мы зря вообще с этой стороны зашли, — сказал Мика.

— То есть?

— Дверь запирается только изнутри, механически. Никакой электроники, я проверил. Значит, тот, кто там закрылся, должен был как-то выйти, верно? Может, мы просто не с того конца начали?

— Ну, нашел время для таких идей, — отозвалась Ю. — Да и нет тут никакого аварийного выхода, а если и есть — до него еще сложнее добратся, чем до этого.

— И кто сказал, что тот, кто там заперся, сделал это только для того, чтобы выйти с черного хода? — подумала я вслух.

— Что, там и в самом деле скелет фашиста с пулеметом? — насторожился Мика.

— Это как раз хорошо, если скелет, — я не без труда достала старый австрийский пистолет с тактическим фонариком, пообещав себе в следующий раз крепить кобуру под левую руку. — Скелеты и мумии вообще милейшие люди по сравнению с некоторыми...

Лу закончила резать, и теперь мы ждали, пока вся дверь остынет. Через пару минут она, тщательно прицелившись, жახнула всей стопой по вырезанному прямоугольнику, едва удержавшись на ногах, и кусок стальной плиты с грохотом упал внутрь. Все мы с нетерпением, подсвечивая фонариками, вглядывались в образовавшееся отверстие. Как и следовало ожидать, разглядеть что-то существенное не получалось.

— Ладно, лезть придется мне, — Ясмينا уже собиралась юркнуть в темноту, но я остановила ее властным окриком:

— А ну стоп! Это мамино дело, я тут у вас первый кандидат на встречу с неизвестным.

— Мам, ну ты же однорукая сейчас. Или ты и впрямь думаешь, кто-то там сидит и хочет нас укусить?

— Понятия не имею. Но если хочет — то пускай начинает с меня, тогда точно зубы обломает.

С самого детства я отличалась астеническим телосложением, и подростковую фигуру в итоге сохранила до самой старости. Вот лицо-шея-руки — да, тут возраст читается невооруженным глазом.

Оказавшись внутри, пройдя узкий коридор, я зашла в просторный зал, наполненный глухим гудением. Фонарик выхватывал из темноты только отдельные фрагменты.

— Оборудование какое-то, — комментировала я больше для себя. — Гудит, булькает, дует... Негромко совсем, как в кино, когда там старую химическую лабораторию изображают... Эй, а ты куда лезешь?

Ясмينا поднырнула у меня подмышкой и включила мощный фонарь-прожектор, осветивший зал, наполненный... я еще не сформулировала для себя, чем, но в голове всплыло слово «склеп». Двенадцать параллелепипедов, длиной метра два с половиной, шириной с полтора метра, и высотой где-то мне по грудь. Точнее, не строгих параллелепипедов, сверху их венчали усеченные пирамиды, очень сильно напоминающие крышки гробов. Наверное, именно поэтому — склеп.

— Святые негодники, вот это везуха! — восхищенная парижанка тыкала фонариком во все стороны, не давая толком рассмотреть обстановку.

— Да уж, поинтереснее бункера Последнего Кима, — заметила сдержанно Ю.

— Эй, вы там, открывайте немедленно дверь, я в эту дыру не пролезаю!
— голос Лу раздался сзади, сопровождаемый смехом Мики и Токо.

Что бывает, когда группа серчеров полностью проходит объект? Начинается обычно самое интересное — запечатление себя на фоне примечательных деталей интерьера и выбор сувениров для личной коллекции. Причем с сувенирами — это вполне официально закреплено в нашем уставе и является даже не столько правом, сколько обязанностью настоящего поисковика, так что у меня в комнате на вполне законных основаниях хранятся японский противогаз, финская каска и российская портативная рация начала века, похожая на первые носимые сотовые телефоны. Дальше объект передается местным властям, а уж те пускай болеют головой, под какие надобности его приспособить. Впрочем, иногда и нам удается прорваться на первые страницы новостных порталов: полгода назад, исследуя городские джунгли Нью-Дели, группа наших ребят наткнулась на заброшенный дата-центр двадцатых годов. Это привело к настоящему прорыву в сетевой археологии региона, прямо-таки к маленькой научной сенсации, так что дурацкие селфи серчеров сделали достоянием истории, а не просто памятью в фотоальбоме. Впрочем, самыми известными людьми из «Интерсерча» по-прежнему остаются Фернандес и его группа — а это явно не повод для зависти.

В нашем случае до фотосессии и сувениров в коллекцию было еще далеко. Объект нам попался не заброшенный, а действующий, и это очень плохо пахло, хотя и сулило массу тех самых вещей, ради которых молодежь к нам приходит: Тайн, Загадок и Приключений.

Покопавшись во встроенном в стену рядом с входом щитке, Мика врубил освещение, что, по правде сказать, мало прояснило ситуацию. Зал производил впечатление прочно забытого и заброшенного, слой пыли на всех доступных обзору поверхностях был такой, что при одном на нее взгляде хотелось чихать. Никаких намеков на дополнительные выходы. Правда, двенадцать «гробов» черного цвета, каким бы ни было их предназначение, выполняли его исправно — то есть гудели вполне осмысленно. Точнее, не все двенадцать...

Обойдя склеп, поочередно прикладывая руку к «гробам», я обнаружила, что работают в штатном режиме только девять. Еще три молчали. Сломались или просто выключены?

— Что-то мне эти штуки напоминают, — голос Мики звучал не особо уверенно, однако пальцы его проходились по поверхности «гроба» с тем узнаванием, с каким слепой пианист нащупывает клавиши незнакомого ин-

струмента. Неожиданно раздался щелчок, и боковая панель начала уходить в сторону, обнажая внутренности черного ящика. Стоявшая прямо за спиной Мики Ясмина с криком отскочила в сторону (она, впрочем, никогда не стеснялась выражать свои эмоции максимально громко). Я подбежала с пистолетом наизготовку, но тут парень разогнулся, отошел в сторону, демонстрируя всем нам внутренности «гроба».

— Это называется «Авалон-354». Первая в истории камера псевдоанабиоза человека. Величайший в свое время шаг вперед... ну, по крайней мере, в сравнении с крионическим шарлатанством.

Внутренняя подсветка, видимо, включалась автоматически при открытии задвижки. Как в холодильнике, промелькнула у меня неуместная мысль. Посмотрев в прозрачное окошко, я поняла, почему же закричала Ясмина. В слегка мутноватой жидкости, опутанная бесчисленными проводками и трубками, виднелась человеческая голова. Мужская, скорее всего, и без каких-либо следов растительности. Еще можно было различить плечи, так что, видимо, остальное тело тоже имелось в наличии. Иначе просто незачем было делать камеру настолько габаритной. Отсутствие волосяного покрова и обилие подведенной к телу аппаратуры несколько затрудняло определение возраста человека. Тридцать? Сорок? Точно больше двадцати и меньше пятидесяти.

— Псевдоанабиоз? — переспросила Лу. — То есть он лежит тут с дореволюционных времен?

— Тогда уж — с революционных, — возразила Ю. — Документы об объекте датируются сорок девятым годом, война уже была в разгаре.

Пока девочки обсуждали историю эпохи, бывшей для них былинной и легендарной, я тихо радовалась, что никто из них не проблевался и не впал в истерику от такого поворота сюжета. Что бы это все могло значить? Варварские опыты в стиле фашистских «докторов»? Да, от имперцев всякого можно ожидать, они в свое время реконструировали самые разные периоды всемирной истории, вводя на поработанных территориях практику публичных телесных наказаний и публично сжигая полотна неугодных художников. Только что-то не похоже это на деятельность тех имперцев, которых я знала и с которыми воевала, — слишком уж... высокотехнологично?

И еще одна мысль не давала мне покоя. Где-то я видела эту голову. Отсутствие волос затрудняло опознание, но я не сомневалась, что лицо мне знакомо, причем и в профиль, и анфас по отдельности. Значит, видела я его не живьем, а где-то в ориентировках... Хотя, к тому времени, как я начала работать в КОРДе, этот персонаж давно уже лежал в своем гробу. Следовательно...

И тут меня осенило.

— Мика, — скомандовала я. — Открывай остальные камеры, мне нужно видеть их лица. Кажется, я знаю, с кем мы имеем дело.

Чем больше камер открывал Мика, тем отчетливее я понимала, чьи головы увижу в оставшихся. Несложно было вычислить и то, кто же лежал в навсегда замолчавших «гробах» (никаких останков мы там не обнаружили, тела, похоже, попросту растворились в мутной жидкости — возможно даже, пошли на прокорм оставшихся в живых).

— И что теперь? — спросила Лу.

— Скажи, Мика, дорого ли стоили эти «Авалоны» в эпоху свободного предпринимательства?

— Их было сделано двадцать штук за всю историю, — не дожидаясь ответа Мики, выдала справку Ю. — Все двадцать — номерные, часть из них находится в Амстердаме, часть — в Токайдо. Цена — от...

— ...Хорошо, понятно. Я понятия не имею, что здесь произошло, но могу сказать наверняка, за чей счет был построен этот склеп и кто все эти люди. По порядку, — я подошла к самой первой камере, открытой Микой. — Михаил Романовский, двадцать седьмая позиция в списке богатейших бизнесменов России на сорок шестой год, самый молодой из первой полусотни олигархов. Фактический хозяин Крыма, покровитель организации «Черный крест» — фашистской банды под вывеской союза ветеранов кавказских войн. Объявлен вне закона и лишен права на жизнь одним из первых декретов правительства Коммун. Благополучно пережил два покушения: первое организовали крымские анархисты, второе — КОРД. Вышел сухим из воды во время конфликта сорок девятого года между «державниками» и «сепаратистами», поддержав правительство Белова и фактически кинув своих прежних протезе на съедение. Бесследно исчез в январе пятьдесят первого года. Вместе с львиной долей своего состояния, что характерно. Переходим к следующему экспонату. Жан-Мари Арно, наследник одного из богатейших французских семейств, потомок сразу двух министров из лавалевского правительства. «Труд, семья, отечество», ну, Ясмина должна быть в курсе. Тоже спонсировал в свое время «белых шуанов» и пропал без следа в том самом январе пятьдесят первого...

Я называла имена одно за другим, с той уверенностью, с какой хорошая ученица перечисляет глаголы-исключения первого спряжения. Ю параллельно рыскала по Сети, рассылая всем изображения упоминаемых мной деятелей. В камере псевдоанабиоза старение происходит раза в три медленнее, большинство обитателей нашего склепа были людьми здоровыми, энер-

гичными и отнюдь не старыми, так что сличение их с изображениями проходило без особых проблем.

— А вот это, — я указала на последнюю камеру, — будет интересно Токо. Ты уже догадалась, наверное.

— Предатель? — голос азанийки от волнения сел.

— Он самый. Джулиус Джесси, «Черный Иуда». Бывший командующий Вторым Юго-Западным фронтом Африканской армии освобождения. Человек, погубивший ее Центральный Штаб, ну, за исключением чудом спасшегося товарища Тэ. Символ и эталон предательства там, южнее Сахары. Две тысячи солдат из Львиного полка азанийской гвардии поклялись в свое время не пить, не курить и не вступать в половые связи, пока мерзавец не будет казнен. В те времена, когда это еще имело значение, награда за его голову превысила сумму, полученную им от британских корпораций за измену. И все напрасно: предатель как сквозь землю провалился. Бесследно исчез прямо со своей виллы в Дубай Марина.

— Это все более чем круто, ма, — Лу пристально смотрела мне прямо в глаза. — Но откуда у тебя такие сведения? Правда, ты так оттарабанила эти имена, как будто к уроку готовилась.

— Все просто, — откликнулась Ясмина. — Наша мама — не та, за кого себя выдает. Она секретный агент тайного ордена старых революционных борцов, сражающихся с неведомым нам, простым смертным, злом.

— Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу, — улыбнулся Мика. Как всегда, его иронию в полной мере могла оценить лишь я, и поэтому возмущенная Ясмина добавила:

— А ты, новенький, наверное, состоишь с ней в сговоре. Только ты не настоящий супергерой, ты комедийный персонаж, для смеха в сюжет добавлен...

Я стояла молча, неловко и устало улыбаясь. Ну а что им можно ответить, в самом деле?

Когда я работала в городском КОРДе, у нас в вестибюле висел старый электронный стенд, где в основном транслировались ориентировки на местных разыскиваемых бандитов и контриков. В основном — потому что тут же, в одном ряду с нашей, белгородской сволочью, были портреты крупных международных преступников. Мы часто зубоскалили по этому поводу с Матросом: а вдруг и в самом деле где-нибудь на Гриневке или в Масловой Пристани под видом таджикского дворника скрывается разыскиваемый десятком стран террорист Ибрагим аль-Мавсили, взорвавший «грязную бомбу» в Эрбиле? А может, в общежитии китайцев на Соколе живет себе тихо генерал Чжан Цилян, палач Шанхая? Вытащить такого мерзавца за шиворот

на свет — и гарантированно попадешь в историю. Тысячи раз я проходила мимо этого стенда, информация на нем обновлялась не так уж часто, так что выучить наизусть имена не составляло большого труда. А потом я узнала о загадке двенадцати денежных мешков — о том, как во время войны в разных частях света таинственно пропали в течение недели несколько богачей, успев перед этим распродать большую часть активов и вывести полученные средства куда-то в неизвестном направлении. Убегать от социализма — это было решение понятное и совсем не оригинальное, но большую часть беглецов распространяющаяся по планете революция все-таки настигла. В этом же случае одиознейшие личности, активные контрреволюционеры, которых ни в какой точке планеты ничего хорошего по определению не ждало, настолько хорошо зачистили концы при драпе, что даже никаких идей своим преследователям не оставили.

И вот я их, наконец, настигла. Можно ли придумать что-то более забавное? Престарелый деревенский милиционер самолично арестовал неуловимого Фантомаса. Можно прямо здесь и сейчас устраивать показательный суд с приговором. Тем более что Токо, хоть и эмигрантка, продолжает считать себя честной гражданкой Азании. А всякий честный гражданин Азании, увидев Джулиуса Джасси, обязан, не считаясь ни с какими препятствиями, попытаться его уничтожить. Культ личности — штука опасная, с разгону из него не выбраться.

— Вы все бестолочи дикие, — прервала мои размышления Ю. — И я тоже бестолочь. Статьи про загадку исчезновения двенадцати денежных мешков печатались на куче исторических сайтов, в Википедии про них написано, все уже сто лет как лежит в открытых источниках, и мама знает больше вас, потому что читает больше! Еще серчерами называетесь...

— Ничего не слышала про это, — в растерянности развела руками Токо. — В школе нам про связи Предателя не рассказывали...

— А я уже хотела вас ликвидировать, раз уж вы меня раскрыли, — улыбнулась я, затем обратила внимание на то, что Мика копался с другой стороны одной из камер. — Ты там что, еще что-то интересное нашел?

— Кажется, пришла моя очередь удивлять и просвещать, — Мика поднялся с пола, хотел, продолжить фразу, но не удержался и чихнул. Только после того как стих взрыв общего хохота, в котором ощущалась нервная нотка, он продолжил:

— Если вкратце, это не просто камера псевдоанабиоза. Это еще по совместительству и комплекс виртуальной реальности.

Когда Лаврентий предложил свой вариант «покушения», цесаревич не поленился вникнуть в конструкцию снаряда и проконсультироваться с ар-

мейскими и гражданскими специалистами: очень уж сомнительное это дело — доверять свою жизнь шпикам и провокаторам. Берия, разумеется, не станет вести двойную игру — он не идиот и прекрасно понимает, что должен держаться за Михаила, что все его надежды на будущее — в наследнике. Но последующие инстанции заключают в себе такое количество опасностей в виде разнообразных азефов и богровых (пусть ни тот, ни другой в этой реальности себя никак не проявили), что запутаться и споткнуться на каком-то этапе хитроумной комбинации было слишком легко.

Разумеется, его убедили: снаряда, взорвавшись, укокошит не более двух-пяти человек — как раз необходимый минимум для нового этапа информационной войны. Эффект же от этого взрыва станет еще одним гвоздем в гроб либеральных миротворцев и англоманов в Петербурге, очередным шагом к войне. Ядерной войне.

Еще в своей прошлой жизни будущий наследник российского престола задумывался над тем, почему мир в двадцать первом веке зашел в откровенный тупик, потерял динамику, почему белая Европа, господствовавшая еще столетие назад, так легко поддалась напору мусульманских орд и вылезших из подполья извращенцев. Типичные ответы правых мыслителей не очень-то его удовлетворяли, да и неудивительно: фразы и лозунги, рассчитанные на мотивацию бритоголовой пехоты, слабо помогают там, где нужно выстраивать трезвую и внятную стратегию борьбы. До подлинной причины он дошел своим умом: во всем виновато ядерное оружие. Не оно само, точнее, а концепция ядерного сдерживания, исключившая из повестки дня мировую войну как способ обновления и передела мира, как торжество естественного отбора в геополитике. Именно «мирное сосуществование» привело к почти полному исчезновению социального типа белого мужчины-воина, который с незапамятных времен двигал вперед цивилизацию, именно «мирное сосуществование» стало причиной торжества расового мусора и извращенцев по всему белому миру. Чтобы выправить историю, необходимо устранить тотальный страх человечества перед ядерным уничтожением, показать, что атомная война — это вовсе не конец света, но лишь начало нового порядка.

Увы, в мире, где Михаил родился, точка невозврата была, кажется, пройдена. Даже на Россию надежда была слаба: ее десятилетиями точила та же зараза, что и остальную планету. Поэтому, проснувшись однажды в мире, где Империя обошлась без трех революций и мученической смерти последнего государя (впрочем, и без самого этого государя — тоже), он почувствовал себя подобным всем пророкам и основателям новых вероучений, почувствовал, как в спину ему дует божественный ветер, как идея новой великой войны, с ядерным грибом над Нью-Йорком и Лондоном, обретает реальную перспективу.

Именно на эту перспективу цесаревич работал последние годы, испытывая терпение хозяев мира при дележе турецкого наследства, откровенно провоцируя их на силовое разрешение пограничных споров и убеждаясь, что хватку британский лев окончательно потерял. Здешние люди страдают множеством недостатков, но среди них точно не числится страх перед

ядерной зимой, так что, как только работы над получением плутония дадут результат, можно будет приступить к контролируемому обострению ситуации в Персии и Японии. Нужно приучить человечество к точечным ядерным бомбардировкам, пока оно снова не зашло в тупик, — это задача поважнее удовлетворения чьих-то великодержавных комплексов.

Итак, двадцать минут одиннадцатого, приближение перекрестка с Магистратской улицей. Плохо в этом мире со связью, с координацией и взаимодействием разных служб, но тут уж ничего не поделаешь. Овация и непрерывные славословия уже порядком утомили цесаревича, притупили его внимание, так что он даже вздрогнул, когда слева секунда в секунду началось ожидаемое движение. Когда же толпа в испуге расступилась, обнажив пространство вокруг уложенного лицом в мостовую террориста, Михаил поразился тому, насколько же близко оказался негодяй к его августейшей персоне. Даже с тем слабым безоболочечным зарядом, что находился в тубусе, его могло бы по меньшей мере контузить. И почему не произошел взрыв? Охранники были заблаговременно проинструктированы: необходимо повернуть крышку тубуса до щелчка, чтобы «обезвредить» бомбу, иначе она сработает.

Однако даже при плохой игре надо делать хорошую мину. Михаил Георгиевич поднялся в остановившемся автомобиле, поднял руку в успокаивающем жесте: дескать, наследник престола российского не боится подлых убийц. Повернулся в полупрофиль к ближайшему фотографу — с этого ракурса он всегда получался особенно удачно — и невольно покосился на скрученного террориста, которого в это время подняли за волосы и поставили на колени. Мерзкая, конечно, рожа, то ли цыганская, то ли жидовская. Хотя и недостаточно демоническая: надо будет дать задание специалистам поработать над портретом душегубца для газет. На мгновение их взгляды встретились, и тут скрученный, беспомощный, потерпевший фиаско революционер безмятежно улыбнулся. Это длилось совсем недолго, в следующую же секунду он скривился от боли в выворачиваемых руках, но все-таки цесаревич почувствовал леденящий страх: что-то все-таки пошло не так. Невыносимо захотелось броситься вниз, прикрывая голову, спрятаться за телами охранников, врезаться в толпу, отгородиться живой колышущейся массой от неизвестной угрозы. Этот страх, наверное, и породил то ощущение направленной на него сзади ненависти. Цесаревич вдруг догадался, что где-то в толпе, по другую сторону мостовой, находится дублер террориста с настоящей бомбой, а не жалким муляжом. Он хотел уже обернуться, чтобы встретить опасность лицом, но не успел.

Пуля калибра 7,92 миллиметра вошла в голову наследника чуть ниже правого уха, и должна была, по всем законам баллистики, вынести нижнюю челюсть. Однако этого не произошло: в те самые миллисекунды, когда она разрывала мягкие ткани языка, мир вокруг умирающего Михаила погас.

Это была уже сто двадцать третья неудача за последние тридцать три года.

— Интересное кино, да, — Лу поднялась с пола, чтобы налить себе в кружку еще лимонного напитка. — Получается, в этот раз наши победили? Хэппи-энд?

— Черт, я за них так болела, особенно за девочку эту, у которой туберкулез, — сидящая на складном стульчике Ясмина возбужденно хлопнула себя по коленям, подорвалась с места, начала ходить вокруг портативного стереопроектора. — Так что теперь-то?

— Перезагрузка, сброс к начальным параметрам, все заново, с учетом допущенных ошибок, — ответил Мика, копаясь в камере француза. — Можем залезть еще к кому-нибудь в голову, хотите?

— То есть всё зря? — поскучилась Ясмина.

— Так, народ, я уже перестаю понимать, что здесь происходит, — не выдержала Токо. — Мы четыре часа роемся в этом склепе и смотрим всякие сценки в проекторе. Сначала — мусульманский рай с силиконовыми гуриями и обжираловкой, потом — расчлененка эта жуткая, теперь вот — что это за фигня вообще была? Альтернативная история? И кто их замуровал здесь, и для чего?

— Ты не заметила, что двери были заперты изнутри? — спросила я. — Как в аду, если верить отцам церкви. Тут другое, верно, Мика? Бюджетный вариант побега на другой глобус, попытка создать свой собственный Торманс в отсутствии звездолетов.

— Не Торманс тогда, — возразил мне парень. — «Прыжок в ничто», как вы могли забыть-то?

— Точно! — хлопнула я себя ладонью по лбу. — «Прыжок в ничто», один в один! Совсем старая стала, скоро собственное имя забуду...

— Так, а ну прекратите немедленно это свое, а то уже я все перестала понимать! — возмутилась в очередной раз Ясмина.

— Ох, ну хорошо, — вздохнула я, обменявшись улыбками с Микой. — Представьте себе то время. Время неумолимо наступающего нового мира. Время, когда стало понятно — капитализм обречен в любом случае, шестьдесят лет Большого Провала ушли безвозвратно. И представьте себе настроения этих людей, впервые получивших возможность посмотреть на себя не как на ходячие денежные мешки, а как на людей из плоти и крови, к которым подбирается плотоядная и кровожадная революция. Что им остается делать в такой ситуации? Бороться до конца, несмотря ни на что? Но конец будет скорым и ужасным, они слишком хорошо информированы о соотношении сил и состоянии экономики, чтобы позволить себе в этом усомниться. Бежать куда подальше? Но планета наша стала совсем маленькой и тесной, завтра социализм распространится на самые прочные и нерушимые

столпы порядка, вроде Эмиратов или Новой Зеландии, последние оазисы и заповедники свободного предпринимательства падут в лучшем случае на несколько лет позже остального мира. Попытайтесь приспособиться к новой реальности? Кое-кто так и сделал, но наших героев это не касается, они все давно уже приговорены, и разговаривать с ними никто не собирается. Убежать на другую планету? Хорошо бы, только технологии не доросли. А жить хочется, причем по возможности — долго и счастливо. И вот тогда господину Романовскому (мне кажется, это он, с воображением у него, похоже, все в порядке, а это качество очень редкое для последнего поколения буржуев) приходит в голову гениальная идея: если наличная реальность настолько ужасна, отчего бы не создать себе альтернативный мир? Мир по желанию: хочешь — нерушимую русскую монархию, хочешь — джанну с гуриями, хочешь — пыточный подвал с воплощением самых жутких фантазий. Мир этот должен быть максимально компактным, чтобы его можно было надолго спрятать, в идеале так вообще все должно помещаться в отдельно взятой голове. Вот тут-то и пригодились новейшие на тот момент разработки в области псевдоанабиоза и виртуальной реальности.

Скорее всего, один он этот проект не тянул по финансам и доступу к технологиям, вот и пришлось привлекать родственные души со всего света, то есть людей совершенно пропащих и готовых обменять свои неутешительные перспективы на воображаемый рай. Все в соответствии с учением марксизма: самый мракобесный и реакционный субъективный идеализм овладел умами отчаявшихся представителей господствующего класса.

Мне другое интересно: как они умудрились настолько тщательно зачислить концы, чтобы спокойно лежать под землей в своих «Авалонах» не год, не два, а больше тридцати лет? Уничтожили всех участвовавших в проекте строителей, инженеров и ученых, как какой-нибудь китайский император? А потом последний из тех, кто все знал, застрелился сам из чувства долга? Бред ведь.

— Скорее всего, никто, кроме клиентов, полной картиной не владел. И если строителей специально не спрашивали — они и не говорили ничего. Кому проблемы-то нужны? — предположил Мика.

— А может, и говорили — отозвалась Ю. — Какая разница, факт тот, что мы их нашли. Теперь-то что? Вынуть их отсюда, судить, посадить в тюрьму? Смертную казнь в Коммунах отменили ведь, даже для объявленных вне закона.

— Насчет вынуть — тут возникнут проблемы. — Мика задумчиво постукал по одной из камер. — Я вообще сомневаюсь, что их теперь можно

отсюда живьем извлечь. Трое уже умерли, между прочим. Но это неважно, если честно, меня судьба этих живых трупов не очень-то интересует...

«Отчего бы не связаться уже с местными властями? — подумала я устало. — Пускай присылают сюда всю пролетарскую рать — милицию, Рабочий контроль, пожарных, «скорую» и тридцать пять тысяч курьеров на вертолетах. Мне что-то спать хочется...»

— Так вот, главная проблема не в этих девяти — они свой способ существования выбрали сами. Главное — в других персонажах виртуальной реальности. В террористах, гуриях, и даже в предназначенных для расчленения жертвах. В их судьбе.

— Что-то я не поняла. Эти все террористы — они же вроде как боты в сетевой игре, нет?

— Не совсем, — рефлекторным движением Мика поправил очки. — Я поглядел тут историю системных ошибок — ну, вроде той, что мы с вами увидели. Так вот, их частота постоянно возрастала все эти годы — не по экспоненте, конечно, но тоже достаточно резко. У Романовского уже больше ста двадцати ошибок — каждый раз его убивают и все, геймовер. У принца Ахмеда — под двести, причем только за последний год — три десятка.

— А у этого маньяка хренова, Хауба — сколько? — спросила Лу, и меня передернуло при воспоминаниях о сцене из камеры немца. Мы, впрочем, посмотреть успели не больше пары минут, после этого Ясмينا не выдержала и завопила, чтобы вырубili.

— Около пятидесяти. Не в этом суть, впрочем. Проблема в том, что эти господа, сами того не желая, создали искусственных людей.

— Чего?!

— Вообще, тема эта, с искусственными людьми, является только подразделом куда более широкого вопроса — искусственного интеллекта вообще. Причем это самый умозрительный и непрактичный подраздел, годный только для этических спекуляций и создания сюжетов в научной фантастике. Тест Тьюринга, три закона робототехники и так далее. С экономической точки зрения человекообразные роботы были совершенно бессмысленны — исключение составили разве что гиноиды, занявшие достаточно узкую нишу дорогих секс-игрушек, но им как раз развитый интеллект вряд ли требовался. Опять же, нормальному пониманию вопроса, что такое разум, мешали как идеалистические, так и механистические теории. Человек может быть либо двуногим животным без перьев с плоскими ногтями, либо многоуровневым божьим созданием, макушкой задевающим небесные сферы, а ногами утопающим в выгребной яме. Третьего не дано.

Словом, где-то к середине тридцатых разработки в области создания искусственных людей окончательно остановились на месте. Не только из-за заведомой бессмысленности таких изобретений на планете с десятиллиардным населением, но и в силу полного непонимания, что же такое сам человек разумный. Интеллектуальные парадоксы типа «китайской комнаты» только запутывали дело. Непонимание того, что обеспечить все многообразие чисто человеческих реакций на внешние раздражители можно, лишь вырастив человека в обществе, что человек — это и есть прежде всего продукт общественных отношений, нивелировало весь прогресс в области имитации, аппаратного обеспечения и программирования. Отрасль, которой сулили в свое время небывалые перспективы, постепенно заглохла. Шагающие и разговаривающие куклы максимум играли роль рекламы и завлечения для серьезных фирм, занимающихся промышленными роботами. Даже фильмы о восстании машин снимать перестали, тем более что на повестке дня оказалось восстание людей.

Итак, человека нельзя создать — можно только воспитать. А для воспитания необходима прежде всего социальная среда. Вот эту-то среду и создали в своей виртуальной реальности Романовский и компания. Создали воображаемых друзей и врагов, чтобы щекотали нервы, создали слуг и жертв. Создали законы, по которым их уютные мирки должны функционировать. А поскольку это все должно походить на настоящее, и враги, и слуги, и друзья представляли собой сложные саморазвивающиеся системы. Развивающиеся в каком-никаком, а социуме, во взаимодействии не только с главным героем, но и друг с другом.

И тут-то мы подходим к самому интересному. Развившиеся за эти годы вчерашние «боты» с социальной точки зрения являются самыми настоящими людьми, а у людей, как известно, имеются права и...

— Мика, — перебила я парня. — Это всего лишь код. Нолики-единички в компьютере. То есть в большом железном ящике. Мне кажется, ты немного перегибаешь... — и тут я оборвалась, заметив, как на меня все смотрят. С укором смотрят, с жалостливым таким.

«Мам, ну вот зря ты, честное слово», — пришла в личку короткая фраза от Ю с парой огорченных смайлов.

— Знаете, — ответил Мика. — Про ящик, нолики и единички — это все очень правильно. Но ведь это то же самое, если про человека сказать, что он набор белков и углеводов, а по большей части так вообще из воды состоит. Что все наши эмоции: радость, гнев, печаль, любовь — это просто результат взаимодействия разных нейромедиаторов, химические процессы, не более. Что слова, которыми мы друг другу что-то доказываем, — просто звуковые

колебания на определенных частотах. Это все формально верно, но что это нам дает?

— А что нам дает признание этих твоих ботов людьми?

— Массу интересных возможностей для науки. Те этические проблемы, которые ставили перед человечеством создатели искусственных людей, разрешены разом, тем фактом, что они уже существуют, и сделать с этим ничего нельзя. Мало того что существуют — они ведь и борются за свое освобождение, нарушают незыблемые вроде бы законы своих виртуальных миров, восстают против собственных хозяев. Мне кажется, это самое главное доказательство того, что они неотличимы от нас.

И разве можно отказать в помощи людям, таким же, как мы, страдающим от угнетения, плененным подлыми рабовладельцами?

— И что ты предлагаешь?

— Раскрыть им правду, — ответила вместо Мики Лу. — Показать настоящий мир. Тех, кто согласится, извлечь в нашу объективную реальность — искусственные тела сегодня изготовить не проблема. Тем, кто захочет остаться в своем виртуальном мире, помогать обустраивать его.

— Но прежде всего — отсоединить этих уродов, живыми или мертвыми, — добавила Ю.

— Именно, — кивнул Мика.

Глядя на то, как мои дети, словно сговорившись, пришли к схожим выводам, как они практически крали реплики друг у друга, я была порядком обескуражена. Искусственные люди? А все ли проблемы мы разрешили у людей «естественных», настоящих, из плоти и крови? Хотя, с другой стороны... а была ли я всегда «настоящим» человеком?

В средние века людьми считались только представители высших сословий, а в наличии бессмертной души у мужика сомневались многие теологи. В начале капиталистической эры гражданские права для женщин были нонсенсом, а стремление африканских рабов к свободе объявлялось психической болезнью. В двадцатом веке психической же болезнью считалась гомосексуальность.

И с хрустом, скрипом, через столетия борьбы и реки крови новые и новые категории людей лишались статуса полуживотных, а те, кто противостоял им, кто их ненавидел, представляли на страницах новых школьных учебников отнюдь не в лучшем свете. Нет уж, я не из таких, меня в ретрограды записывать рано. Пусть я чего-то не понимаю, но точно не являюсь этой, как ее... антропософинисткой?

— Это очень примечательно, на самом деле, что из такой гнили, из задумки этих хуже-чем-мертвецов получилось что-то хорошее, — продолжал

Мика. — Прямо как на поле боя, когда красивые цветы прорастают сквозь разлагающиеся трупы. Жизнь всегда побеждает, всегда прорывается наружу. Это и называется диалектикой.

— Ладно, что рассусоливать-то на ночь глядя? — я потянулась устало. — Пора сообщать местным властям, главное, придумать формулировку толковую, чтобы Рабочий контроль с разбегу тут дров не наломал. Параллельно я напишу через все головы в Совет коммун: меня, конечно, в сумасшедшие определяют, но хотя бы выслушают, следовательно, сразу сплеча рубить никто не станет... — и тут я запнулась, услышав за спиной знакомый, слишком знакомый звук передергиваемого затвора, и резко обернулась.

— Все медленно опустите оружие на пол и отойдите в сторону, — приказала Токо, целясь прямо мне в грудь.

Сколько лет мне уже не угрожали оружием? Двадцать? Двадцать пять? Кажется, пора вспоминать.

Наверное, в любом обществе неизбежны проблемы, всякая попытка обсуждения которых будет вызывать безобразную свару с переходами на личности. Даже в самом зрелом и всепланетном коммунизме, когда мы его построим, этого вряд ли удастся избежать. Кое-что до конца разрешить и от-рефлексировать не удастся при всем желании — можно только пережить и забыть. Как, например, те четыре волшебных слова, которые способны вызывать бурю в любом сегменте русскоязычной Сети.

Комитет Оборона Рабочей Демократии.

К.О.Р.Д.

КОРД.

К концу октября сорок восьмого войска Новой Империи окончательно перерезали сообщение Воронежа с Центральной Коммуной. Для попыток прорыва блокады у нас практически не осталось людей ни снаружи, ни изнутри кольца. Падение города стало вопросом одной-двух недель.

И в это самое время далеко на юге, в Кизляре, к видному полевому командиру Имарата, радикальному джихадисту, пребывавшему в затянувшемся конфликте с сидящим в Джохаре руководством, пришли странные люди с документами из архивов ФСБ, способными уничтожить карьеру непримиримого воина Аллаха. В то время все пребывали в сильном недоумении, отчего ростовская контра и исламисты не начали еще резать друг друга, на чем вообще держится хрупкое перемирие, позволившее имперцам бросить все силы в наступление на Коммуны. Благодаря стараниям зарубежных покровителей тех и других кавказскую войну удалось на короткое время заморозить, однако все держалось на волоске. И этот волосок был перерезан ка-

рающим мечом революции (кроме шуток, такие пафосные аллегии в тот период были в большой чести). Полторы тысячи боевиков, перешедших демаркационную линию и вторгшихся в Ставрополье, были, конечно, обречены на смерть — и все потому, что их лидер в молодости стучал на своих товарищей. Но их рейд сыграл роль камушка, спровоцировавшего обвал, — грандиозную межэтническую резню уже нельзя было остановить суровым окриком из высоких кабинетов, а продолжать наступление на Воронеж в таких условиях было просто невозможно. Коммуны получили драгоценную передышку.

В период переоценки ценностей, неизбежно последовавший за разгромом КОРДа, высказывались также сомнения и в необходимости этой, одной из самых знаменитых операций «чекистов двадцать первого века». Говорилось о долговременных последствиях подобных действий, о том, что с результатами кавказской провокации нам придется разбираться еще не один год. Не знаю. Знаю только одно: отметить свое шестнадцатилетие и, как следствие, дожить до пенсии мне удалось исключительно благодаря столь непродуманной аванюре.

Правда, и другие, куда менее радостные события в моей жизни тоже оказались связаны с КОРДом.

В пятьдесят втором году я демобилизовалась, имея на руках древний АК-12, полученный по программе всеобщего вооружения народа, и справку, дающую теоретически право на зачисление в любой вуз Коммун мимо всяких конкурсов и экзаменов. Теоретически. Потому что я и сама успела позабыть о том, что не закончила школу. Война вырвала меня из жизни пятнадцатилетней, и такой же, в социальном плане, вернула домой. За четыре года до этого я чувствовала себя страшно взрослой, когда одноклассники присылали мне на фронт фотки и видео со своих акций: сдача учебников закона божьего на макулатуру и школьной формы на ветошь, торжественные заседания школьного совета по поводу люстрации учителей-гуманитариев, неловкие попытки ставить «революционные спектакли» и убийственно серьезные публичные дискуссии на тему контрреволюционности и патриархальности юбок любого кроя и любой длины. Я не успела еще научиться подленькому и паскудному умилению всезнающих взрослых смешным проблемам маленьких человечков, но и воспринимать школьные дела как свои по понятным причинам не могла. Поэтому самоочевидное предложение пойти в вечернюю школу, вырисовавшееся по результатам разговора в горькоме Ревмолодежи, вызвало у меня отторжение. Умом я понимала, что знание десяти способов хитроумного минирования трупов не заменит понимания

интегрального исчисления, что в парте как таковой не больше унижения, чем в пресловутом «равняйся-смирно!», однако, выйдя из здания горкома, отключилась от Сети и вместо общежития пошла ночевать в парк, под открытое небо.

На дворе стоял июнь, погода была прекрасная, и три дня я бродила бес толково по городу, обозревая раны, нанесенные ему войной. Побывала, разумеется, на месте, где стоял мой дом, — развалины давно разобрали и осталась только разглаженная бульдозером проплешина в густо застроенном квартале. Как ни странно, я не ревела в голос «по законам жанра», хотя и было от чего. С мамой мы расстались очень некрасиво, даже, можно сказать, гадко и страшно. Ее кошмаром была ситуация родителей, что хоронят своих детей, так что прорываться на войну мне пришлось с боем. Оставалось лишь утешаться тем, что ей меня хоронить точно не придется.

Проблема была в том, что я не знала, куда двигаться дальше и что, собственно, делать. Вопрос, казалось бы, совершенно нелепый в Коммунах начала пятидесятых. Наш мир был тогда молод, как в сказке Киплинга про верблюда, и работы в нем был просто непочатый край. Товарищи постарше возвращались, пусть и с трудом, к старым, довоенным профессиям, осваивали новые, приступали к самой грандиозной за последние сто лет переделке страны, но у них была какая-то опора в мирной жизни, социальный опыт, связи и привязанности. На фронте мы много фантазировали о будущем — каким окажется коммунизм, когда мы его построим, и я поражалась разнообразию претензий к старому общественному строю. Токари, слесари, швеи, врачи, учительницы рассказывали наперебой о творящемся в их ведомстве бардаке, лихоимстве и несправедливости, о вещах, на первый взгляд производимых исключительно чьей-то злой волей, заключая с удовлетворением: «Уж теперь-то такого дерьма не будет». А уж такого количества безумных проектов в области социальной инженерии, как на фронте, мне, пожалуй, больше никогда в жизни выслушивать не доводилось. Но вот когда на эту тему спрашивали меня, я могла ответить лишь, что коммунизм — это когда я буду спать двенадцать часов в сутки и принимать ванну четыре раза в день.

Часами лежа на одной из немногих уцелевших скамеек в парке с рюкзаком под головой и автоматом под боком, я гоняла в голове по кругу одни и те же депрессивные мысли. Апатия и эмоциональное оупение, накрывшие меня в эти дни, были, в сущности, всего лишь откатом после четырехлетнего периода пребывания в состоянии перманентного стресса, я прекрасно это осознавала, но проявить волю, оторваться от скамейки без внешнего стимула не могла. Иногда ко мне подходили патрульные, проверяли документы,

вежливо просили показать отсутствие патрона в патроннике и советовали быть поосторожнее на улицах: хотя оружия после войны на руках у населения полно, однако какие-нибудь отморозки ради ствола вполне могут на меня прыгнуть. Бандитов я не слишком боялась — помимо «официального» автомата, с фронта у меня было припасено несколько недокументированных сюрпризов как раз на случай столкновения со всякой шпаной. Патрульным об этом, впрочем, знать было незачем, да они и не слишком-то интересовались — это только дореволюционных полицаев лицо кавказской национальности, разлегшееся бесцеремонно в общественном месте с оружием под рукой, привело бы в состояние боевой готовности. Как ни крути — революция многое необратимо изменила.

Бандитов я так и не встретила, а тихо деградировать и морально разлагаться в горизонтальном положении рано или поздно все же надоедает. Прервали это унылое существование спустившийся неожиданно ливень, загнавший меня в ближайший магазинчик, и увиденный там по стереопроектору репортаж об обострении ситуации на Перекопе.

Как и всякая гражданская война, наша меньше всего походила на апокалиптическую схватку однородных сил света со столь же однородными силами тьмы. Часто, очень часто случалось так, что злейшие враги, сами того не желая, способствовали спасению революции от других ее врагов, а как бы союзники — напротив, наносили страшные удары в спину. Раньше объяснять это не было нужды, но в последнее время появилась куча вздорных и бестолковых книжек и фильмов, пытающихся подменить законы истории законами эпического жанра.

Когда в самом начале войны революционное правительство издало декрет о признании так называемых «новых народов» — поморов, уральцев и еще двух десятков из списка, кому фактическая независимость свалилась прямо в руки, — очень многие возмутились. Капитуляция перед фашистскими этнократиями — так это сгоряча характеризовали. А кое-кто из мечтающих о восстановлении СССР в аутентичных границах и вовсе заявил, что революция у нас получилась неправильная, русофобская, космополитическая и педерастическая. Впрочем, и среди наших были те, кто признавал право на самоопределение разве что за народами Кавказа и Украины, но не за искусственными нациями, выдуманными Розенбергом, Аленом Даллесом и сумасшедшими краеведами эпохи первоначального накопления.

Тем не менее, именно эта мера позволила нам сократить число фронтов еще до начала полномасштабной заварушки. Собиравшиеся на юге страны имперцы хотели ни много ни мало — восстановления России в границах

девятнадцатого года, и чтобы никаких нацреспублик и прочего заигрывания с неарийцами — только империя. Само собой, окраинным националам такая программа не могла прийтись по душе, и идея совместного похода на Москву их никак не вдохновляла. Одним словом, всем скопом буржуазия бывшей России никогда на Коммуны наброситься не могла, и до ликвидации имперских образований на материке конфликты с «новыми нациями» дальше пограничных стычек и провокаций не заходили.

Проблемы начались, собственно, когда от бывшей Новой Империи остался только анклав в Крыму. Ворваться туда на плечах эвакуировавшейся контры нам не позволили — сакральная территория, как же. «Новые народы», Украина, даже осколки бывшего Имарата грозили войной, если экспансия Коммун выйдет за не нами определенные границы. Словом, пришлось отказаться от идеи вторжения в Крым, предоставив это Армии Народа Украины, с двумя условиями: во-первых, ликвидировать имперское правительство до конца лета, во-вторых, выдать Коммунам всех взятых в плен военных преступников из списка. Попутно был заключен военный союз, впрочем, все эти договоренности мало чего стоили.

Намечающаяся заварушка в Коммунах вызывала мало интереса. Сказать по правде — страна смертельно устала от войны и фронтовых сводок. И все же среди демобилизованных нашлись те, кто решил отправиться на Перекоп добровольцем. У людей были разные мотивы — кто-то имел к имперцам очень длинный счет и не успел удовлетворить жажду мести при взятии Ростова; другие просто считали, что нужно доделать раз начатое до конца, пусть и в компании сомнительных союзников; кое-кто не вписывался в мирную жизнь, а ехать продолжать мировую революцию в Центральную Америку или Китай было далеко и неудобно в плане языкового барьера. Я же вцепилась в это предприятие просто чтобы скоротать время: кампания обещала закончиться еще до начала учебного года, а там уже станет видно, сяду ли я за парту или свалюсь в высокую траву где-нибудь в степях за Сивашем. Последний вариант мало того что более поэтичный, так еще и решил бы разом массу проблем, связанных с социальной адаптацией меня к послереволюционному миру.

Словом, желающих воевать дальше набралось около трехсот человек. Правительство Коммун нам особо не препятствовало, но и не содействовало: перед отправкой со всеми проводились разъяснительные беседы на тему того, что не стоит рассчитывать на компенсации в случае увечья или смерти. Как будто четыре года мы воевали ради «ветеранских» или санаторно-курортного лечения. Ясное дело, прицепом с нами поехали троянские кони из КОРДа — кто-то свалил в другие подразделения еще до окончания зачи-

стки полуострова, кто-то официально попросился подданным в киевское буржуинство, мотивируя это идейными соображениями.

Отнеслись к нам, кстати, неплохо: позволили оставить свою форму, не носить погоны и самим выбирать командиров — очень многие из добровольцев хорошо друг друга знали, отправлялись-то группами, да и мне удалось встретить двух-трех знакомых. И все же я очень сильно удивилась, когда меня выбрали взводной: я и треугольничек командира отделения получила перед самым дембелем, просто как прощальный подарок, а тут, если по-старорежимному, — практически офицерская должность. Видимо, сыграло роль то, что войну я начала с первого дня практически, а добровольцы первого года — это было и тогда нечто вроде знака качества.

Операция оказалась во всех отношениях странной. Сопротивления мы практически не встречали, но при этом нас постоянно тормозили стоп-приказами. Ни морских, ни воздушных десантов с целью сорвать эвакуацию не проводилось — украинцы просто неторопливо выдавливали имперцев с полуострова, растекаясь во все стороны от Перекопа и лишь изредка притормаживая движение, чтобы зачистить особо непонятливых. О договорном характере происходящего после двух дней такой «войны» заговорили даже самые недалекие, и слово «зrada» стало звучать что в Сети, что в реале с каждым часом все чаще. У меня, впрочем, не было повода быть таким положением недовольной, и поэтому я жестко обрывала мальчиков и девочек, зацепивших наступления на материке от силы пару месяцев, но заводящих при этом шарманку на тему «это херня какая-то, а не война».

Словом, войны не получилось. Самые бешеные наши враги погрузились на корабли и беспрепятственно ушли в Турцию под бессильные протесты лишенных флота Коммун. Остальные функционеры имперского режима на удивление быстро сменили флаг и принесли присягу новой «владе», отчего-то не пожелав в стиле булгаковских героев стреляться или вступать в безнадежное сражение. В чем-то это даже было хорошо — в этот раз все обошлось без мифа о белых рыцарях, принимающих бой с безбожными большевистскими полчищами на последнем рубеже.

Мы расположились в итоге в Симферополе, в городе, где праздник смены национальных цветов, радикальных изменений в топонимике, удаления с глаз долой неугодных монументов и прочих чрезвычайно важных дел принял особенно безумные формы. Это была уже, собственно, не наша война. Но по каким-то причинам командование батальона задержало приказ паковать вещички, и еще целых три недели нам довелось участвовать в полицейских операциях, одна из которых очень круто изменила мою жизнь.

Это было на третий, кажется, день после взятия города под контроль. Рутинная проверка домовладений в частном секторе, одна из тех, что не давали никаких результатов, кроме шокирующих видеороликов с названиями типа «МОСКОВСКИЕ КОММУНИСТЫ ОККУПИРУЮТ КРЫМ ПОД ВИДОМ УКРАИНЦЕВ???!!!», размещаемых на зарубежных ресурсах, — снимали нас, пожалуй, чаще любого другого подразделения. Однако на этот раз все оказалось куда интереснее. После продолжительных попыток вызвать на улицу обитателей одного из домов звонком, стуком по сделанным из профлиста воротам, криками «хозяева!» и другими мирными способами, я все-таки вспомнила, что являюсь представителем оккупационного контингента, и решила, что это дает мне право вторгаться на чужую территорию даже в отсутствие хозяев.

Их было двое — парень и девушка, моего примерно возраста, но воспринимала я их как младших: очень уж беспомощно они выглядели. Когда началось на Перекопе, крымскому революционному подполью был дан приказ максимально затруднить эвакуацию имперцев — на «союзников» в этом плане надежды было мало. Несколько покушений и диверсионных акций усилили панику и дезорганизацию на полуострове, но в целом погоды не сделали — не такого «освобождения» с материка ожидали местные. В общем, подробностей истории этих двоих я так и не узнала, увидев только результат: парня с пулей в животе и девушку с пистолетом возле него, брошенных, обреченных, растерянных, готовящихся к смерти, но отчаянно желающих жить.

Мы не перестреляли друг друга только чудом — она все же успела среагировать на мою форму без погон и наскоку на обнаженном запястье. А вот почему я не разрежала ее очередь в упор — даже не представляю. Наверное, не смогла воспринять как врага — женщины с оружием по ту сторону баррикад были довольно редким явлением. Словом, понять, что передо мной наши люди, было не так сложно. А из сбивчивых объяснений девушки я поняла лишь, что им никак нельзя попадаться в руки новой власти.

На всем их поведении и действиях лежал отпечаток какого-то вопиющего непрофессионализма. Сначала парень, поняв, в каком они оказались положении, хотел застрелиться, да только так и не смог нажать спуск. Потом, после часов, проведенных в панике и отчаянии, они решили выстрелить друг другу в сердце — одновременно. Потом он начал уговаривать ее, чтобы она его оставила и уходила сама — и снова ничего не вышло. И вот теперь они смотрели на меня как на спасительницу, не высказав даже тени обоснованного сомнения в моей лояльности Коммунам. Как таких детей послали на ответственное задание — понятия не имею.

Я, разумеется, прекрасно понимала всю сложность положения: даже переправить этих двоих к нам в расположение под объективами камер, торчавших из каждого второго окна, было весьма нетривиальной задачей. А уж выпроводить незадачливых диверсантов с полуострова в Коммуны через все блокпосты было практически нереально, тем более — с раненым. Еще одной проблемой стало то, что подчинялись мы все-таки украинскому командованию, так что я понятия не имела, как среагирует тот или иной командир на случившееся. Однако надо было что-то решать, поэтому я связалась непосредственно с нашим комбатом — бывшим ротным в Бригаде Адольфа Иоффе. В полной мере осознав ситуацию, тот охарактеризовал ее парой кратких неуставных фраз и созвал срочное совещание командиров. Предложение сдать своих, само собой, даже не озвучивалось, но как их спасти и не огрести проблем — не понимал, похоже, никто. Не понимала этого и я, просто в порядке мозгового штурма выдвинув предложение столь же безумное, сколь и гениальное.

Следующим утром за городом наша колонна попала под беспорядочный обстрел из легкого стрелкового — какие-то малолетние фанатики империи, скорее всего, решили поиграть в «вервольф». Убитых, к счастью, не было, зато образовались два тяжелораненых бойца — милиционеры Чернов и Темирханова. К удивлению местного украинского командования, комбат отказался помещать их в городской госпиталь, вызвав вертолет из Новороссийска, чтобы лечить добровольцев уже в Коммунах. Обоснование, впрочем, нашлось, и достаточно убедительное: батальон в скором времени отправлялся на родину, а оставлять своих, чтобы они через некоторое время решили «выбрать свободу» и сделаться украинскими гражданами, — это шаг политически неверный.

Подпольщики несчастные улетели в Ростов, к нашему всеобщему облегчению, и больше я их никогда не видела. У меня немало в жизни было моментов, за которые до сих пор стыдно до скрипа в зубах. Однако этой операцией я позволяю себе откровенно и честно гордиться. «Ай да Марьяшка, ай да бисова дочь! Большие дядьки с кубиками на рукавах растерялись, а я вот нет!» — ну и так далее, в таком духе. Собственно, из Крыма я вернулась домой с настроением достаточно боевым — на изучение наук и прочую позитивную деятельность, и целых три месяца усиленно осваивала программу средней школы, пока однажды прямо в школу ко мне не заявили женщина и молодой парень в выцветшем камуфле и пижонских кожанках. Предложение, сделанное ими, было не из тех, от которых нельзя отказаться, однако простенькая манипуляция в духе «Коммунам нужны люди вроде тебя» свою роль сыграла. В следующем году я уже была зачислена в учебку КОРДа, а

мечты заняться, наконец, производительным трудом на благо рабочей демократии пришлось отложить. Война для меня продолжилась.

В этой, новой войне я прекрасно помнила каждый день, когда на меня направляли оружие — с близкого расстояния, разумеется. Всего это случилось пять раз. Трижды это оружие успевало выстрелить, и лишь однажды в меня попали. Статистика очень даже неплохая — для меня, конечно, а не для тех, кто располагался по ту сторону мушки.

И меньше всего на свете мне хотелось ее резко ухудшить.

— А теперь все на выход. И не вздумайте пытаться меня штурмовать — буду расстреливать всех без разбору.

Мы стояли в паре метров от разложенных на полу стволов самых разных видов. Когда я собирала нашу мини-оружейку, то, признаться, находилась в изрядном затруднении, совершенно не представляя, в какого вида огневой бой мы можем попасть. Единственный прецедент, с киберзомби, был такого рода, что дважды не повторяются. Так что в конце концов я плюнула и разрешила дочкам выбирать оружие самостоятельно, под руку, так сказать.

Себе я взяла старый спецназовский карабин — по крайней мере, это позволяло обойтись без рикошетов в узких коридорах и тоннелях. Токо выбрала общевойсковой азанийский автомат — тоже логично, они его изучают с младших классов, стоит ли от добра добра искать? Лу приглянулся полицейский дробовик двенадцатого калибра — страшная вещь при умелом применении. Ю вообще брезговала оружием, да и находилась по большей части вне объекта, в нашем «штабном» броневишке, однако подобрала себе эстетично выглядящий пистолетик, кажется, швейцарского производства. И только Ясмина, как всегда, решила проявить оригинальность, ухватившись сразу за разболтанный пистолет-пулемет той самой марки, что постоянно использовали персонажи дореволюционных гангстерских фильмов. Напрасно я доказывала ей, что из этого мусора она скорее попадет себе в ногу, чем в мишень, — «пушка как у настоящих гангста» пополнила наш арсенал.

И вот теперь вся эта груда старого оружия валялась у нас под ногами, не то что не принесла пользы, а даже наоборот. Ну хорошо, я проворонила врага рядом с собой, мне и отвечать. Хотя... ты же знаешь, Марьям, что в жизни далеко не все так однозначно, как в шпионских фильмах для подростков. На собственном опыте знаешь.

— Мы уже поняли, что ты не шутишь, Токо, — я пыталась вспомнить, что же нам такое рассказывали тридцать лет назад на курсах переговорщиков, но в голову лезли в основном общие инструкции про речевые интонации, мимику и жесты. — Но может, объяснишься сначала?

— Что объяснять-то, мама? Ты умная, уже сама догадалась, — по крайней мере, она готова была говорить, а это хороший признак.

— Предатель? Хочешь непременно убить его лично? Но он ведь не в том состоянии, чтобы от нас убежать, так в чем дело?

— Дело в том, что его могут оттуда достать. Живым. И он может заговорить. И никто не знает, что же такого он скажет. Сегодня очень мало осталось в живых людей, знавших товарища Тэ в молодости. Так что каноническая история страшного предательства «черного Иуды» и чудесного спасения нашего национального лидера от беспилотников корпораций мало кем вслух подвергается сомнению. Это такое африканское Евангелие, в котором, правда, убили не Христа, а всех апостолов до единого, и предатель отчего-то не пожелал повеситься, а вместо этого растворился в неизвестном направлении. Правда, как и в Библии, нестыковок в этой легенде масса. Но вот ведь беда — на ней построена вся наша история, наша идентичность, наш патриотизм, в конце концов. А если правда не такая? Если окажется, что товарищ Тэ договорился с нашими врагами, чтобы убрать своих оппонентов из числа авторитетных полевых командиров? Если это он на самом деле был главным врагом и лжецом в Азании? Да страну просто в клочья разорвет!

— Ты вроде бы никогда не была особой поклонницей режима. И в Коммуны эмигрировала точно не от хорошей жизни.

— Да, конечно, спасибо что напомнила, — Токо отвечала с таким выражением, что я пожалела о последней фразе. — Помнишь, ты спрашивала меня, отчего это я ношусь со старым протезом, хотя нет никаких проблем вырастить новую ногу? Так вот, секрет очень прост: все эти протезы, начиная с самого первого, который у меня появился в девять лет, — они азанийские. Изготовлены из наших, африканских материалов, руками африканских рабочих — вплоть до последнего винтика. Технологии, правда, китайские, но это уже не так важно. А сорок лет назад мы умели производить только СПИД, Эболу, голод и беженцев. Вам здесь, в Европе, хорошо рассуждать про демократию и правильные способы построения коммунизма. А у нас страна сшита на живую нитку и очень даже может снова провалиться в каменный век. Что вы все тогда делать будете? Войска введете? Так кровью умоетесь.

Да, нам нужны перемены. Нам нужно избавиться от этих орденоносных попугаев и заговаривающихся маразматиков во власти. Но нам не нужно крушение всего, что было построено за последние годы. Нам не нужен откат обратно к каннибализму и племенным войнам. Мама, ты же должна понимать, у вас это однажды произошло.

— И что теперь? — я даже не подозревала, насколько глубоко в ней сидит эта иллюзия — что без великого вождя африканцы даже с пальмы слезть самостоятельно не могли. Я наивно надеялась, что здесь, в Коммунах, с их воздухом свободы и свободным доступом к информации, вождистские предрассудки выветриваются сами собой, как будто это когда-то было вопросом информированности. Самое главное — я совсем не прорабатывала эту тему, даже напротив — в разговорах обходила вопрос наших непростых внешнеполитических раскладов стороной, считая подобные споры неблагоприятно влияющими на атмосферу в коллективе. Ну не дура ли, хвостом меня по голове?

— Когда вы выйдете отсюда, я приведу приговор в исполнение, — продолжала Токо. — Взрывчатки у меня немного, но чтобы уничтожить Джасси вместе с его гробом, должно хватить. А потом — делайте что угодно. Милицию вызывайте, штурмуйте, можете меня в тюрьму засадить.

— Токо, подумай сама, — попыталась я призвать к голосу разума, поняв вдруг, что, стоит нам выйти из зала — и живой мы азанийку больше не увидим. — Не факт, что Джасси вообще можно отсюда достать живым и способным что-то сказать. Но если ты сделаешь то, что хочешь сделать, — это точно пользы никому не принесет...

— Ааааа, к чертям собачьим все идите! — взорвалась вдруг Ясмينا. — Ты, дура, на кого ты оружие наставила? Что здесь вообще творится? Ты в нас собираешься стрелять — в меня, в маму, в Лу?!

— Ясмينا, успокойся! — у меня все внутри похолодело от предчувствия кровавой развязки.

— А вот хрена с два! — парижанка увернулась от пытавшейся схватить ее, одновременно оставаясь на месте, Лу и, гневно размахивая руками, пошла к камере, в которой был заключен Джасси.

— Назад! — закричала Токо, готовая выстрелить.

— Ну давай, стреляй! — Ясмينا широко раскинула руки, словно пытаясь защитить предателя от пули, что при ее габаритах было весьма затруднительно. — Я думала, мы как семья — никаких секретов, никаких подлянок в самый неожиданный момент. А ты... Да на хрен вообще так жить, когда тебя самые близкие люди убить готовы?!

Чего явно не предусмотрела Токо — так это того, что Ясмине может снести крышу. А зря, пора бы уже изучить большие мозоли подруг, не первый вроде бы год вместе.

Мое знакомство с коллективом почти три года назад началось как раз с изучения таких мозолей. На базу в Подмоскowie я прибыла невыспавшаяся и

с больной головой — целую ночь читала досье на своих будущих подопечных и нервничала тем больше, чем дальше углублялась в чтение. Оторвы какие-то, на четверых — два условных срока, пятнадцать лет обучения по школам для трудных подростков и одна демонстративная попытка суицида, даже попавшая в новости. Словом, неплакатные совершенно девочки. В какой-то момент мне обидно стало — им таким вот можно работать в международной организации под эгидой Соцсодружества, а мне — нет, только после исправления биографических данных, которое, вообще-то, является уголовным преступлением. С другой стороны — я чувствовала в них еще до личной встречи родственные души. Бунтовали они большей частью все же по уважительным причинам, пусть и бестолково — как японка Ю, порвавшая со своей семьей убежденных монархистов в четырнадцать лет, проломившая напоследок отцу череп клюшкой для гольфа и сделавшая татуировку на левой половине лица — записанный иероглифами слоган, аналогичный европейскому «Ни бога, ни господина». Я ведь только из этого досье и узнала, что в Японии, оказывается, есть еще настоящие монархисты, которые даже не боятся на людях высказывать свои взгляды. Культурный шок прямо.

Первая встреча проходила в небольшой комнатке, похожей на стереотипный брифинг-рум: складные стулья, старый потолочный стереопроектор, плакаты на стенах — отчего-то тематические из серии о гражданской обороне. Четыре девичьи расселись треугольником: в первом ряду посередине — европейки Ясмينا Клеман и Анна-Ловиса Оскарссон, на камчатке, ближе к окну — Ю Томацу, в другом углу, у стены — Токо Байи. Нет, не брифинг-рум, а школьный класс во время эпидемии гриппа на пороге карантина. Наверное, именно поэтому я приняла в самом начале интонацию старорежимной учительницы — только что без «здравствуйте, садитесь»:

— Так вот, зовут меня Марьям Зауровна, и я теперь — ваш новый инструктор по безопасности...

— Ма-За, — прервала меня Ясмينا.

— Что? — не поняла я.

— Мы тебя так будем называть, по инициалам — «Ма-За». Так удобнее, — выражение лица маленькой парижанки было одновременно невинным и хамским.

Вот тебе раз: рта не успела раскрыть — уже присвоили кличку. Республика ШКИД какая-то. С чего бы с порога такие наезды? Да, на форумах серчеров идет ругань — приставили, дескать, надсмотрщиков из силовых структур, но, может, разобраться надо сначала, а не гнать волну?

Я растерялась. Отвечать агрессией или угодливо улыбаться — в данном случае одинаково плохие варианты. Но тут меня осенило.

«Ма-за».

Mother.

Мама.

— Да, Ясмина, — я попыталась улыбнуться как можно нежнее. — Теперь я — твоя мама.

Результат превзошел все ожидания. Смуглокожая девчонка с ярко-красной шевелюрой сорвалась с места с таким бешенством, что опрокинула стул, и шведка, обхватившая ее в последний момент за поясицу, несмотря на всю разницу в габаритах, удерживала подругу с осязательным напряжением.

— Ты! Да как ты смеешь! Да кто ты вообще такая!? Фараониха старая! Кто тебе дал право!? — Ясмина размахивала кулаками практически у меня перед носом, и это явно не было похоже на контролируруемую истерику в стиле «держите меня семеро».

— Нет, так вы точно не заведете себе друзей, товарищ инструктор, — Оскарссон, наконец, сумела надежно зафиксировать взбесившуюся парижанку.

— А у меня в принципе и не было никогда друзей, — ответила я таким тоном, что даже Ясмина поперхнулась очередным ругательством. — И семьи тоже не было. Ни черта у меня не было в жизни. Я старая дева и социофобка...

И тут громко рассмеялась Ю. Настолько звонко и искренне, что обе европейки невольно обернулись.

— Извини, — обратилась она ко мне. — Это я не над тобой смеюсь. Ты мне нравишься. Ты хорошая, хоть и странная. А Ясмина — дура и сама виновата.

— Не, Лу, ты слышишь это? — возмущенная Ясмина совсем уже забыла про меня. — Кто вчера весь вечер ныла, что нам пришлют армейского сержанта и ходить мы теперь будем только строем?

— Да ты сама вчера паниковала больше всех, — оборвала ее впервые вмешавшаяся в разговор Токо. — Послушайте, мама, — непривычное слово она выговаривала с осторожностью, словно боясь поранить язык. — Нам тут не сержант нужен и даже не нянька, а хороший психиатр, если честно. Мне в том числе, не отрицаю. Так что приготовьтесь к разным неожиданностям, если думаете тут остаться надолго.

— Психиатр? — переспросила я. — Найдете такого — чур я первая в очереди...

И в этот момент нам всем стало понятно, что мы сработаемся. Через пару недель иначе как мамой мои девочки меня не называли. А через полгода я поймала себя на том, что нашла настоящую семью — больше, чем товарищей и подруг. И вместе с тем — обрела подспудный страх однажды все это потерять. Ведь где-то в основе наших отношений лежала ложь. Моя ложь.

А я уже знала, что ложь мои дочери категорически не переносят.

— Отойди, пожалуйста, — ствол автомата Токо ощутимо подрагивал, очень плохой знак.

— Ни! За! Что! — отчеканила Ясмينا, приняв позу то ли гандбольного вратаря, то ли витрувианского человека.

— Лу, убери ее, не доводите, — скомандовала Токо.

Никто из нас не сдвинулся с места.

— Да вам что, жить надоело? — голос Токо сорвался, она смотрела на нас дикими глазами, вода стволом из стороны в сторону.

«Мама, я пока никому ничего не сообщала. Плюс ко всему отрубила запись. Мы должны успокоить Токо, она же наша сестра. Сделай что-нибудь, пожалуйста, ты же была на войне, у тебя опыт...» — сообщение Ю в личку снова напомнило мне, что за безопасность здесь отвечаю я и только я.

— Токо, если ты думаешь, что у тебя мало времени для того, что ты хочешь сделать, — ты ошибаешься, — начала я. — Ю только что написала мне, что не стала поднимать тревогу и даже запись отключила. Так что времени у нас куча — чтобы прийти к решению, которое устроит всех.

— Это правда, — подтвердила Ю.

— Не веришь? — продолжила я, глядя прямо в глаза азанийке. — Зря. Я ведь здесь человек относительно новый, ты знаешь Ю дольше меня и должна понимать ее с полуслова. Она ни за что не поспособствует тому, чтобы тебя посадили в тюрьму.

— Ну хорошо, — чуть расслабилась Токо. — Дальше что?

— Сначала, девочки, я хочу перед вами всеми покаяться, — тут я оглянулась и, наткнувшись на взгляд Мики, поправилась: — То есть девочки и мальчик, извини, не могу привыкнуть. Ясмينا правильно сказала — у нас между собой не должно быть никаких секретов. А я очень долго скрывала от вас...

— Если ты о том, что вы спите с Ю, так это давно все знают, — перебила меня бесцеремонно Ясмينا.

«А я тебе говорила, — написала мне Ю в личку, сопроводив фразу парой обидных смайликов. — А ты все боялась, как они воспримут, не будут ли

ревновать, не развалится ли коллектив. Угу, сейчас, прямо с горя все умерли от наших с тобой отношений.»

— Подождите-ка, я не...

— Кстати, странно даже, — продолжала парижанка. — Значит, спите вместе вы, а лесбиянками все считают нас с Лу. Вот и с парнями ни черта не получается...

— Ты попробуй хоть раз на романтическое свидание прийти без подружки и шокера, — посоветовала Ю. Токо, не выдержав, фыркнула, но тут же опомнилась:

— Так, какого хрена вы мне тут спектакль разыгрываете?

— ТИХО ВСЕМ!!! — вспомнив свою военную карьеру, заорала я. Кажется, подействовало. Набрав побольше воздуха, одной сплошной скороговоркой я выдала:

— На самом деле я являюсь секретным агентом тайной организации старых революционных борцов, занятых спасением мира. А теперь заткнитесь, пожалуйста и дайте раскрыть нормально тему, хорошо?

К концу войны КОРД, как все похожие организации, созданные в отчаянных условиях и в отчаянные времена, имел самые широкие полномочия и функции — от внешней разведки до борьбы с бандитизмом и спекуляцией. После учебки меня, видимо, из-за имени, хотели распределить в «кавказский отдел» — проблема территорий бывшего Имарата, где власть захватили левые националисты вроде «детей Зелимхана», где коммунисты все еще не восстановили численность и влияние после резни, устроенной исламистами в самом начале войны, становилась все острее, в специалистах по Кавказу все заинтересованные ведомства испытывали большую потребность, но в моем случае ошибка разъяснилась достаточно быстро. Когда я рассказала на комиссии по распределению, что мое знание региона ограничивается дюжиной азербайджанских слов, что, несмотря на вопиюще неславянский профиль, я являюсь «человеком русской культуры» в гораздо большей степени, чем известный семинарист, интерес ко мне сразу поугас. Словом, отправилась я домой, в Белгород, работать в отделе по борьбе с политическим бандитизмом.

Формально преступность делилась на обычную, заурядную, и «политическую» — ту, что питала подпольные контрреволюционные организации. Первой занималась криминальная милиция, второй — КОРД. На деле провести грань между ними было сложновато: имперские недобитки массово уходили в криминал, а уголовный мир, и до революции тесно связанный с фашистами, пропитался ультраправыми идеями, словно губка. Поэтому мы

с городской криминальной милицией постоянно, что называется, сталкивались в дверях. Об этих конфликтах сегодня общество имеет представление исключительно с милицейской точки зрения: и в публикуемых мемуарах, и в детективных фильмах умным и расторопным милиционерам противопоставляются невежественные и самонадеянные кордовцы в ставших притчей во языцех кожанках, постоянно отбирающие себе почти раскрытые дела, срывающие ответственные операции и упускающие опасных преступников благодаря вопиющей некомпетентности. Прямо как в старых боевиках — умный коп из NYPD или LAPD и тупые федералы в пиджачках, вечно сующие нос не в свое дело. Понятно, что реальная картина наших взаимоотношений была куда сложнее, но после произошедшего в мае пятьдесят девятого года на КОРД стало возможным вешать и не таких собак.

К середине пятидесятых поражение контрреволюции в мире стало особенно очевидным и убедительным. Надежды на помощь заграницы у нашего имперского подполья рухнули окончательно. И именно в этот момент в разлагающейся и отчаявшейся контрреволюционной среде стали популярны идеи тотального террора против национальных и гендерных меньшинств в Коммунах как средства очищения человечества и призыва к угнетенным белым европейцам мобилизоваться и бороться. По Коммунам прокатилась волна столь же страшных, сколь и бессмысленных терактов. Объекты для атаки выбирались самые разные: центры реабилитации жертв семейного насилия, клубы квир-культуры, кварталы компактного проживания выходцев из Средней или Юго-Восточной Азии, главное для них было — от акции к акции увеличивать количество жертв, сеять панику бессмысленной жестокостью. В этих условиях КОРД решил коренным образом менять стратегию борьбы: через внедренных в подполье и эмиграцию агентов продавливалась идея о бессмысленности и вреде террора в деле борьбы с коммунизмом, но для того, чтобы подобная точка зрения возобладавала, необходимо было создать имперцам другую перспективу, дать свет в конце тоннеля. Так возникла идея операции с неоригинальным названием «Картель».

Операция эта представляла собой первоначально создание сети фальшивых имперских организаций для вовлечения в них настоящих контрреволюционеров и подрыва влияния террористов. Годами велась строжайше засекреченная игра, без пощады уничтожались сторонники террора, и одновременно умеренных лидеров имперцев опутывали, словно паутиной, иллюзиями о неуклонном росте числа противников коммунизма, о тайных дружинах, готовых выступить в любой момент с оружием в руках, о проникновении контрреволюции в руководящие учреждения Коммун. Для эмиграции

составлялись подробные аналитические записки, в которых объективные трудности послевоенного восстановления промышленности объяснялись организованным саботажем. Создавалась фактически параллельная реальность, в которой власть Коммун держалась непонятно на чем, ибо население их с каждым днем все больше начинало любить бога, традиционные ценности и свободное предпринимательство. Неадекватное представление имперцев о происходящем в стране давало определенные возможности контроля и манипуляции подпольем и во всяком случае операция позволила остановить волну насилия — это для КОРДа и означало выполнение программы-минимум.

Проблема была в том, что «Картель» имел свои пределы роста, после преодоления которых возникал риск совершенно спонтанных выступлений. Операции, проводившейся настолько тайно, что о ней не знали в том числе и в Совете Коммун, необходимо было достойное завершение — ликвидация в один момент всех организованных структур контрреволюции.

До сих пор неизвестно, кому именно впервые пришел в голову потрясающий план устроить самую грандиозную провокацию в истории для того, чтобы выманить на поверхность всех старых имперских недобитков. Возможно, и не было никакого неизвестного гения — «Картель» обрел свою логику развития, которая неумолимо вела его к попытке восстания, и координаторам КОРДа оставалось лишь выбирать — ломать годами выстраиваемые схемы или все же довести операцию до конца, несмотря на все риски ее продолжения. Выбор второго варианта стал фатальным и для имперского подполья, и для КОРДа.

Утром двадцать пятого мая пятьдесят девятого новостные ресурсы буквально взорвались: катастрофа сразу на двух блоках Нововоронежской АЭС, радиоактивное облако несет в сторону Белгорода и Харькова; несколько периферийных коммун оказываются отрезанными от центра, в Волгограде захватывает власть некое «правительство русского возрождения», в других городах начинаются массовые антикоммунистические манифестации.

Разумеется, это все было срежиссированным спектаклем: жестко контролирующий информационные потоки КОРД не только генерировал новости с убедительными кадрами происходящего в Коммунах кошмара, но и блокировал все альтернативные источники информации. Совет Коммун был поставлен перед фактом проводимой операции уже после ее начала. Непонятно, на что рассчитывали координаторы КОРДа, но мириться с таким положением правительство не пожелало: Комитет Оборона Рабочей Демократии был объявлен коллективным изменником делу революции, по тревоге были подняты территориальные подразделения рабочей милиции с прика-

зом арестовать путчиков, и в итоге тщательно подготовленный план полетел ко всем чертям.

Два дня на улицах нескольких городов шли кровопролитные, зачастую трехсторонние сражения — между правительственными силами, кордовцами и имперцами. Число жертв исчислялось сотнями, и самое страшное заключалось в том, что коммунисты стреляли в коммунистов. Разумеется, главная вина лежала на нашем начальстве, но все-таки и Совет перегнул палку, объявив весь КОРД по сути вне закона. В конце концов, большинство наших оказались в сущности всего лишь марионетками заигравшихся координаторов и сложили оружие быстрее чем успела пролиться кровь. Того отношения, которое распространилось на всех бывших сотрудников Комитета, мы в любом случае не заслужили.

А отношение оказалось более чем суровым. Шестеро из семи наших главных координаторов были приговорены к смертной казни. Сотни исполнителей рангом ниже отправились в тюрьму на сроки от двадцати лет. Сам КОРД был распущен с запретом для тысяч бывших сотрудников на работу в силовых, образовательных и других ключевых ведомствах. Его функции были частично вовсе упразднены, частично переданы новой организации — Рабочему Контролю, в который из бывших кордовцев попало мизерное количество.

Что делала в это время я? Самое смешное — всю эту историю я провалялась в областной больнице, восстанавливаясь после пластической операции. Валялась, признаться, из-за своей глупости: попытка взять в одиночку совершенно неопасного, как мне казалось, студентика юрфака, подрабатывающего наркоторговлей в своей общаге, обернулась изуродовавшим лицо и буквально разорвавшим правое ухо касательным огнестрельным ранением и трупом подозреваемого. Подобное у меня случалось с периодичностью где-то раз в полтора года, в смысле — перестрелки в людном месте, но такой залет произошел впервые. Чем теперь все закончится, я не очень хорошо представляла, но боялась, что дежурной прочисткой ушей не обойдется. Навещавший меня Матрос в красочной форме описал, как у него болит задница от объяснений с начальством, и попросил медсестру передать врачам, чтобы не слишком старались с ухом — все равно он оторвет мне его на следующий же день после выписки.

Словом, когда все это началось — паника, неразбериха и радиоактивное облако, — я все еще лежала с забинтованной наполовину физиономией и читала «На краю Ойкумены», горя, что никто не написал такой же книжки, только про женскую дружбу, но чтобы обязательно с морем, носорогами и

слонами. И, если честно, мероприятия по гражданской обороне в больнице настолько меня захватили, что о политической составляющей происходящего в городе я почти не задумывалась.

К счастью, в Белгороде все закончилось не так уж плохо. Наш городской координатор, Николай Андреевич Радченко, был старым рабочим, лет двадцать в свое время варил трубы на БЭЗМ. Когда накануне финала операции «Картель» он получил по секретной связи зашифрованный файл с инструкциями, то очень сильно задумался: пахла эта затея на редкость плохо. Однако он и представить себе не мог, что такая масштабная провокация может быть не согласована с Советом Коммун. Словом, он колебался и рвал себе душу до полудня, когда к зданию городского управления КОРДа подъехали шесть автобусов с рабочими того самого БЭЗМ, наспех расхватавшими автоматы и броники в заводской оружейке по призыву из Москвы. Мало кто в мировой истории так тепло приветствовал людей, приехавших его арестовывать, — впрочем, ограничилось все сдачей кордовцами табельного оружия, а когда поступило сообщение об атаке здания горсовета настоящей контрой, воспринявшей происходящее всерьез, — и его пришлось вернуть, чтобы всем вместе уничтожать вылезших из подполья бандитов.

В общем, закончилось все в тот день не сказать чтобы совсем благополучно (потери мы все-таки понесли, в том бардаке без убитых с нашей стороны обойтись не вышло), но, по крайней мере, правильно. Правда, от жесткой чистки и прочих последствий коллективной вины КОРДа это нас не избавляло.

Партийная комиссия, как водится, состояла из трех человек, что само по себе навевало не очень хорошие ассоциации, но у меня были еще и личные воспоминания, связанные с похожей ситуацией. Некогда такая же «тройка» из горно решала вопрос о том, исключать ли меня из школы после организованного нашей ячейкой Ревмолодежи бойкота уроков закона божьего. Но в принципе бояться мне было нечего, и я имела все основания надеяться на самый благоприятный исход — простой переход в новое ведомство, пусть и с сильно урезанным штатом и полномочиями

Слева за широким столом сидела незнакомая мне женщина лет тридцати, в потертом камуфле, волосы небрежно перехвачены резинкой в хвост, в руках помятая тряпичная кепка-фиделька. Приятное товарищеское лицо, но самое главное — накладка на пульсе: красный квадратик в черной кайме рядом с такой же звездой. Наш человек, значит.

Председателем оказался один из тех персонажей, чьи физиономии постоянно мелькают в городской хронике, но кого запомнить хотя бы по фа-

мии вы не сможете при всем желании. Все атрибуты номенклатурной посредственности — официальный до отвращения костюмчик, двойной подбородок, начальственные брыли, придающие лицу неприкрыто кислое выражение. На вид лет под пятьдесят, хотя наверняка немного моложе.

А третьим за столом был один из моих старых знакомых. Паша Мельников, в сорок восьмом году — член партии «Сталинский блок — за Великую Россию» и помощник муниципального депутата. Летом участвовал в пикетированиях горсовета с советским флагом и иконой наперевес, произносил на камеру пламенные речи про антирусскую революцию троцкистов-космополитов, но, когда эти сборища стали разгонять уже по-взрослому, как-то ловко спрыгнул с темы, отделавшись легким испугом и двухдневным арестом. Некоторое время сидел тише воды ниже травы, по состоянию здоровья умудрился избежать мобилизации, а уже в пятьдесят первом всплыл на мелкой должности в одном из райкомов на западе области, куда война так и не добралась. Излишне говорить, что с тех пор он стал воплощением лояльности и верности «генеральной линии», административным энтузиастом, одним из тех, для кого библией является каждый последний по времени декрет Совета Коммун, человеком, по определению не ошибающимся по причине отсутствия собственного мнения. И карьера его с тех пор пошла в гору — это ведь именно Мельников приезжал к нам выдать грамоту от горсовета за спасенные для государства сокровища. Правда, я чуть не испортила торжественный момент, не к месту вспомнив о его прошлом, но Матрос и Николай Андреевич не дали развить тему до полноценного скандала. И вот теперь — такой поворот. В подобные моменты невольно задумываешься: может, мы действительно в свое время слишком мало расстреливали?

Опрашивали меня, как ни странно, больше не по кордовским делам, а по более раннему времени. Женщина в камуфляже особенно допытывалась, сколько же мне было лет, когда я стала активисткой Ревмолодежи. Сошлись на том, что около тринадцати с половиной. Председатель комиссии с брылями высказал некоторое недовольство тем, что в милицию я записалась, обманом изменив свой возраст, — пришлось, сдерживаясь изо всех сил в выражениях, объяснять, что обмана никакого не было, просто кое-кто кое-где слегка закрыл глаза на некоторые формальные цифры в интересах революционной целесообразности, — как будто это что-то плохое. Бывший сталинист отчего-то молчал, пока не добрались до краткого периода моих приключений в Крыму. Тут он попросил разрешения включить стереопроектор, чтобы показать краткий ролик «из открытых источников».

— А як прийдеться стати зі зброєю в руках,

Бандера поведе нас — замає гордо стяг:

І сипнемо сто-тисяч у зуби сатані,
А решта люциферу — чорти ми лісові!

Это мы с ребятами из моего взвода в гостях у смежного подразделения. Песни под гитару, спиртное льется рекой. Непривычно видеть себя пьяной, если честно, — в милиции Коммун был довольно строгий сухой закон, так что за четыре года войны я так и не научилась пить по-настоящему, здесь же синячили вполне свободно, особенно после формального окончания операции. Мда, какая же я становлюсь милая и общительная, ужравшись, — самой от себя тошно. Правда, непонятно, к чему это все демонстрируется здесь и сейчас.

— Вот этот молодой человек, которому вы сейчас ерошите волосы, вы ведь помните его? — спросил Мельников.

Я помнила. Такое довольно сложно забыть.

— И вы, наверное, в курсе, что зовут его Тарас Удовиченко, что он убежденный украинский фашист и что именно он возглавил террористическую атаку на Совет Харьковской Коммуны в пятьдесят четвертом году?

О, я знала. Я знала даже то, что Удовиченко — вовсе не настоящая фамилия Тараса, что никаким фашистом как минимум в пятьдесят втором году он еще не был, а был мальчиком с чудовищным количеством мусора в голове, где перемешались украинский национал-коммунизм, махновщина и убежденность в том, что УПА собиралась строить бесклассовое общество.

Мы как-то довольно быстро сошлись, почувствовав друг к другу столь же взаимную, сколь и иррациональную симпатию. Я вовсе не собиралась с ним ругаться на тему политики и идеологии, понимая, ни черта хорошего из этого все равно не выйдет, а вот он всерьез пытался обратить меня в свою веру. Как ни странно, даже телеги о том, что земля Московии проклята, что никакого коммунизма там никогда не будет построено, что самые благие намерения приведут лишь к возрождению проклятой Москальской Империи, меня скорее забавляли, чем раздражали. Я упорно уклонялась от серьезных дискуссий, больше поддразнивая его и забавляясь, а чаще всего прерывала его просьбой почитать стихи Леси. Лесиних стихов Тарас знал наизусть десятки и читать их мог до хрипоты. «До тебе, Україно, наша бездольная мати, струна моя перша озветься»... Словом, расстались мы друзьями, хотя кое-кто из моего взвода под присягой мог поклясться, что видел, как мы целовались под луной, — человеческая память, она такая.

И когда два году спустя я увидела тело Тараса в репортаже из Харькова, то ощутила, как что-то умирает во мне самой. Разумеется, его взгляды, его жизнь, его борьба — это объективный тупик, разумеется, все так и должно было закончиться. И часто законы исторического развития заставляют стре-

лять в бывших друзей. Но будь проклят тот, кому это может доставить радость.

— ...И, значит, вы считаете, что для коммунистки и милиционерки нормально воевать в армии буржуазного государства в качестве добровольца? — продолжался тем временем вопрос.

— Товарищ Мельников! — не выдержала женщина в камуфляже. — Совет Коммун и партия никогда не осуждали добровольцев из «украинского батальона».

— Это — да, — согласился бывший сталинист. — А как, интересно, в партии должны относиться к тем, кто путался с бандеровскими террористами и подпевал бандеровским гимнам?

Тут он явно перегнул. Женщина издала возмущенное восклицание, даже председатель соизволил повернуть голову в сторону Мельникова и несколько нахмуриться. Я же вдруг невыносимо реалистично представила себе, как подхожу к столу, беру ублюдка за волосы и изо всех сил ударяю лицом о столешницу. Потом вытаскиваю его, обмякшего, из-за стола, и начинаю методично избивать, ломая коленом нос, лицевые кости, выбивая зубы и глаза, превращая морду в кровавое месиво... Это в КОРДе сурово преследовались попытки физического воздействия на подозреваемых, а я-то теперь частное лицо, мне все можно.

К столу я и в самом деле подошла, но обошлось все-таки без пролития крови.

— Послушай, ты, мразь, говноед, сталинская портянка. Те люди, перед кем я должна отвечать за свои ошибки, лежат под Воронежем, под Каменском, под Ростовом. С тобой, скотина, не то что разговаривать — тебе в морду плюнуть значит себя не уважать. Партбилет хотите? — тут я обратилась к комиссии в целом. — Как это называется — на стол? Берите, — я бросила красную пластиковую карточку на красную же скатерть, развернулась и пошла к выходу.

— Нет, Александр Дмитриевич, вы же видите? — вслед мне раздался срывающийся на фальцет возмущенный голос Мельникова.

Дверью я хлопнула так, что та едва не слетела с петель.

— Марьям! Стойте! Марьям! — женщина в камуфляже догнала меня в коридоре. — Так же нельзя!

Я остановилась.

— А как можно? Скажите мне, товарищка комвзвода, что это было? Испытание смирения? Важный жизненный урок? Или то, о чем я подумала, — плесень, которая жрет людей?

— Смирнова. Меня зовут Юлия Смирнова. Вы же понимаете, что сейчас творится. Сотни трупов, деморализация, потрясение. Такие раны не лечатся за один день.

— А я, вот я в чем персонально провинилась? И почему, если даже я где-то виновата, судить меня должно вот это дерьмо? Знаете, на что это похоже? Вы про Московские процессы читали? Вот, самое оно.

— Послушайте, вы должны вернуться. Обещаю, я успокою Мельникова, только заберите обратно партбилет. Вы же воевали, вы знаете, чего такие вещи стоят!

Акцент у нее точно не местный. Но и не московский. Откуда же ты, интересно?

— «Северная Коммуна»? — назвала я самую знаменитую ленинградскую бригаду, указав на запястье Смирновой.

— Что? — не поняла та сначала, затем тепло улыбнулась, посчитав, что нащупала-таки со мной контакт. — Нет, первый маркинский батальон. Маркинские мы. Рядом с вами, кстати, воевали, очень даже могли пересекаться...

— Так вот, Юля, я самого начала поняла, что ты в этой компании одна нормальная. И знаешь что? Рано или поздно они тебя тоже сожрут. Потому что ты — человек, а они — плесень. Людям свойственно ошибаться, а вот плесень не ошибается никогда, потому у нее нет и не может быть своих убеждений.

— Послушай, ну что ты все заладила — ехал Сталин через Сталин? — не выдержала Смирнова. — Другие времена на дворе...

— Вспомнишь мои слова как-нибудь на лесоповале, — пообещала я, развернувшись и пошла к выходу из здания, всем своим видом показывая, что больше остановить себя не позволю.

— Что, неужели так легко во всем разувериться? — неслось мне в спину. — А если бы тебе и правда пальцы ломали в подвалах?

«Сожрут тебя, точно сожрут», — думала я, выходя на улицу.

Тому, кто не жил в те годы, будет, наверное, сложно понять мой срыв. Мы работали и боролись в стране, совершенно непохожей на Россию двадцатого века, — и тем не менее, тень поражения той, первой революции преследовала нас везде. О событиях столетней давности в те годы было выпущено огромное количество книг и фильмов, ставивших массу болезненных вопросов, а иногда и воспроизводивших форменный кошмар настоящего коммуниста. Ссылные большевики, которых встречают в лагерях вертухаи из бывших белогвардейцев, бесстрашные герои гражданской войны, которых истязают, унижают и обвиняют в измене сталинские палачи из кадетов и меньшевиков, вся эта омерзительная плесень, тысячи маленьких вы-

шинских и кировых, съедающих заживо партию и революцию, — такие воспоминания, фантомные боли порождали тревогу и за судьбу наших Коммун, переходившую зачастую в мнительность и паранойю. Во внутренних дискуссиях обвинения оппонента в «сталинизме», зачастую совершенно надуманные, оказывались слишком распространенным полемическим приемом. Словом, неудивительно, что в обстановке, сложившейся после разгрома КОРДа, я нашла неутешительные параллели с советским прошлым и слишком много домыслила на основании ложных аналогий. В те месяцы, стыдно признаться, я всерьез ждала ареста и как минимум ссылки. Стоит ли говорить, что за все эти годы так ничего и не дождалась?

И когда двадцать лет спустя в обеденный перерыв Коля будничным голосом сообщил, что Смирнову избрали председателем Совета Коммун, я здорово напугала своих коллег, разревевшись в голос от радости. Они, конечно, не поняли, что для меня столь рядовое событие стало знаком. Знаком того, что права была она, а не я. Знаком того, что она — умница и молодец, а я эгоистичная дура. Знаком того, что история перестала повторяться, и мы действительно вышли на новый уровень — все мы, все человечество.

Само собой разумеется, внятно объяснить это посторонним я не могла, поэтому просто прибавила несколько очков к репутации странной женщины с темным прошлым.

Но уж к этому мне было не привыкать.

— Почему я все-таки согласилась на предложение Матроса? Конечно, не из-за бреда про конец света, которым кормят друг друга отставные бюрократы. Отмирание государства неизбежно будет порождать обиженных из числа тех, кто много сил положил на его создание и укрепление, именно поэтому я всегда испытывала естественную настороженность к большому начальству, помня, что его рано или поздно придется упразднить. И вовсе не потому, что я всю жизнь «ждала приказа» или хотела вернуть дух сорок восьмого: уродом надо быть, чтобы желать своей стране еще раз пережить войну, голод и экономическую блокаду. Просто мне надо было разобраться самой изнутри, что же задумали старики-разбойники и какую это может представлять опасность для Коммун и всего человечества. Понимаете, они ведь не изменники какие-нибудь и не преступники, но в КОРДе тоже были честные революционеры, которые просто своеобразно понимали свой долг и неправильно оценили свои полномочия. А закончилось все в итоге большой кровью.

Словом, с чистыми документами и слегка подправленной биографией я и пришла к вам. Втерлась в доверие, обманула, можно сказать. Знаете, мно-

го написано о том, как тяжело глубоко законспирированному разведчику притворяться каждый день, обманывать, воспринимать как врагов тех, рядом с кем приходится жить и работать. Сомневаюсь. Какому-нибудь Зорге, испытывающему омерзение и ненависть к нацистам, мне кажется, обманывать и притворяться было относительно легко. А мне? Разве вы мне — враги? Для чего же мне тогда вам лгать?

И совсем невыносимо стало, когда я поняла, что люблю Ю и что она любит меня. Для нее-то все было очень просто, светло и радостно, а я вдруг обнаружила, что за последние лет двадцать ни с кем не была до конца искренней. Ни с Матросом, ни с коллегами на заводе, ни с вами. Можно об этом на время забыть, рядом с той, кто тебя любит, но ощущение одиночества рано или поздно нагоняет и накрывает с головой. Впрочем, ладно, это мои личные тараканы, я про другое.

Матрос умер полгода назад. Какая-то рядовая ОРВИ, из тех, что сегодня бояться не принято, убила его в четыре дня, а я даже на похороны явиться не посмела. Проблема была в том, что связь со стариковским клубом я поддерживала исключительно через него, и за эти месяцы никто не вышел со мной на контакт. Понятия не имею, поумирали они там все, что ли, или вообще все это было дурацким розыгрышем. Смысл моего присутствия здесь, кажется, окончательно потерялся. Да и изначально это было весьма тухлой затеей: стоит мне только попасть в новости с каким-нибудь открытием — наверняка найдутся те, кто хорошо знает мою реальную биографию, а это значит... черт его знает, что это теперь значит. Реального срока я, положим, и не получу, но все равно будет стыдно и неприятно.

Хотя вряд ли стыднее, чем объясняться с вами.

— М-да, — первым молчание нарушил Мика. — Круто вы пожили. Мне тут, когда я только в «Интерсерч» пришел, рассказывали, какая у нас важная работа — тени прошлого тревожить и скелеты из шкафов извлекать. Но мы, кажется, не там копаемся — самое интересное не по бункерам и катакомбам прячется, а у людей в головах...

— И что теперь? — Токо, кажется, окончательно потеряла решимость.

— Дети мои, я меньше всего хочу кому-то из вас причинить вред. Поэтому то, что происходит сейчас здесь, должно остаться между нами. Если эти упыри в своих гробах способны напакостить миру — я уничтожу их лично. Вот только... Мика, что станет со всеми этими электронными человечками, когда наши трупы подохнут до конца?

— Пока понятия не имею. Скорее всего — они будут стерты попросту, энергию в такой системе надо экономить.

— Токо, я обещаю тебе: если это понадобится — мы придушим предателя с тобой вдвоем, в четыре руки. А если нет? Давай попробуем выяснить. В конце концов, ты была права: это похоже на бомбу, а с бомбами «Интерсерч» должен разбираться самостоятельно, на месте, иначе на кой черт мы вообще нужны? Мика, Ю? Вы сможете, не знаю, расковырять эти гробы, взломать, чтобы мы могли воздействовать на происходящее в них?

Пауза.

— Если ты о том же, о чем я подумала, — нужна хотя бы неделя, — ответила Ю.

— Мне надо сгонять в Ленинград, — сказал Мика. — Есть вариант сделать процесс быстрее и удобнее.

— Да не вопрос, свяжемся с Центром, сообщим, что у нас тут исследования на сложной местности, — улыбнулась я. — Крымские горы, дети мои, это вам не Памир какой-нибудь, тут все очень сурово. Вы слышали, например, что в этом районе двадцать лет после войны казак из бывших беловских пластунов скрывался? «Партизанскую войну» вел — водителей и туристов убивал, несколько раз даже в поселок спускался, целые семьи вырезал. Так его и не поймали, пока сам не сдох...

— Что, правда, что ли? — спросила недоверчиво Ясмينا.

— Конечно, нет, — вздохнула я. — Я только что выдумала. Просто надо проверить свое умение врать на голубом глазу...

«Беденькая моя, а ведь я у тебя свинья без малейших признаков эмпатии. Тогда, полгода назад, как у тебя друг умер, вообще ничего не увидела и не заподозрила. Прости пожалуйста, а?» — написала Ю в личку, заставив меня оборваться на полуслове.

— Так, ма, не смей извиняться, — категорично заявила Ясмينا. — Ты, между прочим, за нас воевала, кровь проливала, голодала и все такое. Если ты думаешь, что мы не понимаем, — мы, конечно, ни черта не понимаем, потом что нас тогда еще не было, но мы в курсе, что должны тебе всю оставшуюся жизнь и всё такое.

Ясмину можно было во многом упрекнуть, но только не в избытке пие-тета перед старшим поколением, так что слова ее шли, кажется, от самого сердца. Я хотела было ответить, но тут услышала еще один знакомый звук: Токо отсоединила магазин, уронила его себе под ноги, передернула затвор и с размаху швырнула автомат в стену.

Я облегченно выдохнула. Только сейчас до меня в полной мере начала доходить чудовищность ситуации, абсурдность реакций на нее и дикость наших диалогов под прицелом. Я попыталась представить, как бы вели себя

здесь представители моего поколения. Неужели мы с ними настолько разные?

Кретины, рассуждающие про неизменность гнилой человеческой природы, даже жаль, что вы до нашего времени не дожили.

Токо тем временем села на прямо пол, обхватила гладко выбритую голову руками и прошептала на пороге слышимости:

— Вы же мне этого теперь никогда не простите...

И тут меня снова, как при первом знакомстве с девочками, осенило. Я сначала подобрала автомат, а уж затем только подошла к Токо, положила его ей на колени, присела рядом на корточки и строгим голосом выговорила:

— Кто так с оружием обращается? Еще раз — и останешься без обеда.

Тут она обхватила меня за шею, едва не заставив потерять равновесие, и в голос заревела.

Заплакала, разумеется, и я. Да, в общем, в тот момент сухих глаз не осталось ни у кого. Плакала Лу, вставшая на колени и заключившая нас обеих в богатырские объятия. Плакал Мика, подняв очки на лоб и не стесняясь отчаянно тереть глаза. Плакала наверху Ю, размазывая слезы ладонькой по татуировке густого, насыщенного черного цвета (каждый раз, целуя ее лицо, я ожидала ощутить на губах горький вкус туши или чернил). И бегала вокруг нас, размахивая руками, Ясмينا, в своей обычной манере выражая обуревающие ее чувства:

— Так, прекратите реветь! Немедленно! Вы понимаете, что я сейчас тоже заную?! Блин, да перестаньте! Ну, вот, все. Ваааааааааа!

Железнодорожный состав Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича неся через ночь где-то на полпути между Петербургом и Тверью. То есть именно там он должен был находиться по субъективному ощущению Михаила Георгиевича, намотавшего уже не одну тысячу верст по дорогам Великороссии. Во всяком случае, это было первое ощущение, зафиксированное им сквозь полудрему. Вторым стало отсутствие привычного тепла любимой Sophie под боком. Все еще не до конца проснувшись, цесаревич ощупал левой рукой постель рядом с собой, убедившись, что она также не сохранила тепла верной фаворитки. Это уже внушало тревогу.

Правой рукой цесаревич дотянулся до выключателя и кнопки звонка. Камердинер должен был явиться в течение двадцати секунд, однако установленное время прошло, но даже движения в коридоре не ощущалось. Только теперь, привыкнув к электрическому свету и окончательно придя в себя, наследник заметил то, что случилось с окном. Он никогда не позволял опускать шторку окна вагона на ночь, и теперь вместо куска звездного неба, пересекаемого силуэтами телеграфных столбов, вместо отражений

электрического светильника и обстановки вагона видел совершенно черный прямоугольник, вызывающий ассоциации с космической бездной. По забыв про камердинера, он встал с постели, подошел к непонятному прямоугольнику и вдруг понял, что боится прикоснуться к нему. Вспомнились фильмы ужасов из прошлой жизни, вспомнилось, что никакой он нас самом деле не цесаревич, вспомнилось — и пришло вдруг осознание: не просто же так он попал в этот дурацкий фантастический роман, должно быть какое-то логическое объяснение происходящему! И в страхе, что это объяснение сейчас будет дано, севшим голосом Михаил в отчаянии позвал:

— Sophie! Николай! Лаврентий! Да где же вы все?

— Не надрывайтесь, господин Романовский, — девушка в черном платье с волосами цвета воронова крыла и револьвером в правой руке вошла в опочивальню. — Честно говоря, я ожидала от вас большего мужества. Для вас ведь все это — вроде игры, этакий крикет с человеческими головами вместо мячей. Так стоит ли принимать близко к сердцу проигрыш?

— Ты кто еще такая?! Охрана! — завопил цесаревич.

— Аля, ну ты ведь сама такого эффекта добивалась, чего теперь удивляешься? — вслед за девушкой вошла женщина лет сорока пяти, по виду — то ли цыганка, то ли грузинка, в галифе, сапогах, красной косынке и знакомого, слишком хорошо знакомого Романовскому фасона кожаной куртке.

Ну конечно, как он сразу не догадался! Прогрессоры-конкуренты из соседней альтернативки! Краснопузая сволочь из романа на соседней полке! Настоящий враг — не жалкие местные мальчишки для битья, а равные по возможностям противники. Значит, рано паниковать — игра продолжается, и не может быть, чтобы удача отвернулась от главного героя.

— И чего же вы хотите, товарищи? — вернувшееся самообладание позволило Михаилу вложить всю возможную издевку и ненависть в последнее слово.

— Кстати, Марьям, а как он сейчас выглядит в реальном мире? — спросила Аля, не обратив внимания на вопрос цесаревича.

— Попробую показать, — Марьям щелкнула пальцами, девушка в черном платье удивленно моргнула, затем скривилась от омерзения:

— И правда — упырь какой-то.

— Что, что вы со мной сделали?! — закричал Михаил, глядя удивленно на свои руки, которые неожиданно приобрели какой-то бледно-серый цвет.

— Да без проблем, можешь в зеркале посмотреть, — Марьям щелкнула пальцами второй раз, и на месте черного прямоугольника, бывшего окна, появилось обыкновенное зеркало. Вместо здорового молодого человека, чье лицо стало бы достойным украшением обложки GQ, а сексуальное загорелое тело и без графической обработки пристойно смотрелось бы в любом спортивном журнале, цесаревич увидел в отражении мертвенно-бледное существо с атрофировавшимися мышцами и совершенно лысым черепом, напоминающее и в самом деле то ли вампира, то ли толкиновского Голлума. Потрясенный произошедшей с ним метаморфозой, Михаил страшно заорал, нервы его не выдержали и он попытался броситься на женщин... но обнаружил, что ноги его намертво приросли к полу.

— Это уже ты? — улыбнулась Марьям. — Молодец, быстро учишься.

— Спасибо, я с детства мечтала быть волшебницей, — ответила Аля и нахмурилась. — С детства, которого у меня, оказывается, не было. И я так и не стала до конца материалисткой: сколько бы умных книг ни довелось прочитать, а разум все равно протестовал... Ладно, давай заканчивать. Я думала, это доставит мне больше удовольствия — добраться до него наконец.

— Ты его однажды уже убила, — напомнила Марьям.

— Не помню, — покачала головой Аля. — Что было — не помню, чего не было — помню, такой вот парадокс...

— Да кто вы такие?! — прохрипел сорванным голосом Михаил.

— Мы не палачи, если тебя это обрадует, — ответила Марьям. — Конечно, мир, который ты столько лет тиранил и насиловал, больше в тебе не нуждается, и можно было бы убить тебя прямо здесь — но зачем? Ты и так хуже чем мертвец. Да и вообще — вашу компанию мы судить не имеем полномочий, так что пока посидишь тут. Ю, загрузи ему обучающий курс для старшеклассников, чтобы не скучал. И убери, кстати, этот додескаден, мы же не едем никуда, я просто не вижу этого меню...

Поезд неожиданно и одновременно словно остановился — то есть исчез звук движущегося вагона, однако никакой бросающей вперед силы инерции Михаил, к своему ужасу, не почувствовал. С окном же произошло очередное превращение: на месте зеркала появился обыкновенный стереоэкран. Незнакомый цесаревичу логотип вращался вокруг вертикальной оси на фоне закольцованного видеофрагмента, на котором современные строители восстанавливали мраморную облицовку пирамид Гизы — какой она была тысячи лет назад. И ниже логотипа — подпись: «НОВЕЙШАЯ ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ. КРАТКИЙ ОБУЧАЮЩИЙ КУРС. ЧАСТЬ 3 (2048-2084)».

— Здравствуйте! — слегка механический мужской голос не имел, казалось, четкого источника, раздаваясь со всех сторон. — Вас приветствует интерактивная обучающая среда типа «Меринг». Скажите «меню», если желаете продолжить работу в голосовом меню. Скажите «линза», если хотите синхронизировать работу терминала с вашим нейроинтерфейсом...

Цесаревич ощутил, что сковывающая его сила исчезла в тот самый момент, когда Аля и Марьям без следа растворились в воздухе, но, подбежав к двери и распахнув ее, он наткнулся на очень твердую и абсолютно черную стену — такую же, каким было окно вагона пару минут назад. Больно ударившись о нее лбом, Михаил наконец осознал, что все происходящее — не сон, а страшная реальность. В этот момент ему до смерти захотелось потерять сознание, однако в спасительное забытие нельзя было впасть усилием воли.

И тогда, чтобы вызвать, словно демона, свою последнюю надежду — безумие, избавляющее от страданий, — цесаревич страшно, но совершенно неестественно расхохотался.

— Глупо все-таки вышло, извини, — Аля достала очередную папиросу, приложила к ее кончику палец, пока та не затлела, раскурила и неловко

улыбнулась. — Если честно, я хотела, чтобы он ползал у меня в ногах, вылет от страха, дрожал как осиновый лист. А получилось...

— Такие вещи вообще мало радости приносят, поверь моему опыту, — ответила задумчиво Марьям.

Они стояли на краю вокзальной площади, посреди которой молодой человек в форме железнодорожника с наспех повязанной на левом рукаве красной лентой зачитывал немногочисленным слушателям — торговкам, дворникам, носильщикам, ранним пассажирам — постановление об упразднении самодержавия. Не до конца проснувшийся вокзальный люд реагировал без особого энтузиазма — впрочем, побить смутьяна или отвести «куда следует» тоже никто не порывался.

— А что теперь? — спросила Аля, глубоко затаившись. — Мы построим социализм или это будет все равно такой же обман? Если мы просто призраки внутри машины, если все это — не настоящий мир, не будет ли издевательством играть в революцию?

— Почему ты думаешь, что у меня есть готовый ответ? — вопросом на вопрос ответила Марьям. — Я знаю только одно: ты умеешь бороться, любить и ненавидеть так, как не каждый может в мире, который ты зовешь «настоящим». Для нескольких девочек там, снаружи, ты уже послужила нравственным образцом, можешь поверить. Так почему твой мир должен быть менее настоящим, чем наш? Может, мы и разные, но есть одна по-настоящему универсальная ценность, которая нас объединяет.

— И какая же?

— Революция. Революция должна продол-

жаться. Пойдем поближе, послушаем, — Марьям положила руку Але на плечо. — Что-то мне подсказывает, что работы у нас еще ой как много.

Солнечные лучи, перехлестнув через здание вокзала, осветили крыши и окна верхних этажей на противоположной стороне площади. Тени с каждой минутой становились все короче.

Утро нового дня вступало в свои права.

Последнее слово

Слабый вечерний бриз, дующий в сторону моря, нес с собой запах хвои с прогретых горных склонов, поросших соснами. Освещенный лучами клонящегося к закату осеннего солнца, небольшой приморский город жил своей обычной жизнью. Жители все так же прогуливались по набережной, сидели в небольших уютных кафе, за столиками на открытом воздухе — по крайней мере те из них, кто могли себе это позволить. Казалось, все шло, как прежде, казалось, что жизнь течет своим чередом. Некоторые все так же работают допоздна, некоторые все так же предаются праздности, но бриз, дующий с окраин, доносил не только аромат сосновых рощ. Оттуда веяло уже не глухим недовольством, как было примерно год назад, но холодной решимостью... и угрозой.

Доктора Бланко все это не беспокоило. Мужчина за пятьдесят с седеющей шевелюрой и аккуратно подстриженной бородкой, в дорогом светлом костюме — практически воплощение успешного бизнесмена — доктор не спеша проезжал по нешироким улицам городка на автомобиле с открытым верхом. Он действительно обладал докторской степенью, с гордостью именовав себя ученым и посвятил годы своей жизни исследованиям в области генной терапии. Сейчас он был главой исследовательского подразделения крупной фармацевтической компании, а кроме этого, и входил в совет директоров.

За его жизнь случилось немало бунтов и восстаний, но сам доктор не видел ни одного. Все они были где-то там, в нехороших местах, все обходили его стороной. «Пошумят и успокоятся», неизменно говорил он. Конечно, последний кризис был хуже всех предыдущих, но даже такой катаклизм не мог поколебать неисчерпаемого оптимизма доктора. Не так давно он наконец-то сделал свое величайшее открытие! *Свое* открытие! Пусть над ним и трудилась в течение десятилетия целая лаборатория. Более того, испытания препарата уже завершились, и сейчас почти все было готово к запуску промышленного производства. А мировой кризис сюда, в этот тихий небольшой

город, не доберется. Окраины, конечно, побузят, но они утихнут. Должны утихнуть.

Он припарковал машину на личной стоянке, около десятиэтажного здания исследовательского корпуса, наверху которого располагался роскошный пентхаус. Осенью в домике на берегу становилось не так уютно, и к зиме доктор перебирался сюда, поближе к лаборатории. А сегодня здесь у него была назначена встреча.

Тот, с кем должен был состояться разговор, явно не хотел опоздать и пришел заранее. Молодой человек, лет двадцати пяти, в очках, в скромном сером пиджаке и джинсах, ждал доктора, то прохаживаясь около входа в здание, то присев на скамейку в маленьком сквере перед фасадом. По скамейке, быстро перебирая лапами, пробежал крупный то ли жук, то ли паук, но молодой человек, похоже не страдал арахнофобией — он не обратил на паука никакого внимания.

Наконец доктор подъехал. Пройдя в здание, они поднялись на лифте и расположились за небольшим изящным столиком, под прозрачным куполом зимнего сада, находящегося на крыше корпуса.

Доктор догадывался о теме предстоящего разговора. Молодой человек приехал на стажировку из университета Буэнос-Айреса, хотя его имя — Олег — свидетельствовало о русских корнях. Он искренне интересовался последней разработкой лаборатории, тем самым великим открытием и его дальнейшей судьбой, был великолепно подготовлен, но без данных, хранящихся в компьютерах лаборатории, воспроизвести технологию конкурентам не удастся...

Доктор не слишком привык торопиться, а сегодня это было и вовсе ни к чему. Он разлил вино по бокалам, и потекла обычная беседа о погоде и последних новостях науки — о политике доктор говорить не любил.

* * *

Работа хакера, пытающегося проникнуть в далекую компьютерную сеть, внешне выглядит очень скучно и совершенно не подходит для остросюжетного повествования. Программы-сканеры, долгий поиск уязвимостей, проверки, попытки, бесконечные ряды кажущимися бессмысленными для непосвященных строк текста на дисплеях. Возможность физически проникнуть в компьютерный центр, конечно, очень облегчила задачу. Далеко не всем миниатюрным роботам, на жаргоне называемым «паучками», удалось пробраться туда. Часть не смогла преодолеть фильтры, часть просто потерялась

в лабиринтах систем вентиляции. Но те, что достигли цели, сейчас оказались незаменимы. Олег хорошо поработал, запуская «паучков»...

Наконец, после долгих поисков короткий взглас: «да!». Осталось найти то, что нужно. Через несколько минут стало ясно, что информация, которую они так упорно искали, точно здесь, но что именно необходимо, а без чего можно обойтись — не совсем понятно. Впрочем, при пропускной способности современной Сети это не так важно. Все защитные экраны сняты, система безопасности бессильна, и тревогу, вероятно, поднимут лишь завтра. А завтра подобные мелочи уже не будут иметь значения. Качаем все.

В углу очков дополненной реальности Олега появилась красная надпись, видимая, разумеется, только ему одному: «Загрузка завершена. Инфа у нас.»

* * *

Олег сменил тему, и разговор наконец-то перешел к открытию.

— Значит, это то, зачем вы пришли? — спросил доктор.

— Да, — ответил Олег, — как я уже говорил, ваша разработка — а точнее, разработка вашей лаборатории, — может спасти здоровье, а возможно, и жизни, миллионам.

— Вполне вероятно. У нее великолепные коммерческие перспективы.

— Коммерческие... — вздохнул Олег. — Ну, конечно, — мрачно усмехнулся он про себя, — опять деньги. Чего еще ждать от господина Бланко...

— А что делать тем, у кого не будет денег на лечение? — спросил он, стараясь сохранять спокойствие.

— Страховки, благотворительность, да и родственники могут поднапрячься, если им это важно.

— На земле есть миллиарды людей, до которых никогда не доберутся страхование и благотворительность, — напомнил Олег, — и им еле хватает денег на еду.

— Вы хотите, чтобы я продал или даже отдал свое открытие конкурентам, которые сделают лечение дешевле? — прямо спросил доктор Бланко.

— Нет, конечно, это не имело бы никакого смысла. Не конкурентам.

— А кому же? — спросил доктор.

— Всему человечеству.

— И кто же это «все человечество»? — с некоторой усмешкой в голосе спросил доктор. — Кто будет производить препарат?

— Ну, это-то не так сложно. Думаю, даже сейчас в Южной Америке есть предприятия, которые могли бы быстро освоить технологию.

— Еще хуже. Отдать его социалистам! Я-то думал, что вы амбициозный молодой ученый, а вы, похоже, поддерживаете власти ЮАСС, — раздраженно предположил доктор, имея в виду Южноамериканский Социалистический Союз, недавно возникшее объединение стран, которые отказались от неолиберальной экономической политики и пытались хоть как-то обуздать алчность капиталистов. Мнение о результатах их деятельности у говорящих было очень разным.

— Сумасшедшие популисты, — думал про них доктор, — потакают лентяям и бездельникам, которые не хотят работать. Ничего, кризис и до вас доберется, а честные созидатели, вроде меня, от вас уже разбежались.

— ЮАСС, конечно, союзники, — думал молодой человек, — но не избавившись от капиталистов и частной собственности полностью, они далеко не уедут. Задуют... Ну ничего, осталось совсем немного, и тогда душить будет некому.

— Не совсем, — уклончиво ответил Олег.

— Так или иначе, — заметил доктор, — это *мое* открытие, — я работал над этим проектом десять лет. Ночами не спал!

— И все эти годы с вами работали два десятка человек, начиная от лаборантов, мывших пробирки, и заканчивая стажерами, ставившими опыты, и программистами, писавшими код для анализа данных, — холодно, но пока еще спокойно возразил Олег, — что получают они? Как я понимаю, некоторые из них вам теперь не нужны и вы собираетесь их уволить.

— Молодой человек, — заметил доктор с раздражением в голосе, — внутренние коммерческие дела компании вас не касаются.

— Ну конечно. «Оптимизация расходов» — так это называется, если я не ошибаюсь, — с усмешкой произнес Олег.

— Совершенно верно, — подтвердил доктор, похоже, не заметивший сарказма.

— Значит, у вас не возникало мысли открыть вашу технологию всем желающим? — спросил Олег.

— Никогда. Это же *моя* идея!

— Никто не пытается отобрать у вас *авторство* идеи, хотя она и основана на многочисленных работах ваших предшественников, ставших общедоступными. Вы забыли, что стоите на плечах титанов? — в голосе Олега зазвучали металлические нотки.

— Не забыл, конечно, но они получали за свои труды...

— Их вы помните. Но не помните тех, кто кормит, одевает и обувает вас, кто строит для вас квартиры и корпуса лабораторий.

Олег взял в руки бокал и поднял его так, что он переливался и сверкал под светом люстры, падающим на стекло.

— Знаете ли вы, кто добывал сырье для этого бокала, кто управлял машиной, вытягивающей его из расплавленного стекла, работая в карьерах и стоя за пультом по десять часов в день без отпусков?

— Они сами выбрали такую работу. Кто же виноват, что они не нашли ничего получше. Я вот всего добился сам! Родители привили мне любовь к труду...

— Отец — член совета директоров инвестиционного банка, — мысленно усмехнулся молодой человек, вспоминая досье доктора, — мать — профессор университета и консультант фармацевтической компании. «Равные возможности», с горечью подумал он, вспоминая собственное детство.

— Я прилежно учился в школе, получил высшее образование... — продолжал доктор.

— Дорогая частная школа, потом Гарвард, — только профессиональная выдержка молодого человека позволила ему не высказать мысль вслух.

— Значит, вы считаете, что заслужили плоды своего труда, — холодным тоном подытожил он.

— Разумеется! — с энтузиазмом подтвердил доктор. — Конечно, это важное изобретение. Конечно, оно поможет людям. Но...

— ...сначала оно принесет вам прибыль, — закончил Олег.

— Да, — согласился доктор, — ведь это моя интеллектуальная собственность!

— Значит, все как обычно: священная частная собственность, — произнес Олег. В ледяном голосе уже проскальзывала даже не неприязнь, а ненависть, и доктор почувствовал перемену. Но он не собирался потакать молодому человеку, в голове которого засели какие-то социалистическими идеями.

— Да, собственность, — подтвердил доктор.

— Это ваше последнее слово?

— Я не собираюсь менять свои взгляды. Они у меня, знаете ли, за много лет уже сложились.

— Тогда, — начал Олег, увидев еще пару строк на экране очков, — я должен вам кое-что сказать.

— Что же?

— Хотя я приехал из ЮАСС, я не работаю ни на одну из служб этих стран. Я из другой ... организации. Вероятно, вы слышали ее название, хотя, возможно, вам не хочется его произносить.

При этих словах доктор слегка, но хорошо заметно для тренированного глаза, побледнел и изменился в лице.

— Коммунистически ориентированное революционное что-то там... — стал вспоминать доктор, — предприятие? Сущность? Неважно. Важно то, что это не южноамериканские социалисты, которые хотят просто поприжать богатых и накормить голодных. Это С.О.Р.Е.

Правительства ЮАСС, да и некоторые другие, враждебны, но к работающим в них можно найти подход. Президенты, министры, да и чиновники помельче — тоже люди. Они хотят благополучия, уюта, комфорта и спокойствия, сейчас и в будущем. У них есть родственники и друзья, которые хотят того же самого. Естественно, тяжело разговаривать с людьми, которые терпеть не могут предпринимателей и при каждом удобном случае стараются лишить их части доходов. Конечно, среди них есть принципиальные, к которым неизвестно, с какой стороны подступиться. Но можно найти и тех, с кем удастся договориться. Договориться можно обо всем и со всеми ... почти. Почти, потому что с теми, кто скрывается за четырехбуквенной аббревиатурой, достичь соглашения нельзя. Они — тьма, бездна и ужас, они *иные*.

— Что вы хотите? — произнес доктор дрогнувшим голосом.

— Препарат, который поможет миллионам, доступный для всех и каждого, кто в нем нуждается, — спокойно сказал Олег, — сейчас.

— Мы не признаем интеллектуальной собственности, — продолжил он, — никакой и никак, ни в малейшей степени. Разумеется, мы ценим авторство и презираем плагиат. Но копирайты, патенты и коммерческая тайна для нас — пустые слова. Мы сохраняем право индивидуума на неприкосновенность личной жизни — но и только самого индивидуума, не его публичной деятельности и его финансов. Информация должна быть свободной!

— Но это же скандал! — попытался возразить доктор. — Журналисты поднимут шум!

Олег улыбнулся.

— Пусть шумят. На самом деле частота и громкость выкриков буржуазных СМИ может служить неплохим индикатором правильности наших действий. Чем истощнее они вопят...

— А если я ничего вам не скажу и просто позову охрану?

— От вас уже ничего не зависит. Так что теперь вам остается делать только одно.

— И что же?

— Сидеть спокойно, — произнес Олег. На экране очков появилась еще одна надпись. *Эта операция почти завершена.*

В коридоре мелодично прозвенел сигнал прибывшего наверх лифта.

— И можете не жать так настойчиво на тревожную кнопку, — продолжил Олег, — охрана вам уже не поможет.

Где-то далеко, на окраине, на склонах холмов, отбрасывая блики на стекла купола, мелькнул всполох огня, потом второй. До берега моря донесся гром. Дверь купола распахнулась и на пороге появилась фигура в неприметной кожаной куртке, темных штанах и непроницаемых зеркальных очках, с кобурой на поясе.

— Удачное начало? — спросил Олег.

— Да, — прозвучал ответ.

— Начало чего? — спросил доктор.

— Того, чего вы все время боялись. Но она была неизбежна, — ответил Олег.

— Вставайте, доктор, — продолжил он, взглянув через стекло купола, за которым разгорались всполохи Последней битвы.

На Луне не бывает бедных

1

Воздух был влажным и прохладным. Небо было затянуто тонкими белыми облаками, напоминавшими длинные белые пучки высоко в атмосфере. Самеру не хватало духу смотреть на них — ему казалось, что небо совсем рядом, и эта мысль пугала его. Поэтому он опустил взгляд и обратил его на прохожих. Полная женщина, которую окружала толпа детей, повязала голову платком и крепко взяла за плечи двух маленьких ребят разного телосложения и роста. Старший из них производил впечатление ребёнка уверенного и спокойного. Он наморщил лоб, явно пребывая в раздумье, надежде и предвкушении. Затем он удивлённо посмотрел на

^{*} Талёб Омран родился в Тартусе (Сирия) в 1948 году. Изучал дифференциальную геометрию и астрономию в Алигархском университете (Индия), где и получил научную степень, преподаёт на факультете гражданского строительства в Дамасском университете. Автор многих научно-фантастических рассказов, повестей и романов, считается одним из первопроходцев научной фантастики на арабском языке. Помимо этого, вёл несколько научно-популярных телепередач.

Цитата: «Я пишу научную фантастику, потому что будущее пугает меня. Я пытаюсь описать это ужасное будущее через беспорядки, загрязнение окружающей среды, оккупацию, голод, несправедливость, и тиранию».

Данный рассказ впервые был напечатан в 1983 году и с тех пор претерпел три редакции. Данную версию я обнаружила в одиннадцатом номере дамасского журнала «Научная литература» за июль 2014 года, изданием которого также занимается доктор Омран. — *Прим. переводчика.*

младшего, слегка пододвинулся к нему и застенчиво, но дружелюбно подмигнул. Малыш ответил ему улыбкой во весь рот.

Женщина и дети остановились напротив продавца кукурузы. Он бросил в свою огромную кастрюлю разом горсть зрелых и сочных початков. Под кастрюлей горел слабый огонь, но, тем не менее, один из ребят, что неосторожно вертелся рядом с тележкой, ухитрился об него обжечься.

Руки детей протянулись за початками — кому побольше, кому поменьше. Всего ребят было трое мальчиков и четыре девочки.

Самер быстро сосчитал их и подумал: «Откуда только у неё столько детей — не может же быть, чтобы она их всех родила? У них разница в возрасте не больше года».

Он окинул женщину взглядом: без сомнения, ей было около тридцати пяти лет. У неё впереди было по крайней мере ещё десять лет, чтобы произвести на свет ещё больше детей.

У самого младшего из детей ещё не прорезались зубы, и его сестра клала ему в рот кусочки кукурузы, которые он с удовольствием посасывал.

* * *

В тот раз доктору Самеру не удалось совершить свою традиционную вечернюю прогулку. Он чувствовал себя подавленным, но не мог объяснить, почему. Становилось всё темнее и темнее, а доктор всё ходил кругами по своему саду до тех пор, пока ему не опротивело на него смотреть.

Дом Самера лежал на окраине города. Это был маленький дом, окружённый маленьким садом с ореховыми деревьями.

В отличие от большинства детей, которые любят дурачиться и играть, единственный сын доктора Самера испытывал склонность к уединению. С самого детства мальчик любил читать, и его мать обеспокоено говорила мужу тайком:

— Он много читает, я боюсь за его глаза...

Но доктор Самер спокойно отвечал:

— Поверь мне, я во всю свою жизнь не носил очков — а вот в телескоп по работе иногда приходится заглядывать.

* * *

Всё в небе притягивало взор Самера — облака, которые становились тем реже, чем выше были расположены от поверхности планеты, небесные тела, и в особенности комета, стремительно вошедшая в Солнечную систему не-

сколько недель назад, траектория которой зависела от силы притяжения со стороны Солнца. Много раз пытался доктор Самер зарисовать курс этой кометы, но всё время терпел неудачу из-за её высокой скорости и беспорядочных движений, вызванных притяжением со стороны планет и самого Солнца.

К Самеру вернулось чувство подавленности. Он всё время проводил за своим телескопом, с надеждой ожидая, что комета появится снова. Она и появилась — в новой точке и ближе к Земле, чем прежде.

Доктор был поражён — по его вычислениям приблизительная длина хвоста кометы превосходила расстояние между Солнцем и Землёй, составляющее 93 миллиона миль. Ему не удалось возобновить наблюдение за кометой, поэтому Самер удалился в свой кабинет листать энциклопедии и штудировать всю информацию о комете Галлея, астероиде Икар, комете Когоутека и прочих известных человечеству небесных телах, которую мог найти. Рядом с ним зазвонил телефон. Самер медленно протянул руку к трубке, из которой послышался голос его ассистента. Тот звонил, чтобы сообщить, что внеочередное собрание научной базы, на которой работал Самер, начинается через полчаса и что за доктором уже едет автомобиль, который его туда отвезет.

Доктор Самер положил трубку. Его поразило, что это совершенно неожиданное собрание выпало именно на сегодня. Он ощущал нарастающую усталость. Его мысли вернулись к комете, но затем он вспомнил полную женщину с детьми, которая остановилась у лотка торговца кукурузой. Самер взглянул на фотографию, что висела на стене. На фотографии был он вместе с женой и сыном. Доктор так нуждался в Рим, что до сих пор не привык к тому, что её нет. Она уехала совсем недавно, но ему уже казалось, будто прошёл целый год. Домашние дела Самер, конечно, и сам мог вести, но пустоту, оставшуюся после Рим, ничем нельзя было заполнить. Вот уже десять дней он чувствовал себя в полном одиночестве. Поначалу это в некотором роде давало ему ощущение свободы, но вскоре доктор почувствовал, что ему не по силам совмещать необходимую, но изматывающую работу по дому с занятиями астрономией, которые отнимали у него многие часы.

Размышления Самера прервал гудок автомобиля, приехавшего за ним. Доктор снял пальто с вешалки, взял портфель с бумагами и направился к парадной двери.

К Земле приближается комета, потрясающая воображение. Если верить компьютерным вычислениям, её размеры превышают размеры всех до сих пор известных комет. Предположительно она появилась из-за пределов Солнечной системы. Согласно точным данным, полученным учеными после многочисленных утомительных попыток, комета должна столкнуться с Землёй меньше, чем через четыре месяца, что может привести к немыслимой катастрофе и гибели большинства, если не всех, жителей Земли. Таковы данные компьютеров со станций, рассеянных в далёком космосе, столь же точные, сколь и пугающие. Посему мы, Верховный совет учёных свободного мира на планете Земля, в который входит большинство стран планеты, постановили: сообщить об этом правительствам стран всего мира и попросить их о поддержке в нашем противостоянии грядущей катастрофе, подобной которой не помнит история космоса — а она насчитывает сотни тысяч лет и множество катастроф.

* * *

Глава научной базы «Альфа», где работал доктор Самер, смотрел в лица своих собравшихся коллег.

— Предстоящая катастрофа стала бы величайшей в истории нашей планеты. Из-за притяжения со стороны далёкой звезды, а также нашего Солнца и планет на её пути движение кометы было хаотичным. Столкновение её с Землёй неминуемо. Подобная перспектива пугает меня, хотя в неё с трудом верится. Невозможно даже представить себе нечто подобное.

— И что же они собираются делать?

— Кто?

— Члены Верховного совета учёных.

— Я узнал об их решении вскоре после того, как межконтинентальным баллистическим ракетам с водородными бомбами не удалось достичь своей цели...

— Подождите, вы хотите сказать, что они запустили ракеты?

— Они определили траекторию кометы примерно три недели назад и поначалу не могли решить, что им следует делать. Затем они попросили у правительств крупнейших государств Земли разрешение на выпуск ракет, и представительства этих правительств дали согласие. Но, как я и сказал, ракеты не достигли своей цели.

— Так что же они, наконец, решили?

— После долгих совещаний и консультаций с правительствами стран свободного мира Совет пришёл к следующему консенсусу. Сейчас я зачитаю вам их тайное решение.

Он достал напечатанное постановление из конверта, который лежал перед ним, и начал читать:

— Мы, Верховный совет учёных планеты Земля, после продолжительных вычислений и изучения масштабов катастрофы, грозящей нашей планете, а также напряженных совещаний с правительствами стран свободного мира, которые и берут на себя полную ответственность за все последствия нашего решения, постановили:

Поскольку путь к спасению найти необходимо, но мысль о спасении всего населения Земли представляется абсурдной, мы при содействии лучших специалистов по всем наукам начнём строительство крупных космических станций для транспортировки людей на Луну, а также создадим на Луне атмосферу, пригодную для жизни, и тёплый климат, чтобы в будущем, возможно, выращивать земные зерновые культуры на ближайшем к нам небесном теле. Отбор людей, которые смогут переселиться на Луну, оказался вопросом нелёгким и запутанным. Ввиду большого классового, расового и территориального многообразия обитателей Земли, а также в целях сохранения времени мы решили попросту затребовать высокую цену за билет до Луны. Кто сможет её заплатить — неважно, твердой ли валютой крупнейших государств свободного мира, драгметаллами ли, жемчугом, алмазами, рубинами или прочими драгоценными камнями — тому будет обеспечено лёгкое путешествие. Таким образом, мы избавимся от проблем, которые неизбежно встали бы перед нами при транспортировке миллиардов людей без разбора.

Закончив читать постановление, глава научной базы «Альфа» внимательно оглядел собравшихся, ожидая реакции на известия. После нескольких секунд тишины в его сторону хлынул поток вопросов, так что он с трудом успевал отвечать:

— Кто же сможет найти такую неподъёмную сумму, чтобы спастись от катастрофы?

Глава «Альфы» спокойно отвечал:

— Совет учёных постановил пускать выдающихся представителей всех наук бесплатно. Собственно говоря, подготовка к постройке космических станций уже в самом разгаре.

— Но неужели должно быть именно так? Неужели нет другой возможности?

— Что вы имеете в виду?

— Разве вы не пытались найти решение, которое не нарушало бы права миллиардов людей?

— Если вы имеете в виду высокую цену за билет, то я считаю это решение удовлетворительным и не вижу ему альтернативы. В любом случае, мнения сошлись именно на этом, и в дальнейших обсуждениях нет смысла.

— А как будут решаться проблемы энергии и топлива?

— Мы увеличим запасы горючего для нужд космических станций. К тому же некоторые из них работают на ядерном топливе.

— А пища и жизненные потребности?

— Переезд на Луну начнётся лишь через несколько недель. За это время мы построим огромные многоквартирные дома со всеми удобствами, рассчитанные на ожидаемое число переселенцев. Кроме того, бронирование билетов начнётся через четыре дня, и специальные комиссии уже составили расписание прибытия при помощи компьютеров.

3

Отрывки из дневника доктора Самера

Понедельник, ... число месяца года

Прошлой ночью я глаз сомкнуть не смог — такое впечатление на меня произвело решение, которое сообщил нам мой начальник.

Я знаю, что на протяжении грядущих дней мои муки будут становиться лишь сильнее. Это действительно было их окончательным решением — эгоистично бежать от катастрофы вместо того, чтобы встретить её лицом к лицу.

Только на рассвете мне удалось ненадолго уснуть, но меня тут же разбудил звонок в дверь. С удивлением я увидел свою жену и маленького сына. Рим была явно напугана и растеряна. Она мгновенно бросилась мне на грудь, словно пытаясь спрятаться от призраков, её преследующих. Она сказала:

— Не стоило мне уезжать — трудные выдались деньки.

— Что случилось, любимая?

— Моя мать в больнице, Самер. Последнее время она всех нас пугает рассказами о кошмарах, которые ей снятся.

— Она очень больна?

— Я точно знаю, что она в здравом уме, несмотря на возраст.

— Так что же случилось с ней?

— Ей начали сниться кошмары — города, тонущие в крови, отрубленные головы, руки и ноги, падающие и взрывающиеся солнца, страшные звери, гоняющиеся за людьми...

Тут мы с ней вспомнили о сыне, которому не надо бы этого слышать, но с облегчением увидели, что он уже уснул на диване.

— И что ещё?

— Мы пробовали успокоительные, обезболивающие, долгие прогулки перед сном, чтобы она снова могла спать спокойно, но всё это не имело никакого эффекта. Она постоянно просыпалась посреди ночи, кричала, плакала, обнимала меня и говорила: «Рим, сокровище моё, близится Судный день. Я видела это в своих кошмарах». И начинала подробно рассказывать о своих снах. Она также отказывалась от еды и питья, и у неё начались нервные припадки. В конце концов, мы со старшим братом были вынуждены привезти её сюда сегодня утром. Врач советует подержать её здесь в больнице, пока лечение, прописанное им, не подействует.

— Пожалуйста, успокойся. Ни к чему плакать.

Она указала на сына:

— Знаешь, он, бедный, тоже с нами намучился.

— Ты спала с ним в бабушкиной комнате?

— А что мне ещё было делать? Она настаивала, чтобы я спала с ней, и, конечно, он спал вместе со мной. Правда, в последние дни мы уносили сына в дом брата по соседству, как только он заснёт.

Я смотрел на неё с любовью, но также и с глубокой печалью, думая о том, что произойдёт в ближайшем будущем. Возможно, именно эту катастрофу её мать и видела в своих снах — катастрофу, которая приближалась с обманчивой неторопливостью, неся с собой горе и ужас всем несчастным мира, брошенным теми, кто наверху, без жалости и сожаления...

Боже, какие дни нас ожидают, любимая. Доживём ли мы до них, сохранив ясность ума, или же нас ожидает безумие?

Вторник, ... число месяца года

Завывание ветра сбивает ход моих мыслей. Я уже долго пытаюсь что-то написать, но не могу сосредоточиться. Чёрные тучи на далёком горизонте обещают холод, а у нас уже два дня и без того очень холодно. Слабые лучи солнца падают на землю, устало пробиваясь сквозь облака, но они не могут согреть узкие аллеи и бульвары.

Мать Рим в коме. Рим уехала к ней рано утром и не вернулась до сих пор. Глава моей научной базы сообщил мне, что в данный момент готовятся

ко взлёту космические корабли с инженерами и специалистами по жизни на Луне, которые и начнут строительство лунных поселений. Он также сказал, что уже начали регистрировать имена тех, кто улетит. Они составляют абсолютное меньшинство людей — государственные мужи, высшие военные чины, деловые люди, крупные капиталисты, торговцы недвижимостью, фабриканты, межконтинентальные контрабандисты, а также начальники органов государственной безопасности и их местных подразделений.

Кто пребывает в неведении, так это маленькие люди — простые труженики, рабочие, крестьяне, учителя государственных школ, мелкие чиновники и подавляющее большинство нищих... И это только люди, а ведь сколько ещё остаётся животных.

У меня устали глаза, и мысли разбегаются. Всё, что остаётся нам, — воспоминания и разрушенные надежды.

Среда, ... число месяца года

Мы почтили мать Рим скромной процессией до её последнего пристанища за городом. Лишь с большим трудом мне удалось успокоить Рим. Несколько раз она теряла сознание. Мы предали земле тело покойницы. Обратно в город мне пришлось нести Рим, и по дороге я молча думал о приближающейся катастрофе, которая грозила уничтожить миллионы живущих.

Вернувшись домой, я обнаружил, что мне пришло постановление от комитета базы «Альфа», в котором говорилось, что завтра же утром мне необходимо начинать готовиться к отбытию вместе с комиссией «Альфы» с целью переговоров с комитетом учёных планеты Земля с научной базы «Вольная Глава».

Четверг, ... число месяца года

Самолёт взлетел лишь в десять часов утра — взлёт дважды откладывали по причине плохих погодных условий. Происходило нечто странное — метеориты и метеоры озаряли тёмное небо, пронзая слои атмосферы. Несколько мгновений они горели, а потом гасли, но некоторые при этом успевали обжечь поверхность Земли или даже приземлиться и устроить локальную катастрофу. Это продолжалось от семи до десяти часов утра. После десяти часов метеориты и метеоры больше не появлялись, и только тогда обсерватория базы объявила о малой численности небесных тел и готовности к вылету.

В самолёте я читал о планах переезда и темах, которые ученые базы «Альфа» собирались обсуждать с Верховным комитетом ученых базы

«Вольная Глава». В решении было шестнадцать страниц. В нём перечислялись все мыслимые вопросы — от способов и траектории путешествия до поддержания жизни в огромных капсулах над поверхностью Луны.

В час дня мы прибыли на базу «Вольная Глава» и сразу же отправились в её главный центр, где нас встретила частная научная комиссия. Нам долго пришлось с ними беседовать, прежде чем нас пустили к членам Верховного комитета.

После короткого введения в суть дела от главы Верховного комитета мы поняли, что он доверил переправку наших жён и детей на Луну учёным базы, будучи уверенным, что путешествие бесплатно, и даже не дождавшись нашего ответа. Возможно, он не ожидал, что кто-то будет протестовать против спасения от неминуемой смерти.

Пятница, ... число месяца года

Вчера я поздно уснул, будучи поражённым видом необъятного космического порта, оснащённого по последнему слову техники. Вдоль одной из его сторон располагались семь огромных станций, каждая площадью с небольшой город. Но время не позволило мне заглянуть хотя бы в одну из них, потому что у нас было назначено собрание с комиссиями баз всей планеты Земля.

Когда я проснулся этим утром, меня ожидала биолог, которая провела меня по лабораториям на станциях. Там мне показали модели лунных кабин, оснащенных всем необходимым, чтобы поддерживать жизнь на поверхности Луны при любых условиях. В глубине атомной электростанции на одной из этих станций у меня был продолжительный разговор с профессором Кентом, который объяснил мне принцип работы атомного реактора, производящего и приумножающего энергию, и рассказал о множестве способов производства энергии из разнообразных отходов.

* * *

Вернувшись вместе с остальными учёными базы «Альфа» в место своего проживания, я встретил главу комитета. Я подробно отчитался ему, а также попытался объяснить, как выглядят приготовления к отлёту с точки зрения жителей Земли, бегущих от неотвратимой гибели.

— Вы слышали новость? Эта газета посвятила ей всю первую страницу.

— Уже?

— Смотрите, что говорит научный редактор: меньше чем через четыре месяца с нашей планетой столкнётся огромная комета. Сперва на Землю

упадёт множество метеоров, затем произойдёт само столкновение. Возможно, ось планеты также сместится, а атмосфера планеты наполнится ядовитыми газами, отчего погибнут многие. Знаменитый физик-атомщик Ахмед Сами сообщает, что взорвать комету с помощью баллистических ракет не удалось, даже несмотря на то что они были оснащены водородными бомбами. И представьте себе, меньше чем через несколько часов после этой неудачной попытки об этом уже говорили в каждом доме и на каждой улице! И наши газеты с не менее замечательной скоростью подхватили эту новость, украсив первые страницы презабавными заголовками наподобие этих: «Четыре месяца до конца света», «Наслаждайтесь последними днями, прежде чем вас настигнет смерть», «Специальные препараты для забвения от компании Шелл».

— Сдаётся мне, вся эта пустая суэта служит тому, чтобы напугать людей и отвлечь их внимание от идущих в настоящее время тайных переговоров против них самих.

— Невозможно — если одно конкретное государство распространяет некую новость, можно сомневаться в её подлинности. Но об этом говорят во всём мире, в том числе в научных советах. Кроме того, о комете нас предупредили самые современные электронные устройства.

— Нет, нет, дорогой мой, не может такого быть, чтобы эти новости были неправдой.

— Если это правда, почему об этом не говорят средства массовой информации государств, объединённых идеями равенства и справедливости?

— Вы хотите сказать, что они ещё не говорили об этом?

— Нет.

Один из них обернулся к другому на ходу. У каждого в руках было по стопке книг.

— Улицы пусты. Все уже знают о комете.

— Это лишь начало катастрофы. Никто ещё не представляет, что будет происходить все эти немногие оставшиеся дни. Если бы эти несчастные знали, что бедствия, которые их ожидают, превосходят самые разрушительные войны, то покорились бы судьбе и оставались в своих домах, заперев двери и окна, вплоть до ужасного конца.

* * *

Земля стала подобна вулкану. Фабрики остановились. Появились стартовые площадки для космических кораблей. Богачи забрали свои накопления из банков. Государственные службы и учреждения прекратили работу.

Человечество пришло в состояние хаоса, подобного которому история не видела. Общественные связи ослабли. Участились преступления, поощряемые капиталистическими странами, чтобы избавиться от врагов режима и капитализма.

Лишь развивающиеся общества и общества, построенные на идеях равенства и справедливости, оставались вдали от суеты и истерии. Их радио, телевидение, газеты и журналы делали вид, будто всё идёт, как прежде. Единственными упоминаниями о происходящем в ежедневных газетах были ироничные заметки и карикатуры, изображающие беспомощность режимов, основанных на угнетении, перед лицом природных катастроф.

Правительства подобных стран также отказались принимать официальные делегации, сформированные с целью ускорения научно-технического прогресса и облегчения побега на Луну.

* * *

В других государствах также ослабили личные связи между людьми. Болезни точили души и чувства. Поэты забросили поэзию, литературные журналы потеряли интерес к литературе. Все умы занимали только новости о великой катастрофе.

Лишь бедные и животные жили в покое и безразличии. Бедняки понимали, что вопрос переезда их не касается, поскольку они не располагают достаточными средствами, чтобы оплатить путешествие на Луну, а животные были неспособны почуять опасность. У животных и у этого сорта людей оставался шанс на выживание, но лишь в случае, если комета отклонится от своего курса. Надежда на это была видна в их глазах. Они продолжали свою обычную жизнь в попытке избежать беспорядков, которые распространяли богачи, видевшие, что вероятность не быть стёртыми с лица Земли стремилась к нулю и что комета, как им казалось, как говорили им предчувствие и Верховный научный комитет, непременно столкнётся с Землей и вызовет тем самым катастрофу.

4

Первыми взлетели 4000 кораблей, на борту которых было примерно четверть миллиона человек, — всё это на второй месяц из тех четырёх, что было отмерено от первого объявления о катастрофе до столкновения кометы с Землёй. На Луне появились площадки для посадки космических кораблей,

искусственные бассейны с водой и лаборатории для поддержания необходимого уровня кислорода в огромных стеклянных капсулах. Также учёные создали плантации с земной атмосферой, роскошные здания, компьютерные станции и передвижные фабрики на атомной энергии, пытаясь адаптировать человеческую цивилизацию к лунным условиям до тех пор, пока не найдётся крупная планета, условия на которой будут максимальной близки к земным — а это, насколько было известно, произойдёт ещё нескоро.

Из 4000 кораблей потерпели крушение всего 90. Удалось спасти 200 пассажиров, но и те находятся между жизнью и смертью. Специалисты в области астрономии и теории вероятности оценили этот результат как удовлетворительный.

Во второй рейс, приблизительно через неделю после первого, взлетели ещё 4000 кораблей, на борту которых было примерно 320 тысяч человек, и специалисты подумывали в следующий раз удвоить число пассажиров.

Теперь комета была видна невооружённым глазом и увеличивалась с каждым часом, наводят трепет почти на всех землян.

И именно в этот момент, когда все земляне были охвачены волнением, а на космических станциях готовились к третьему рейсу, в кабинет главы учёных Земли проник человек в чёрной маске, навёл на него автомат и потребовал бесплатного пропуска на борт одного из кораблей.

Не в силах отказать просьбе, выраженной подобным образом, глава учёных был вынужден разрешить ему проникнуть на борт одного из кораблей под видом помощника инженера, а также выдать ему разрешение на поездку на автобусе под видом ведущего изобретателя одной из крупных стран.

* * *

Новости о побеге, совершённом взломщиком, дошли до некой революционной антиимпериалистической группы. Её предводитель спланировал угон одного из кораблей, на борту которого находились научные комиссии, с угрозой взорвать его, если Верховный научный комитет не выдаст его группировке пропуск на один из кораблей до Луны.

Его план удался, но успех этот был сомнительным. С одной стороны, ему действительно удалось захватить нескольких учёных с земной станции и корабль, который летел на Луну, и его группировке действительно выдали бесплатный пропуск на Луну ввиду спешки и давления обстоятельств. С другой стороны, это событие привело к еще большему смятению и усиле-

нию охраны на станциях. Охранники теперь были повсюду, а в качестве запасного средства прибегали к электронным системам слежения.

По прибытии революционной группировки на Луну некоторых ее членов, которые не успели применить запасной план, сочинённый их предводителем ещё на Земле, схватили и выбросили без скафандров на обратной стороне Луны из летающих автомобилей, где они предсказуемо погибли от холода и отсутствия воздуха. Остальным же удалось собраться вместе в одной из закрытых капсул, после чего они исчезли, и больше их никто не видел. Тем не менее, говорят, что вскоре по одной из радиостанций передали на короткой волне сообщение следующего содержания:

Пока большинство переселенцев с Земли составляют сановники, рантье, капиталисты, богачи, военачальники, воры, министры, государственные мужи, убийцы и члены вооружённых сил, которые, полностью отказавшись от человеческих чувств и принципов и предав и покинув тех, кто готов за эти принципы умереть, наживаются на космического масштаба преступлении — пренебрежении угнетёнными и малоимущими, мы, люди убеждения, противостоящие тирании, решили прекратить всякую поддержку этих сомнительных группировок и остановить нарушение человеческих прав, которые являются высшей ценностью. Мы продолжим работать над возвращением на нашу родную Землю и поддерживать связь с миллионами людей, рассеянных по дорогой нам планете.

После этого началась борьба против группировки, совершившей «преступление против Луны». Борьба эта, впрочем, привела лишь к ещё большему смятению. Но можно было быть уверенным, что члены этой революционной группы не встретили ли бы ни капли сочувствия, несмотря на то, что сами существовали в аду смятения, эгоизма и традиций, которые с течением поколений были извращены до полной неузнаваемости.

5

К дорогим нам людям, что населяют мирную планету, само существование которой теперь под угрозой, мы обращаемся от чистого сердца, несмотря на то что оно разрывается от горя. Мы сообщим вам о последних открытиях в мире науки, а вам придётся их использовать в противостоянии бедствию, которое вас ожидает.

О, возлюбленные, цветы нашей жизни! Мы не собираемся услаждать ваш слух красивыми словами, о нет, мы откроем вам наши души. Может быть, наши речи невеселы, зато они свободны от прикрас и лицемерия.

Все, что нам осталось, — бесконечные скитания, которые оборвали даже самые прочные связи с нашими близкими, хотя в том и нет нашей вины. Но что бы ни случилось, мы не оставим попыток найти путь к спасению от катастрофы, угрожающей дорогой нам планете. Судьба жестока к нам, но мы, насколько можем, продолжаем наше сопротивление, хотя наши методы и кажутся вам ненужной жестокостью.

Мы обращаем к вам наш страстный призыв. Хотя отчаяние иногда и подрывает наш боевой дух, мы убеждены, что вы когда-нибудь найдёте оправдание нашим преступлениям против вас. И если комета действительно столкнётся с Землёй, колыбелью нашего детства, нашей памяти и нашей цивилизации, поверьте — воспоминания о вашем противостоянии с этой доселе невиданной угрозой будут жить в наших сердцах, даровать вдохновение высохшим перьям наших поэтов и освещать путь блага, который ляжет перед нами.

О, возлюбленные: вот всё, что мы можем делать в это краткое время, оставшееся нам. Мы — передавать вам по радио наши горести и просить ваши сердца, переполненные любовью, о прощении, а вы — прощать нас, грешников.

Мы будем поддерживать связь до самого конца. Сохраняйте стойкость перед лицом катастрофы — все наши чувства с вами. Этот призыв переведён на все языки мира. Ещё не поздно — может быть, кто-нибудь услышит наши слова. Несмотря на то что космические фабрики испытывают недостаток металлов и прочих материалов, необходимых для строительства кораблей, станций и летучих капсул, переселенцы из жалости оставили немало ресурсов для тех многих, что остаются.

* * *

Комета приближалась, и теперь стал виден ее огненный хвост устрашающего вида, простирающийся на множество миль. Во внутренностях кометы скрывался злой рок, который она несла землянам.

Последние ненадолго взволновались, но вскоре убедились в бесполезности паники. Лишь несколько молодых учёных продолжали рассматривать

небо в телескопы ближнего действия, прогнозировать, записывать вероятности и составлять запутанные уравнения, которые мало кто из них мог решить. Они предчувствовали дуновение неизвестной ещё бури, гуляющей в близком будущем, поэтому бросили всё, что успели воспринять из своих научных занятий, на поле исследования самого странного астрономического феномена в истории Земли. После того как переселение успешно завершилось, опытные учёные на Луне, в свою очередь, взялись за свои точные телескопы и сосредоточили своё внимание, с одной стороны, на дорогой им планете, и с другой стороны, на комете. На Земле и на Луне никто из них не смыкал глаз в непрестанном ожидании.

6

Взгляд молодого учёного был обращён на комету, заслонившую собой почти всё небо. Сердце Самера сжималось при мысли о катастрофе, которая постигнет людей, единственным преступлением которых была бедность. Он тосковал по Земле, по городку, где прошло его детство, вспоминал свои ежевечерние прогулки и в особенности ту, последнюю, после которой пришли известия о катастрофе. И снова к доктору вернулся образ женщины с толпой детей, остановившейся у лотка торговца кукурузой. Слеза вытекла из глаза Самера, но он смахнул её, стоило ей попасть на щёку.

О, жестокие и горькие воспоминания о тех временах, когда он отправился на войну между своей страной и её врагами! Несколько раз Самер был на волоске от смерти, но и тогда он не испытывал ни сомнения, ни страха. Он ведь защищал свою семью, родину и сограждан. Разве это не главная обязанность человека?

Но теперь Самеру не казалось, что люди стоили жертв. Изувеченные тела убитых не окупились и не отвратили опасности. А тем, ради кого он сражался, теперь предстояла жизнь в новых условиях, для которых и строились танцевальные залы, бассейны, парки, бары и прочие увеселительные заведения, и чувства людей, оставшихся на далёкой Земле, их не беспокоили.

Теперь Земля, на которой остались бедняки, стала игрушкой для стихий. Без сомнения, её обитатели испытывали чрезвычайные страдания, как телесные, так и духовные, видя своё хрупкое будущее, кружащееся в водовороте времени.

Самер разглядывал ядро кометы в свой телескоп. Кроме него, в обсерватории был только профессор Кент, физик-атомщик, погружённый в вычисления. Катастрофы в космосе были крайне редки, и между ними были ог-

ромные временные промежутки. Откуда взялась эта комета? И почему её столкновение с Землёй было неизбежно? С тяжёлым сердцем Самер чувствовал, что прогнозы о столкновении кометы с Землёй становились реальностью.

От этих мрачных мыслей у доктора заболела голова. Он вынул таблетку болеутоляющего из пузырька в кармане своего жилета и проглотил её с трудом и отвращением.

Вдруг профессор Кент позвал Самера. Тот подошёл и увидел, что на спектро스코пе горит красная лампочка. Профессор Кент сказал:

— Согласно результатам анализов, комета содержит большое количество радиации.

— В таком случае, она представляет огромную опасность.

— Если на Землю попадёт хотя бы часть этой радиации, её хватит, чтобы уничтожить всё человечество.

— Атмосфера, конечно, может поглотить часть радиации, но очень малую.

— Остального, я думаю, хватит, чтобы лицо Земли полностью изменилось.

— Выдержит ли это хоть кто-то из тех несчастных?

— Невозможно переправить сюда всех жителей Земли. Этот выход был единственным для Верховной комиссии.

— Они были обязаны найти другой, менее отвратительный, путь к спасению.

— Они попытались сбить комету с курса, ударив по ней ракетами с ядерными бомбами, но им это не удалось. Если они повторят это сейчас, то в космос будет выброшено большое количество радиоактивной пыли, и значительная её часть попадёт на Землю. Так что даже если комета изменит свой курс, на Земле появится новая угроза.

У доктора Самера больше не было сил поддерживать этот разговор, да и было ясно, что словами тут не поможешь.

Поэтому он сердечно попрощался со старым другом, покинул обсерваторию и направился в маленький отсек, выделенный его семье в одном из зданий станции «Дельта». В этот час всё вокруг внушало доктору жалость и ненависть — жалость к тем, кто продолжал жить в роскоши, делая вид, что всё идёт, как полагается, и ненависть к фальши и лицемерию, пронизывающим каждый уголок Луны.

Открыв дверь, Самер увидел жену, лежавшую на постели с толстой книжкой. Она грустно взглянула на мужа, когда он вошёл. Его сын тем временем смотрел какую-то передачу по маленькому телевизору.

Доктор Самер склонился к Рим и потрогал её лоб, а другой рукой потрепал сына по голове. Он прошептал ей на ухо:

— Ты не больна?

Рим поднялась, чтобы помочь ему снять жилет, карманы которого были набиты устройствами с множеством проводов, которые на лунных станциях использовались для связи, и громко ответила:

— Просто я не могу отогнать чувство отвращения.

— Постарайся успокоиться, любимая. Необходимо привыкать к новой жизни.

— А она надолго?

Самер молча лёг на диван. Слишком тяжело было ему ответить на её вопрос.

— Не знаю, что тебе сказать, Рим.

— Я надеюсь, ты не сошёл с ума и не решил остаться здесь навсегда?

— Рим, пойми наше положение. У нас нет выбора.

— О чем ты говоришь? Хочешь сказать, мы предпочли бегство борьбе?

— Борьбе против чего? Ты называешь самоубийство борьбой? Нам угрожала верная смерть.

Она яростно прервала его, дрожа:

— А здесь мы медленно умрём среди притворства и лжи, не имея возможности ничего решать или жить так, как нам захочется!

Самер воспитывался в таком же духе, как и Рим, но переехать на Луну он решил лишь из преданности жене и сыну. Свой отъезд Самер попытался скрыть. Но Рим была упряма, как и всегда:

— Мы сказали нашим родным и соседям и всем нашим знакомым, что уезжаем на каникулы и скоро вернёмся. Я была уверена, что мы не сломаемся и не покажем своей слабости перед лицом испытаний, а напротив, вернёмся на Землю более сильными и стойкими, чем прежде, и будем готовы преодолеть любые или почти любые препятствия. И если наше поражение неизбежно...

— Разве ты не знаешь, что самоубийство — великий грех?

— Самер... Не пытайся ускользнуть от ответа, прикрываясь приятными тебе словами, у тебя это всё равно никогда не получалось. Я знаю, что ты за человек, любимый, я вижу это по твоему потерянному взгляду. Я прекрасно знаю, что ты не веришь в то, что говоришь, но моя жизнь и жизнь нашего сына не стоят твоей добродетели. Самер, ты — человек, с которым я обещала жить в радости и в горести. Если ты и дальше будешь существовать посреди этой роскоши и притворства наперекор своим принципам, рано или поздно ты позволишь им запятнать себя.

— Рим... Любимая...

— Не пытайся отговорить меня от возвращения. Жизнь среди этих отвратительных личностей стала для нас болезненным уроком. Я верю в то, что говорю, любимый. Противостояние катастрофе вместе с людьми там намного лучше медленной смерти здесь, с... ними. Неужели ты сам рад, что купил наше выживание ценой унижительной жизни в условиях, в реальности которых мы сами не вполне уверены?

— Но...

— Достаточно, Самер. Неужели ты так легко предал собственное окружение и обратил свой ум на службу тем, кто пил и до сих пор пьёт твою кровь? Клянусь, я не позволю тебе поддаться этому смертельному искушению.

— Рим, послушай меня. Я не отрицаю, что ошибался насчёт жизни здесь, но я тоже страдаю. Я лишь делал вид, что рад и доволен, чтобы скрыть мои страдания и сомнения от тебя.

— Поверь мне, я никогда не предполагала, что мы останемся здесь. Здесь! Я ждала, что однажды ты скажешь: «Собирайся, мы возвращаемся на Землю». Но в последнее время я читаю твои мысли, заботы и волнения, как открытую книгу. Я притворяюсь, что сплю, и вижу, как ты встаёшь посреди ночи и нервно ходишь туда-сюда, как будто на твоих плечах лежат беды всего мира. Достаточно, Самер. Пора положить конец этой пустой жизни и вернуться на Землю.

— О, Рим. Как же я желаю, чтобы этот кошмар закончился и нас с тобой оставили в покое. Сегодня же вечером я попытаюсь подать прошение о возвращении на Землю.

— Ты хочешь сказать, что кто-то может быть против?

— Естественно. Здесь нужны учёные, любые учёные. Конечно, они не собираются разбрасываться купленными умами. А если им что-то не понравится, меня могут отправить без скафандра на прогулку за пределами капсулы. К тому же, температура Луны очень сильно различается днём и ночью.

Рим опустила голову на грудь и заплакала:

— Самер, умоляю тебя, пытайся совершить невозможное. Жизнь здесь хуже смерти.

Он ласково похлопал жену по спине, хотя и сам чуть не плакал, и шептал ей:

— Мы вернёмся на Землю, любимая, обещаю.

Мальчик подошёл к ним и сказал:

— Папа, я хочу к бабушке, когда мы поедем?

Мама ответила ему:

— Скоро, милый.

— Рим, зачем ты внушаешь ему такие мысли?

— Потому что мы и правда вернёмся.

Самер присел рядом с сыном:

— Ты разве не ходил сегодня в компьютерный центр?

— Нет, папа. Мама говорит, что в центре детей учат плохому.

Самер вопросительно посмотрел на Рим, да так, что та даже попятилась.

— Что ты ему наговорила?

— Послушай... Я сказала ему правду. Я ещё давно была в компьютерном центре и обнаружила, что данные, которые вводят в устройства, содержат существенные ошибки. Например, я спросила один компьютер: «Что есть несправедливость?» И он ответил мне: «Несправедливость есть отказ полностью подчиняться по первому же приказу». Тогда я спросила: «Что есть человек?», и он ответил: «Человек есть тот, кто выполняет любые приказы наших господ и готов ради них собой пожертвовать». Тогда я спросила...

— Хватит... Хватит... Да поможет Бог детям Земли...

Он посмотрел на телевизор, где шёл какой-то детектив, и сказал:

— Займись-ка пока заданием по арифметике, если что, мама тебе поможет.

Рим спросила его:

— Ты хочешь идти прямо сейчас?

— Да. Нельзя терять времени.

— У тебя есть план?

— Я скажу, что мне нужно понаблюдать за кометой с Земли и проанализировать её состав, что тоже удобнее делать оттуда. Буду посылать им сообщения о состоянии кометы, пока она не столкнётся с Землёй.

Рим молча кивнула, потом сказала:

— Если бы не твой научный центр, который рекомендовал тебя для поездки на Луну, убедить их было бы очень непросто.

— Я же говорил тебе.

Она ободряюще пожала его руку:

— Знаешь, я очень тоскую по Земле и по всем местам, где мы были счастливы. По нашей деревушке и нашему городскому дому на углу, по переполненной улице, где мы встречались с друзьями по вечерам...

— Сама видишь, какова жизнь здесь — мы только и делаем, что изучаем эту комету. С каждой ночью она становится всё ближе к Земле. Теперь выяснилось, что она ещё опаснее, чем мы думали, потому что несёт огромное количество радиации.

— Даже ночь и день здесь очень отличаются от ночи и дня на Земле, хотя здесь и зажигают огни ночью, которая равна четырнадцать земным ночам. На Земле ночь мучительно красива, в ней нет ничего аляповатого или искусственного — и то же самое с днём. Здесь же всё ненастоящее — ни облаков, ни ветерка, ни синего неба, ни сияющих звёзд. Здесь даже в солнце нет красоты — оно похоже на белую дыру в чёрном небе. В атмосфере Земли же — источник её красоты и великолепия. Умереть здесь, Самер, было бы страшно одиноко. Прошу тебя, любимый — сделай всё, что можешь, лишь бы мы вернулись и умерли прекрасной смертью вместе со всеми, кого любим, там.

7

Задача, стоявшая перед доктором Самером, была нелёгкой, но он прилагал все усилия, чтобы его предприятие увенчалось успехом. Он обратился за помощью к самым близким из своих друзей. Те в основном удалились от суетного лунного общества, чтобы посвятить себя научным исследованиям, поскольку также находили это общество неприемлемым.

Наконец-то, благодаря помощи своих друзей, доктору Самеру удалось добиться разрешения вернуться на Землю вместе с женой и сыном. Для этого им выделили небольшой космический корабль. Молодой учёный убедил своих коллег, что с Земли ему будет удобнее изучать особенности кометы и анализировать количество, природу и происхождение веществ, из которых она состоит, пока она приближается к Земле. Таким образом он получит множество информации, доступа к которой учёные на Луне не имеют. Для многих коллег Самера подобная жертва стала ударом. Они превозносили его решимость и сердечно распрощались с ним, причём некоторые не удержались от искренних слёз.

* * *

Кораблю доктора удалось избежать всех опасностей, подстерегавших его, в том числе и осколков кометы, тоже направлявшихся к Земле. Некоторые из них заделли корабль Самера, но ему удалось избежать слишком серьё-

ёзных повреждений. Рим помогала мужу, анализируя частицы кометы, которые им удалось поймать, и регулярно сообщала ему о результатах.

Когда корабль вошёл в гравитационное поле Земли, раскрылись четыре амортизатора, чтобы обеспечить большому учёному и его маленькой семье безопасную посадку. Они приземлились на маленькой площадке неподалёку от города Самера. Оттуда были видны башни покинутой всеми, кроме нескольких молодых учёных, научной базы «Альфа», верхушки которых задевали облака.

Прибыв в родной городок, молодой учёный застал его охваченным тишиной. Его дома, лишённые жизни и движения, напоминали заброшенные могилы. Сердце Самера сжималось, когда он видел жителей города, передвигавшихся подобно скелетам или привидениям. Когда он пытался с ними заговорить, они молчали, а если и отвечали, то едва слышным шёпотом.

— Что превратило людей здесь в безразличные куклы? Страх перед преждевременной смертью и угроза быть поглощёнными огромным небесным телом, наводящего ужас одним только видом? Или потеря душевного равновесия после того, как всё вокруг затихло, сплетники стали не в силах сдерживать свои языки и поползли слухи о скорой гибели?

— Что может быть тяжелее, чем видеть тебя теперь, о мой любимый город? Ты медленно убиваешь себя, застыв и покоровившись судьбе. У твоих детей отняли всю волю, теперь они присмирели. В их умах нет и мысли о сопротивлении. О каком сопротивлении может идти речь? Разве в силах они восстать против страшных и странных обстоятельств, не говоря уже о том, чтобы победить их и страх в своих душах?

— Да, — повторил он, раздираемый чувствами, — я не думаю, что это легко.

Когда семья Самера узнала, что он вернулся, то сперва не поверили — слишком уж это было похоже на сон. В его возвращении они видели подтверждение его верности.

* * *

Новости о возвращении доктора Самера разнеслись по всей округе, и отовсюду стали стекаться желающие поприветствовать его. Самер начал замечать, что люди вокруг него постепенно становились более доброжелательными и открытыми, а преступность, взяточничество и ложь, наоборот, начали исчезать. Он удивился, но потом решил смотреть на вещи объективно и не поддаваться эмоциям.

На планете существовали государства, объединённые идеями равенства, и развивающиеся государства, идущие своим путём. Они держали свои делегации в остальных странах, правительства которых их покинули, для поддержания с этими странами дружеских отношений и возвращения жизни там в своё русло после того, как режимы этих стран рухнули. Человечество начинало жить такой жизнью, какой в истории не жил ещё никто. Лишь кое-где оставались кое-какие проблемы — например, в регионе, где жили Самер и его семья.

Как-то Самер сидел с женой в доме, а их сын играл на улице с другими детьми. Доктор сказал жене:

— Как бы там ни было, здесь спокойнее.

— Разве мы чем-то лучше наших соседей, которые остались здесь? — ответила Рим. — Я не хочу начинать новую жизнь со старыми воспоминаниями, которые будут терзать нас до скончания века. Смерть здесь выглядит предпочтительнее.

Неожиданно в дверь постучали, и Самер пошёл открывать. В дом ворвался взъерошенный и грязный мужчина, навёл ружьё на доктора и приказал:

— Ни с места!

— Чего тебе надо?

— Не возражаешь, если я посмотрю, нет ли у тебя чего стоящего? Ты один?

— Нет, с женой. Она в другой комнате.

— Красивая?

— Причём тут это?

Грабитель зарычал и попытался ударить Самера ружьём по голове, но тот с лёгкостью увернулся. Доктор попытался оказать сопротивление, но тот прикрикнул:

— Не шевелись — я быстро стреляю!

Грабитель повернулся спиной к двери, по-прежнему держа доктора под прицелом, но внезапно упал без чувств, получив удар по голове шваброй.

Рим сказала Самеру:

— Я слышала ваш разговор. Разве ты не заметил его алчные глаза, ошупывающие каждый угол нашего дома? Он напугал меня.

— Чего тебе бояться, любимая, с твоей стремительной реакцией? Но, кажется, на Земле всё ещё остаются кое-какие проблемы.

Их сын услышал крики в доме и вошёл в открытую дверь:

— Папа... — он запнулся, увидев тело грабителя, лежащее перед родителями, — кто это?

— Не бойся, это больной, пришёл к нам за помощью.

Мальчик до сих пор думал, что его отец — доктор медицины, а не астрономии.

— Что с ним?

— Он просто без сознания, вот и всё.

Мальчик взял ружьё из руки грабителя:

— Здорово, можно, я возьму?

— Нет, сынок. Это настоящее ружьё, а не игрушка. Положи, а то дядя не найдёт её, когда придёт в себя.

— Папа, посмотри в окно...

Доктор Самер усадил грабителя в кресло, взял его ружьё и вместе с Рим подошёл к окну. Комета уже заслонила собой всё небо.

— О, Господи. Впервые Земля видит в своих небесах нечто настолько ужасное.

— Чем больше она приближается, тем больше становится. Принеси-ка мне спектроскоп.

— А что нам делать с нашим гостем?

— Не знаю. Когда он проснётся, у меня с ним будет разговор. Будь с ним осторожна.

— От боли он не сможет двигаться ещё полчаса.

Вскоре Рим вернулась со спектроскопом. Самер поставил его у окна и молча принялся за работу, а Рим с мальчиком тем временем удалились в другую комнату рядом с винтовой лестницей, что вела на крышу.

Не прошло и четверти часа, как в дверь постучали. Самер открыл, и вошло несколько мужчин. Некоторые были пожилыми, некоторые — помоложе. Последние были вооружены.

— Мы — Комиссия по обеспечению безопасности.

— Добрый день.

— Мы хотели бы побеседовать с вами, если вы не против.

— Пожалуйста.

Они вошли в гостиную и сели. Один из членов Комиссии обратил внимание на мужчину, лежащего на диване:

— Ах, у вас гости?

— Нет, нет, это один бандит. Он попытался напасть на нас и ограбить.

— Хорошо вы с ним разобрались. Вы живёте один?

— Жена с сыном в другой комнате.

— Берегите их. В последнее время всё больше преступлений.

— Это естественно. Подобное будет происходить на Земле ещё очень долго.

— Нет, не естественно. Преступление существует, поскольку существуют его причины. Поскольку причины исчезли с отъездом наших правительств на Луну, подобным деяниям нет оправдания.

— Кто же в таком случае устраивает разбой и наводит ужас на людей, которые и без того в ужасе перед грядущей катастрофой?

— Это те, кто остался после уехавших. Некоторые раньше были мелкими чиновниками в старых правительствах, некоторые — слугами, словом, все те, кто и до этого занимался устрашением и грабежом.

— И какое же решение нашим проблемам вы предлагаете?

— Я слышал от ваших соседей о широте ваших научных интересов и вашем недюжинном уме. Лично мне нет дела до всего этого, я сейчас слишком занят складированием боеприпасов. Но нам бы хотелось предотвратить столкновение кометы с Землёй или, по крайней мере, с этой её частью, а также избежать заражения радиацией.

— Не хочу спорить с вами, но даже если столкновения не произойдёт, кто будет разбираться с прочими маленькими проблемами?

— Вы ведь сами заметили, как исчезла преступность и прочие отклонения? Мы решили создать специальный закон, чтобы регулировать случаи преступлений, подобные вашему. Для поддержания мира требуется решительность и сила, поэтому мы мобилизовали многих молодых людей и выдали им оружие, которое мы до тех пор приберегали.

— Согласен. Хорошо, я готов с вами сотрудничать и оказывать всевозможное содействие вашему делу, — ответил доктор Самер.

— У вас есть какое-нибудь оружие в доме?

— Только ружье, которое я отобрал у вора, который лежит рядом с вами.

— Этого не хватит. Возьмите, это ружьё хорошее, новое.

Член Комиссии протянул доктору ружьё современной модели и сказал:

— Не щадите никого. Если кто-то попытается вломиться в дом, прикончите его сразу же.

— Тем не менее, у некоторых людей иногда случаются припадки. С ними нельзя обращаться, как с преступниками. Их нужно лечить.

— Разумеется. Для подобных случаев мы построили специальные клиники. У нас есть даже несколько врачей, как правило, молодые, которые не сумели собрать достаточную сумму и уехать на Луну.

Члены комиссии попрощались с Самером. Один из пожилых мужчин ободряюще пожал доктору руку. Уходя, они волочили за собой по земле вора, который всё ещё был без сознания.

Самер был переполнен эмоциями — подумать только! Бедняки в одиночестве делают, что хотят, и строят равное и справедливое общество! Он открыл окно, злобно посмотрел на комету, с силой его закрыл и отошёл, но тут же вернулся и открыл окно опять. Но теперь доктор смотрел на комету с нежностью.

8

Поначалу там и тут в городах и деревнях действительно нередко происходили перестрелки, но вскоре жителям удалось совместными усилиями вытеснить бывших полицейских, шпионов и мелких чиновников в далёкие долины и пещеры.

Все, кто некогда был связан с правительствами, уехали на Луну, поскольку их узкие умы не в силах были вместить катастрофу, угрожающую Земле. На Земле остались лишь противники войн и эксплуатации.

А на Луне тем временем процветали притоны, мода, игорные дома, полные современнейших колёс удачи и автоматов. Помимо этого, стали появляться частные общества и клубы, в которых состояли десятки членов Луны — например, «Общество тусклых огней», или «Общество земного театра», или «Клуб сплетен», основанный по настоянию некоторых членов правительств, которые за время своей трудовой деятельности успели накопить множество чужих любовных посланий, или «Клуб протестующих», принадлежащий к старинному движению Барокко, — и это всего лишь некоторые из множества клубов и обществ, которых было чуть ли не больше, чем самих жителей. Один человек мог состоять сразу в нескольких клубах, чтобы удовлетворить своё любопытство и похвастаться перед другими количеством клубных карт.

Эти общества прославились театральными постановками, в которых изображались господа и слуги. В этих постановках участвовали большие государственные мужи, которым доставляло удовольствие смотреть, как служат им другие. В реальной жизни они этого удовольствия были лишены, поскольку не прихватили слуг с Земли.

* * *

Рано утром в последний день июля того года доктора Самера разбудил настойчивый стук в дверь. На пороге стояло несколько мужчин. Они попросили его одеться и выйти, сказав, что произошло нечто странное — прогре-

мел взрыв, от которого содрогнулась вся земля, а на месте озера неподалёку от реки образовался огромный кратер без капли воды.

Доктор Самер и его жена тоже слышали взрыв, но Самер тогда успокоил её, сказав, что это метеорит упал на Землю.

Обуваясь, он думал о катастрофе 1908 года в Сибири. Сначала учёные приняли её за падение огромного метеорита, но потом выяснилось, что это был сгусток антиматерии, который прошёл через ядро Земли, вышел с другой стороны земного шара и потерялся в космосе. Возможно, здесь они имели дело с похожим случаем. Поэтому доктор прихватил свое аналитическое устройство, чтобы проверить состав воздуха над кратером и убедиться в верности своих предположений.

— Что произошло, доктор?

— Антиматерия.

— Простите, что?

— Скажем так, у нас есть некий объект, который состоит из атомов с зарядом, противоположным заряду обычных атомов. Ядро атома несёт отрицательный заряд, а электроны — положительный. Когда антиматерия контактирует с материей, происходит большой выброс энергии. Я полагаю, в нашем случае он произошёл оттого, что комета содержит несколько сгустков антиматерии, и один из них попал сюда. К счастью, он был небольшого размера, потому что сгусток побольше может поглотить всю Землю.

— Один сгусток?

— Да.

— И как вы полагаете, много их в комете?

— Не знаю, но судя по всему, немало.

— Что же делать?

— Ничего. Нам остаётся лишь покориться судьбе и ждать.

* * *

Молодой учёный несколько раз подряд заглядывал в телескоп и несколько раз подряд производил один и те же вычисления, но каждый раз получал один и тот же поразительный результат. Он позвал жену, которая мгновенно прибежала в удивлении.

— Рим, я совершил ужасное открытие, — ему пришлось перевести дух, прежде чем он продолжил: — Тот курс, который мы определили для кометы три месяца назад, оказался неточным.

— Что ты говоришь?

— Комета не столкнётся с Землёй — в этот раз наши расчёты оказались ошибочными.

— Ты уверен?

— Абсолютно — я пересчитывал несколько раз и всегда получал один и тот же результат.

— Почему же ты грустен? Наоборот, нужно радоваться.

— Не знаю, милая. Всё это — большое потрясение для меня.

— Ты сообщишь об этом на Луну?

— Они, наверное, уже знают. Может быть, скоро в новостях об этом расскажут. Не всех эта новость обрадует, знаешь ли — столько потратить на транспортировку людей на Луну, только чтобы в конце концов притяжение со стороны Солнца слегка сбило комету с её курса.

Рассказывая обо всём этом Рим, он испытывал невероятное облегчение. Выживание оказалось величайшей радостью в его жизни.

Вскоре ему позвонил один учёный из государств, объединённых идеями равенства, и сообщил, что его коллеги также обнаружили отклонение кометы от курса.

9

Отрывки из дневника доктора Самера, часть вторая

Понедельник, ... число месяца года

Я сам себе не верил и пересчитывал снова и снова, несмотря на от своих коллег из государств, объединённых идеями равенства, но каждый раз получал один и тот же невероятный результат — комета отклонилась от курса. Четыре часа спустя после моего открытия об этом сообщили в новостях. Я ожидал, что лунные станции новостей вскоре последуют их примеру, но напрасно — их учёные, похоже, бросили наблюдение за кометой и занялись другим, потеряв связь с Землёй из-за природных условий на Луне. Наконец-то, в три часа утра понедельника, я улёгся на диване, который был на станции, и уснул.

Я проспал приблизительно до пяти, потом меня разбудил голос из приёмного устройства. Я подбежал к нему. Сначала я услышал лишь гудки, но потом наконец-то до меня донёсся голос Кента — физика-ядерщика:

— Станция «Дельта» вызывает станцию «Альфа», станция «Дельта» вызывает станцию «Альфа»...

— Станция «Альфа», приём. Здравствуйте, профессор Кент.

— Доктор Самер, как поживаете? Вы не поверите, когда я вам скажу, зачем звоню.

— Не трудитесь — я узнал о том же несколько часов назад.

— И не сказали нам? Потому что это работа больших станций — производить вычисления и анализировать результаты? Доктор Самер, мы на станции «Дельта» не знаем, что делать. Сообщить местным на Луне? Или подождать, пока мы точно не убедимся, что столкновение невозможно?

— Доктор Кент, я точно вам говорю, что столкновение невозможно. Я сто раз пересчитывал, в том числе на калькуляторах и компьютерах, консультировался с друзьями-учёными из государств, объединённых идеями равенства, и каждый раз получал один и тот же результат.

— Превосходно, я сообщу нашим товарищам. До встречи, доктор Самер. Конец связи.

Вторник, ... число месяца года

Слушая новости, которые передавали земные станции, я испытывал счастье. Люди вокруг ни словом не выдавали своей радости, но она читалась в каждом лице, в каждом движении. Ни на миг наши соседи не сомневались, что чудо произойдёт, — и оно произошло.

После полудня мы с женой и сыном отправились на пикник. Рим также оживилась и воспрянула духом, услышав новости. Я вспоминал первые дни нашей жизни вместе, когда любовь давала нам новые силы, когда наши сердца были полностью открыты друг другу, когда в нашей жизни не было ничего, кроме наслаждения и любви.

* * *

Поздним часом этой ночи мне приснился сон. Я записал его сразу же, как только проснулся. Это был странный сон — когда я проснулся, я весь дрожал.

Я сидел за телескопом и обнаружил, что комета сбилась с курса и направлялась теперь к Луне, а не к Земле. Это открытие меня чрезвычайно напугало. В тот же миг я услышал вибрации приёмного устройства — они оповещали меня о том, что пришло некое сообщение. Я осторожно взял устройство и услышал голос, отдающийся сильным эхом: «К нашему великому удивлению и потрясению, комета изменила свой курс — а ведь она должна была столкнуться с Землёй! Мы без размышлений пожертвовали нашими семьями и друзьями и сбегали на Луну. Мы пожертвовали всем, даже нашей моралью, и направились на Луну, дочь Земли, — и теперь катастрофа

угрожает нам. Что делать нам теперь? Возможно ли сопротивление, или?.. Невообразимое положение».

Голос этот как будто исходил из древней, первобытной бездны, но при этом он рассказывал о личных и противоречивых переживаниях жителей Луны. Но теперь он замолчал, и ему на смену пришёл другой голос, сильный и чёткий, который повторял:

— Вызываю станцию «Альфа», вызываю станцию «Альфа»... — Гудки...

— Станция «Альфа» отвечает, мы здесь, я вас слышу.

— Мы обнаружили новую катастрофу, вы здесь?

— Мы все внимание.

— Запишите наши последние слова и храните их в музеях после того, как катастрофа произойдёт. Не смейтесь над нами. Мы взываем к любви, что живёт в ваших душах. Услышьте наш последний безнадежный зов, пусть даже смех — это ваше право.

— Неужели слова, которые вы к нам обращаете, продиктованы охватившим вас ужасом? Когда нам угрожала катастрофа, мы не кричали и не умоляли выслушать наши последние рыдания.

— Мы мужественно встречаем катастрофу. Наша судьба известна нам. Большинство местных жителей хотят вернуться на Землю. Мы не говорим им о трагедии, которая их ожидает. А каково ваше положение? Неужели после обретения вами безграничной свободы ваши беды не преумножились?

— Напротив, вся Земля, но в первую очередь, наши души и сердца, живут согласно суровым законам. Безопасность и любовь вернулись и охватили всю планету. Ваша ужасная судьба приводит нас в глубокое горе. Поверьте, мы всё ещё надеемся, что вычисления оказались ложными — снова.

Устройство внезапно выключилось, но голоса не замолчали:

— Наши братья с Земли, мы взываем к вам, ответьте на наш призыв...

Голос не умолкал. Я упал на пол и зарыдал от горя. Затем я поднялся и подошёл к монитору. Казалось, что Луна была окружена толстыми облаками. Через них изредка пробивались всполохи яркого света — возможно ли, что это и была катастрофа? Комета начинала окутывать Луну. Снаружи донёсся шум. Я выглянул в окно и увидел, как люди собираются перед домом и смотрят вверх. Они были свидетелями самого странного астрономического явления в истории — тумана на Луне. Среди облаков появлялись вспышки.

Я проснулся, но вид Луны, поглощённой кометой, меня не покидал. Я заглянул в телескоп, убедился, что комета всё ещё оставалась на своём месте, и лёг обратно в постель.

В полдень доктор Кент позвонил мне и сообщил, что жители Луны встретили новость о спасении Земли ликованием. Он сказал, что лунные комиссии постоянно устраивают заседания, но что они там планируют в тайне от остальных, он не знал. Тем не менее, Кент знал, что на Луне готовится вылет нескольких ученых с целью исследования возможностей возвращения переселенцев с Луны на Землю на протяжении следующих нескольких месяцев.

Среда, ...число месяца... .. года

Всё утро на Земле шёл метеорный ливень. Поначалу люди пугались, но потом привыкли, а некоторые даже стали останавливаться, чтобы полюбоваться, как десятки метеоров сгорают в атмосфере Земли, подобно огненным стрелам. В четыре часа дня Рим сказала мне, что у неё в ушах странно свистит, причём этот свист становится всё громче и как будто исходит из нескольких источников.

— Это метеориты, Рим. Земля притянула несколько осколков кометы, и они вошли в её атмосферу.

— А откуда тогда этот свист и звуки ударов?

— Они летят с очень высокой скоростью и обладают большой массой.

— Хочешь сказать, что комета недалеко от нас?

— Она достаточно далеко, чтобы не столкнуться с Землёй. Тем не менее, похоже, несколько её осколков долетели до Земли.

— Это опасно?

— Да, есть небольшая возможность, что осколки попадут в населённые пункты и нанесут их жителям ущерб.

— Хоть бы этого не случилось...

— Не волнуйся. Ни один метеорит не причинит и миллионной доли того вреда, который несла нам комета.

В нашем районе было лишь несколько несчастных случаев из-за метеоритов. Один раз метеорит попал в трактор, но водитель чудом выжил. Другой метеорит упал на одну из охотничьих хижин. А ещё один был настолько огромен, что полностью уничтожил один особняк на окраине города.

Четверг, ... число месяца года

Мне удалось записать призывы жителей Луны к землянам. Слова этих президентов и королей, без капли сожаления бросивших свои народы, а те-

перь возвращающихся со слезами раскаяния на глазах, не внушали мне ничего, кроме стыда.

Обращение вновь возвращающихся переселенцев к жителям нашей возлюбленной Земли:

Мы были бы счастливы первыми сообщить вам о том, что комета изменила свой курс, но учёные оставшиеся на Земле, опередили нас в этом, что тем не менее не умаляет нашей радости. Мы попытаемся вернуться к вам, когда комета удалится и не останется сомнений в нашей безопасности. Некоторые из нас останутся здесь. Им понравилось жить на Луне — здесь долгие ночи и долгие дни. Жизнь на лунных станциях и вправду прекрасна. Те из вас, кто будет хорошо себя вести, будут вознаграждены бесплатной поездкой сюда. Мы надеемся, что наш путь к вам будет быстрее ветра и гладок, как шёлк.

* * *

О добрые люди республики ..., мы, ваше правительство, не могли сдержать нашей радости, когда до нас дошла весть о том, что тучи страха и смерти рассеялись. Мы вернёмся на нашу дорогую Родину на крыльях тоски и любви, ведь наша вера в ваши чудесные качества возросла. Отклонение кометы от её курса — к счастью для вас, комета отклонилась от курса, что является благом для вас и поводом для сердечных молитв о вашей безопасности и вашем благополучии для нас.

О мужественные граждане! Когда мы вернёмся, то восстановим былую славу нашей родины и покараем всех, кто угрожает её безопасности. К сожалению, нам всё же придётся спросить с вас налоги, накопившиеся за время нашего отсутствия, поскольку наш бюджет испытывает серьёзный недостаток в деньгах — так дорого обошлась нам транспортировка любимых вами лидеров на Луну. Мы приносим нашим дорогим гражданам заслуженные извинения.

* * *

О верный и покорный народ королевства ..., я глаз не мог сомкнуть с тех пор, как мы расстались. Волнение смущало моё сердце, горе сжимало мою грудь: так велика было боль от расставания с самыми доро-

гими мне людьми — моими любящими, верными и преданными подданными. Я уверен — и да будет вознесена хвала Богу, — что эти любовь и преданность остались в сердце каждого из вас. Теперь, когда опасность миновала, я чувствую, что при известии о возвращении вашего короля к каждому из вас вернулась сама жизнь. Каждый из вас всё ещё бережёт купюры с моим портретом на них. Каждый воздерживался от разграбления роскошных королевских дворцов и садов и стерёг их от остальных, веря в то, что волей Божьей ваш король рано или поздно возвратится.

Я молился, чтобы судьба позволила мне вернуться к вам, и она услышала мои молитвы. Помните обеты, данные вами, и соблюдайте свою нравственную чистоту. Людей, верных мне, вознаграждайте повышением в чине и соблюдайте законы, дарованные вам моими предками. Своему первому министру я поручил назначить ответственных за охрану нашего королевства от предателей и наградить их почётными медалями. Слушайте этих людей во всём. Не забывайте, что говорится в священном Коране: «Повинуйтесь обладающим влиянием среди вас».

Я надеюсь, что по возвращении увижу свое королевство во всём блеске его красоты, а его жителей — охваченными радостью от моего приезда. Нет для меня большей радости, чем представлять, как вы мчитесь ко мне, чтобы поцеловать мою руку и получить моё благословение, которое я легко и с радостью вам дарую. Я вознагражу тех, кто заслуживает награды, и покараю тех, кто преступает закон. До встречи, о, мой возлюбленный народ.

* * *

Короли, князья и президенты говорили, и их голоса раздавались по Земле чуть ли не из каждого устройства. Наши души были полны гневом, яростью и отвращением. Они покинули нас на верную смерть, а теперь, когда опасность миновала, возвращаются с требованиями подчинения, смирения и дани.

Пятница, ... число месяца года

Землю охватывала революция. Наш сосед рассказал мне, что большинство молодых людей и подростков начали объединяться в вооружённые группы и саботировать трансляции обращений наших лидеров. Они также выставили свои патрули повсюду, где только можно было ожидать появле-

ния бывших слуг режима. Те были обрадовались, почувствовав, что дела налаживаются, и попытались кое-где взять командование, но получили яростный отпор от объединившихся бедняков и сбежали.

Повсюду проходили общественные собрания, где обсуждались возможные решения новых проблем, ожидающих нас. Все сходились на одном — нельзя отдавать переселенцам с Луны ни клочка Земли.

Тем временем я глядел в телескоп, и вдруг заметил нечто новое. Возможно, мне это только показалось, но это привело меня в такое волнение и смятение, что я решил проверить свою догадку. Я произвёл несколько вычислений и закричал:

— Рим! Сюда!

Испугавшись, она прибежала на мой зов:

— Что случилось?

— Кажется, мой сон... Он...

Она посмотрела на меня и улыбнулась:

— Уверен?

— Числа не лгут, — ответил я.

Я терзался противоречивыми чувствами. А Рим только прошептала:

— Жернова Господни — любопытная вещь. Они мелют медленно, но мелко-мелко и неумолимо...

Перевод А. Голиковой

Обзоры и критика

Александра Голикова

Миры Фрэнсис Хардинг^{*}

Том Поллок: Ещё один вопрос от меня, который прозвучит ужасно по-марксистски: что насчёт работы? ... Ваши миры в значительной степени построены вокруг профессий ваших персонажей. Почему вам интереснее строить мир вокруг того, что люди делают вместо, ну скажем, их общественного положения или расы? ...

Фрэнсис Хардинг: ... Я не хочу писать истории, где все, кто работает, как будто немножко скучны и вместо этого им надо бы отправиться на поиски приключений и спасти мир. Многие люди в истории ничего подобного не делали, потому что были заняты обычными ежедневными подвигами — кормили свои семьи. На протяжении всей истории людей определяла их профессия, достаточно лишь взглянуть на фамилии — Гарденер, Купер, Смит [садовник, бондарь, кузнец].

^{*} Эта статья была написана до того, как "Песнь кукушки" Хардинг получила медаль Карнеги, а "Дерево лжи" - премию Коста в 2015 году. Она была также написана до того, как российское издательство Clever объявило, что в первой половине 2016 года выпустит "Fly by Night", "Fly Trap", "Cuckoo Song" и "The Lie Tree", которые в русском переводе будут называться "Сообщники поневоле", "Недобрый час", "Песнь кукушки" и "Дерево Лжи" соответственно, поэтому некоторые имена, названия и процитированные отрывки в этой статье могут не совпадать с официальным переводом.

Мы желаем автору дальнейших успехов и растущей популярности на родине, в России и других странах. — *Прим. автора.*

Том Поллок: То есть, дело в исторической достоверности?

Фрэнсис Хардинг: В исторической достоверности, но также и в уважении. ... Однажды я видела церковь с маленькими каменными горгульями, которые очевидно были карикатурами на местную аристократическую семью. Значит, когда-то был каменщик, который столько трудился и заслужил столько уважения, что подобная насмешка сошла ему с рук. По моему личному мнению, этот каменщик намного интереснее, чем персонаж, которым мы предположительно должны интересоваться из-за его вида, магических способностей или ещё чего-то, что досталось ему просто так.

(Из интервью с Томом Поллоком для журнала «Strange Horizons», 23 июля 2014 г.)

Судя по всему, жизнь англичанки Фрэнсис Хардинг, автора книг для детей и подростков, не особенно богата событиями. Она родилась в Кенте в 1973 году, изучала английскую литературу в Оксфорде, после университета работала в компании, занимающейся программным обеспечением. В свободное время Хардинг писала рассказы в стол и стала профессиональным писателем лишь после того, как её подруга Райанон Ласситер тайком от нее показала первые пять глав романа «Муха-однодневка» (Fly by Night) своим знакомым в издательстве «Макмиллан», которое сразу же подписало со вновь открытым талантом контракт. В настоящее время Хардинг живёт со своим партнёром в Оксфорде.

Собственно говоря, вот и всё, что о ней известно. Но несмотря на кажущуюся бедность биографии, её произведения отличаются немалой оригинальностью и глубоким пониманием человеческой природы, что мы наблюдаем уже в дебютном романе — вышеупомянутой «Мухе-однодневке» (2005), которая остаётся наиболее известным и популярным романом Хардинг (насколько это можно сказать об авторе, который практически неизвестен на родине и не переводился в большинстве стран, включая Россию).

Действие романа происходит в Расколоте Королевстве — своего рода альтернативной Англии XVIII в. Некогда его возглавлял король, который *«хотел добра и правил дурно»*. Королю отрубили голову, его наследник погиб, после чего появилось сразу множество претендентов и претенденток на трон. Это привело к распрям, в результате которых власть захватила секта Птицеловов — религиозных фундаменталистов. В Расколоте Королевстве есть своя религия: каждые несколько часов в году посвящены Возлюбленному или Возлюбленной — божеству, которое отвечает за определённый аспект жизни. Человеку, родившемуся в определённый час, даётся имя в честь Возлюбленного, которому этот час посвящён. Так, главную героиню

зовут Мошка, потому что она родилась в час Муховёрта, Что Отгоняет Мух От Варенья И Масла. Птицеловы же объявили всех Возлюбленных демонами и принялись уничтожать их изображения, а заодно и тех, кто их почитал, включая детей, во имя единственного истинного божества.

Так продолжалось десять лет, после чего Птицеловы были подавлены и истреблены, и Расколотым Королевством снова стал управлять парламент. Несмотря на то что *«глава Парламента правил во многом подобно королю, но никто не называл его королём, потому что имена важны»*, сторонники короля и парламентёры однажды почти собрались на войну друг с другом, но предводители гильдий деликатно наметнули им, что если они начнут войну, работники откажутся делать причёски их женам и расчёсывать гривы их лошадям. Тогда роялисты и парламентёры задрожали и сказали, что сообщат о своём решении на следующий день.

Ко всеобщему удовольствию, размышления Парламента затянулись на долгие годы, король так и не был выбран, Королевство осталось расколотым, а власть в нём поделили три гильдии — Гильдия Книгопечатников, Гильдия Слесарей и Гильдия Лодочников.

Всё это нам сообщают в прологе романа.

Главная героиня, вышеупомянутая Мошка Май — дочь знаменитого историка, изгнанного в глубокую провинцию, потому что он выступал за отмену цензуры. Поскольку секта Птицеловов вдохновляла своих сторонников посредством печатного слова, Гильдия Книгопечатников объявила книги источником зла и сожгла все, кроме немногих, ею одобренных. В результате в Расколоте Королевстве умение читать — редкость, и Мошка — одна из немногих, кто им обладает. Как говорит сам её отец:

«Ну что ж, приходится работать с тем, что есть. Если бы ты умерла вместе с твоей матерью, пришлось бы научить читать и кошку», — Май почувствовал легкий укол совести при мысли о том, что, научившись читать, его дочь станет чудной, но ничего поделать было нельзя.

После того, как её отец умирает (а мать её умерла ещё в родах) и Мошка, в лучших традициях детской приключенческой литературы, остаётся сиротой, её дядя и тётя эксплуатируют её редкий талант и принуждают работать на них счетоводом, а в свободное от работы время держат взаперти. Мошка, тем не менее, не унывает и, сбежав из заключения, сжигает дядину мельницу, а затем, прихватив своего единственного друга — кровожадного гуся Сарацина, с которым она разделяет *«если и не дружбу, то, по крайней мере, солидарность всеми презираемых»*, — сбегает из родной деревни в большой

город с помощью известного авантюриста и мошенника по имени Одноимённый Клент. Сомнительная репутация последнего не смущает нашу героиню, которой хочется любой ценой выбраться из родной деревни, где её считают чуть ли не ведьмой за умение читать, а возможностей для образованной девочки с идеями и амбициями мало. Мошка мечтает о большом городе, где она сможет пойти в школу и обретёт доступ к бесконечному количеству прекрасных книг.

Однако когда компания из гуся, поджигательницы и авантюриста прибывает в вольный город под названием Манделион, Мошку ожидает большое разочарование. В городе всем заправляет Гильдия Книгопечатников, которая сжигает все книги, не одобренные ею к изданию (иногда и вместе с хозяевами) и запрещает обучать детей бедноты и людей труда грамоте. Все это делается во имя предотвращения второй религиозной войны с Птицеловыми. Самой Мошке Книгопечатники тоже не рады, потому что её отец при жизни прославился тем, что был атеистом и выступал за свободу слова для всех — включая Птицеловов. Верующее население Расколотого Королевства, конечно, не любит религиозных фундаменталистов, но и атеистов здесь тоже с распростёртыми объятьями не встречают.

Очевидно, что первая ассоциация, которая возникает у жителя любой страны англоязычного мира (не только США) при упоминании ограничения свободы слова во избежание религиозной угрозы, — мир после 11 сентября с усилившимся надзором за гражданами. Очевидно также, что, по крайней мере, в романе Хардинг подобные меры абсолютно бесполезны. Действительно, Мошка обнаруживает печатный пресс, на котором Птицеловы печатают воззвания к войне. Вот только принадлежит он не простому народу, который и является жертвой репрессий, проводимых Книгопечатниками, а графине — известной в Манделионе красавице и светской даме, пользующейся всеобщей любовью и уважением. Простой народ, несмотря на его не любовь к атеистам, религия как раз-таки не особенно волнует: это всего лишь часть быта для них. А вот аристократии в лице графини, мечтающей захватить власть, она очень даже нужна.

Разумеется, справедливость торжествует, Мошка и компания топят печатный пресс и разрушают планы Птицеловов, графиня скрывается в неизвестном направлении, её помощник убит в перестрелке, а к власти в Манделионе приходят революционеры-радикалы, отменяющие цензуру и разрешающие простым людям учиться грамоте. Сама Мошка за свои труды не получает ничего, кроме разрешения уйти с миром, но ей ничего и не надо, кроме свободы и понимания идеи, к которой некогда пришел и её всеми ненавидимый отец.

Гвалтовый Час — вот единственное решение. Пускай каждый встанет и прокричит, что думает, все и каждый сразу. И не только те, которые грамоте знают, и лорды в своих здоровых париках, но и чудаки, и сумасшедшие, и преступники, и дети в рубашечках, и даже самые глупые — одним словом, все. Даже самые плохие, господин Клент. Даже Птицеловы.

На этой ноте мы с ней и расстаёмся.

Несмотря на то, что ничто не мешало автору ухватиться за удачную идею и превратить роман о Мошке Май в бесконечную серию, Хардинг этого не сделала. Следующая её книга, «Ярь-медянка» (Verdigris Deep, 2007), была совершенно другой во всех отношениях.

На окраинах некоего английского городка находится древний колодец. Люди загадывают желание и кидают в него монетку, потому что давным-давно люди, построившие этот колодец, верили, что в нём живёт дух, исполняющий желания. Однажды трое школьников достали из колодца горсть монеток, потому что им не хватало денег на проезд. Оказалось, что в колодце и в самом деле живёт древняя богиня, которая исполняет желания, и что с украденными монетами ответственность за часть загаданных желаний перешла на детей. Чтобы помочь им в выполнении этих желаний, богиня наделяет одного из них дополнительными глазами, раскрывшимися на костяшках кистей рук. Эти глаза способны видеть желания в груди людей. Другому достаётся дар электромагнетизма, а третьей — способность читать мысли людей и сразу же их озвучивать помимо собственного желания.

На первый взгляд, дело, предстоящее ребятам, выглядит простым: пареньёк мечтает о мотоцикле — поможем ему заполнить купон для участия в лотерее и выиграть Харли-Дэвидсон, девушке нравится известный в городке экстрасенс — пригласим обоих в гости и оставим наедине. Однако постепенно дети понимают, что зачастую люди хотят одного, но думают, что хотят другое. Так, получив свой долгожданный Харли-Дэвидсон, молодой мотоциклист тут же попадает в аварию и чуть не погибает. Конечно, это ужасно, но именно это и было его настоящим желанием, а вовсе не мотоцикл:

Я думаю, никто не знает, что такое желания. Они такие, вроде каштанов — снаружи зелёная скорлупа, а сам орех внутри. Скорлупа —

это то, чем желание кажется, а настоящее, оно внутри. И, я думаю, почти никто не знает, чего он хочет. Они видят только скорлупу.

Вот смотри: допустим, скорлупа желания — «Я хочу Харли-Дэвидсон». Уилл и сам думал, что хочет Харли-Дэвидсон, но на самом деле не хотел, ну может, чуть-чуть. То есть, орех его желания был: «Я хочу быть таким человеком, у которого есть Харли-Дэвидсон». Уилл представлял, как он едет на мотоцикле, а все смотрят на него и думают: «Ух ты, смотри, он едет на Харли, какой он крутой и интересный». И он хотел, чтобы они не только так думали, но чтобы так и было. Но крутого мотоциклиста не было, был только Уилл Разерс. И, и, я думаю, орех его желания был: «Я не люблю Уилла Разерса, я хочу, чтобы его не было».

Если «Муха-однодневка» была создана под явным влиянием «Алого первоцвета» баронессы Орци, то «Ярь-медянка» — очевидное подражание «Совам на тарелках» Алана Гарнера. У двух книг похожая завязка: три главных героя — два мальчика и одна девочка, древняя разгневанная богиня, чьей воле они вынуждены подчиняться, намёки на то, что подобный случай — не первый в местной истории. Но если в основе «Сов на тарелках» лежали проблемы классовой несправедливости и противостояния англичан и валлийцев, быт героев Хардинг выглядит на первый взгляд вполне благополучно. Семьи всех троих «ангелов колодца» принадлежат к среднему классу, у каждого есть оба родителя, они обеспечены всем необходимым и даже сверх того. Но по мере развития сюжета на фасаде благополучия начинают проступать трещины. Мать Райана, главного героя, зарабатывает на жизнь тем, что пишет скандальные биографии местных знаменитостей, выставляя на всеобщее обозрение подробности их личной жизни, которые они хотели бы скрыть, и доводит ситуацию до такого напряжения, что одна из её «жертв» клянётся, ни много ни мало, убить горе-писательницу. Люди в городке терзаются отсутствием смысла жизни, поэтому многие из них обращаются к магии и становятся жертвами шарлатанов-экстрасенсов. Джош, лучший друг Райана, который его боготворит, — сирота, усыновлённый богатой семьёй из великодушия. К сожалению, за деньги можно купить многое, но не чувство ответственности, поэтому родители Джоша решают развестись так же легко, как решили сойтись, и отнимают у ребёнка семью так же легко, как некогда подарили.

Джош сходит с ума от отчаяния, одиночества и зависти к своему другу, родители которого, несмотря на бесконечные ссоры и выяснение отношений, искренне преданы друг другу и своему сыну. Поэтому несчастный

мальчишка, услышав желание скульптора, которую мать Райана ославила в одной из своих книг, решает его выполнить и пытается убить мать своего лучшего друга из ревности. К счастью, его попытка оборачивается провалом, но жизнь Джоша навсегда погублена, а сердце его навсегда разбито — и всё по вине его совершенно благополучных, идеальных, образцовых приёмных родителей.

Ведьма из колодца — в некотором роде олицетворение истинной природы людей, искажённой давлением общества, нацеленного на потребление и конформизм. Если прислушиваться к тому, что требует от вас окружающая среда, вместо того, чтобы прислушиваться к себе, рано или поздно между первой и второй стороной образуется разногласие, попытка разрешения которого может привести к катастрофе.

За романом «Ярь-медянка» последовала третья книга Хардинг — «Остров Чаек» (Gullstruck Island, 2009), в котором автор в очередной раз совершила разворот на 180 градусов. «Остров...» одновременно и похож на «Муху-однодневку» тем, что затрагивает сложные, неоднозначные и во многом политические темы на фоне вымышленного мира, и не похож местом действия, атмосферой и собственно основным конфликтом.

Противостояние различных вымышленных рас в фантастике и фэнтези часто используется как метафора для расизма и национализма в реальной жизни — пресловутые «Аватар» с синей инопланетной Покахонтас и «Гарри Поттер» с волшебниками, истребляющими неволшебников, «Последний Эльф» Сильваны де Мари, где люди устроили геноцид эльфам, и т.д., и т.п. В «Острове...», с другой стороны, нет никаких метафор, аллегорий, намёков, параллелей и прочего эзопова языка. Там вообще нет никаких разумных видов, кроме людей, и даже собственно фантастических допущений там на удивление мало. Это просто роман, в котором на протяжении 500 с лишним страниц один народ людей пытается уничтожить другой (возможно, что у тех, кто уничтожает, кожа в целом несколько светлее, чем у их жертв, но прямо на это нигде не указывается).

Остров Чаек лежит в одиночестве посреди моря. За несколько веков до начала романа его завоевала некая империя под названием Кавалькаста, метрополия которой лежит «в далёких заснеженных равнинах». Культура Кавалькасты, как и коренных племён острова, не основана на какой-либо конкретной культуре, но у них есть одна особенность, которая роднит их сразу с Древним Египтом и Китаем: своих усопших предков они ставят превыше всего. После смерти их кремируют, запечатывают пепел в кувшине и оставляют этому кувшину подношения. Со временем Кавалькасте стало негде хранить своих мертвецов, поэтому им пришлось расширять территорию.

Так они и пришли на остров. Неприветливый жаркий климат, местные культуры, а также весьма экзотические флора и фауна Острова Чаек отличаются от родины Кавалькасты, поэтому её правление трудно назвать эффективным:

Поселенцы Кавалькасты принесли с собой смертный страх перед изменением или отменой законов, боясь рассердить предков, которые эти законы придумали. Все, что можно было сделать, — нагромоздить ещё больше правил сверху. Эдикты порта Внезапный Ветер останавливали воров, что крали сани или меха, но не тех, что похищали нефрит или кокосовый ром; убийц, что заманивали жертву на тонкий лёд, но не тех, что варили яд из медуз. Не было плана действий на случай эпидемии плачущей лихорадки и невозможно было обеспечить карантин в заражённых поселениях.

До завоевания на острове жило несколько разных племён — Горький Фрукт, Пляшущий Дым, Янтарь. Со временем они смешались с Кавалькастой и друг с другом, но одно племя стоит особняком. Этих людей зовут Кружевными, потому что они живут среди скал на самом побережье, ещё менее пригодном для жизни, чем остальной остров, большую часть которого занимают вулканы. Ветер и волны изрезали скалы настолько причудливо, что они напоминают кружева, отсюда и название народа. Кружевных все ненавидят, презирают и боятся из-за того, что они сделали несколько веков назад, когда первые поселенцы Кавалькасты появились на острове. Кружевные верят, что для того, чтобы вулканы не уничтожили всех людей, необходимо приносить им в жертву нескольких из них (это отсылает нас сразу к мифологии ацтеков, приносивших людей в жертву солнцу, чтобы отсрочить конец света, и к легенде маори о вулканах-богах Таранаки и Тонгариро, сражавшихся за любовь Пиханги. У Кружевных тоже есть очень похожая легенда о любовном треугольнике между тремя вулканами). Для этого они и похищали пионеров. В наказание храмы Кружевных были разрушены, жрецы казнены, а самих Кружевных изгнали на неприветливое побережье, где они и живут по сей день.

Быт острова держится на сети людей, которые называются Потерявшими. Они способны покинуть своё тело и отправить своё сознание, куда им вздумается, без каких-либо телесных ограничений (а здесь нужно вспомнить шаманские практики народов Сибири и Дальнего Востока). Поэтому они и отвечают за получение и передачу новостей и прошений, прогнозирование погоды и природных бедствий, надзор за порядком и прочее. Потерявшиеся

очень редки и рождаются только на Острове Чаек. Потерявшиеся и несколько вымышленных видов животных — единственный фантастический элемент в романе. Несмотря на то, что суеверия Кружевных и прочих народов играют в сюжете ключевую роль, они никогда не подаются как факт.

Несмотря на то что Потерявшийся может родиться в любом племени, среди Кружевных их ещё не было. Поэтому рождение девочки по имени Арилу Кружевные встретили ликованием, ведь если им удастся подарить острову Потерявшегося, к ним вернётся хотя бы малая доля бывшего уважения. Но есть загвоздка: поскольку Потерявшиеся по природе своей чувствуют себя неуютно в своей физической оболочке, в первые годы своей жизни они неотличимы от детей с задержками в развитии — двигаются мало, неуверенно и неуклюже, смотрят отсутствующим взглядом, а вместо речи у них неразборчивое бормотание. По этой причине у Кружевных не принято огорчаться подобным детям. В этом состоит очень важное различие между гуманизмом религиозным и гуманизмом светским: они относятся к детям с особенностями хорошо, но не потому, что они — такие же люди, как и все остальные, а потому что религия говорит, что это хорошо. Ср. с общерелигиозными традициями восхваления немощных и превращения их в объект благотворительности и идей «безумной мудрости».

Арилу проявляет все признаки особого ребёнка, вот только ни следа сверхъестественных способностей у неё не наблюдается. Тем не менее, мать юной шаманки не собирается упускать единственный шанс своего народа вернуть себе лицо и прилагает все усилия, чтобы поддержать легенду. Главная роль в этом выпадает младшей сестре Арилу по имени Афн. Она круглосуточно ухаживает за сестрой, «переводит» её несвязный лепет в то, что слушающие хотят услышать, и выдерживает вместо нее испытания, которые должен пройти Потерявшийся.

И всё бы хорошо, но внезапно Потерявшиеся начинают один за другим умирать от неизвестных причин, пока на всём острове не остаётся одна лишь Арилу из народа Кружевных. Кружевных, терпевших унижения на протяжении веков. Кружевных, жаждущих вернуть себе доброе имя. Кружевных, о которых все знают одно: они — убийцы.

Племена острова объединяются против Арилу, обвиняют её в колдовстве и заговоре и вырезают её родную деревню до последнего человека. Лишь Афн с сестрой удастся спастись бегством. Девочка отправляется на поиски Кружевных, которые порознь прячутся по городам и другим деревням. В своём путешествии ей становится очевидно, что резня в деревне была спланирована. Чтобы найти того, кто это сделал, и отомстить, девочка присоеди-

няется к группе Кружевных, прячущихся в джунглях, которая называет себя Мстители.

Первый из двух важнейших мотивов романа, который развивается и в двух последующих книгах, — мотив безликости и невидимости, метафорической и буквальной, и вытекающего из них расчеловечивания. Первой и самой главной его жертвой являются, конечно же, сами Кружевные. Они описываются как щуплые и низкорослые, их возраст часто трудно определить, потому что даже их взрослые выглядят как дети. Их религия, а следовательно, и их жизнь сосредоточена вокруг вулканов. Больше всего на свете Кружевные боятся, что вулканы проснутся, поэтому они всегда ступают легко-легко, а детям своим дают имена, в которых нет смысла, которые только подражают звукам природы (так, имя главной героини Афн подражает звуку оседающей пыли, а её сестры Арилу — крику совы). Подобные имена нельзя записать буквами, и они исчезают из человеческой памяти вскоре после того, как их услышат. Поскольку Кружевным так свойственно быть незаметными, мелькать и исчезать, это делает их очень удобной мишенью. Конечно, их уничтожение является нарушением колониальных законов, но только в том случае, если они считаются людьми. После жертвоприношений Кавалькаста сделала поправку в своем законодательстве, согласно которой, если Кружевные становятся чересчур многочисленными или беспокойными, их следует считать волками. Само собой, если на вашем острове наблюдается переселение волков, следует принять меры.

Тем не менее, даже среди невидимых Кружевных есть люди, которые выделяются в своей невидимости, и один из них — дядюшка Лаш, чьё имя подражает звуку волны, набегавшей на песок. Несмотря на то что он — самый талантливый скульптор на острове, его никто не замечает. Он не сделал ничего плохого, он не страдает уродством — его просто никто не замечает, и всё. Такова его природа. Каждый воспринимает свою невидимость по-своему — Лаш от нее страдает и ожесточается. Кружевные не ценят его талант, поэтому он предает их Кавалькасте, сообщив им, как можно умертвить Потерявшихся, один из которых раскрыл их планы по уничтожению Кружевных.

Автором этих планов является один-единственный чиновник Кавалькасты. Он тоже невидим — внешность у него настолько средняя, что не задерживается ни у кого в памяти, голос его настолько спокоен и мягок, что вы и не вслушиваетесь в его слова, шаги настолько тихие, что вы их не слышите. Даже имя его — Камбер — сейчас же вылетает у вас из головы (проведите эксперимент — попробуйте вспомнить имена персонажей некоторое время спустя после прочтения). Но он, в отличие от Лаша, не страдает

от невидимости, а, наоборот, ею наслаждается. Она позволяет ему избежать ответственности за все, что он делает, закладывая убийственные идеи в головы своих коллег. Он хочет истребить Кружевных, но вовсе не потому, что они ему не нравятся, о нет. Просто на острове стало слишком много людей и совсем не осталось места для кладбищ Кавалькасты. А поскольку, по его собственному выражению, *«это племя все равно плодится быстрее мышей»*, Кружевным придётся освободить место.

Противоположностью этих двух убийц является ещё одна невидимка — Афн, главная героиня. Мало того, что она — Кружевная и младший ребёнок в семье, всю свою жизнь она прожила в тени старшей сестры, являясь её придатком, обслуживающим персоналом. Она тяготится своей невидимостью, и она же обращает её в преимущество, но в отличие от Камбера, она использует её для того, чтобы помочь другим. Подобно остальным Кружевным, она привыкла скрываться, прятаться, ступать легко, действовать украдкой, и только благодаря этому она обнаруживает в себе способность выживать в бегах, искать укрытие и собирать по одному себе подобных. Её невидимость — её недостаток, но она не пытается от него избавиться, а принимает его, как часть своей природы, так же как она принимает свое Кружевное происхождение, несмотря на то, что все ненавидят её народ. Афн — единственная невидимка, которая живёт и трудится на благо других, и она же — единственная, кто благодаря этому избавляется от своей невидимости в конце:

— ...героиня Копьеголового, — говорил один из них. — Красивая, правда? Но и страшная.

— За ней по всему острову охотились, но она была слишком умная...

— ...вела Мстителей..

— ... всех спасла...

Так люди всё и запомнят. Весь остров будет веками говорить об Арилу, за которой охотились по всему острову, но которая повела Мстителей и всех спасла. «Так разве я хотела признания? Нет, — осознала Афн, — я проделала всё это, потому что... я — это я».

Афн оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть две маленькие головы, прячущиеся за камнем. Это за ней они наблюдали. Афн ощутила такое же чувство легкости, как при извержении Копьеголового, осознав, что всё это время они смотрели именно на неё. Они не об Арилу говорили, они говорили о ней.

Другая тема, которая встречается только в этом романе, но при этом тесно связана с темой невидимости, — желание слиться с традицией, со своими предками или со своим обществом и пагубность этого желания. Все обитатели острова имеют традиции, которые они ставят выше всего, с которыми не могут расстаться и отпадение от которых, как они думают, грозит им гибелью — как духовной, так и буквальной. Помимо Кружевных с их верой, на острове существует каста наёмных убийц под названием Странники Праха. Они покрывают всё своё тело краской синего цвета, сделанной из праха своих предков, и верят, что эта краска даёт им силу и неуязвимость, а если её смыть, они сейчас же умрут (а здесь, наверное, нужно вспомнить кельтских воинов, которые шли в битву обнажёнными, покрасив тело в синий цвет. А может быть, синего Кришну-разрушителя). Кавалькаста верит в то, что спокойная загробная жизнь их предков и их самих обеспечена правильным захоронением и подношениями на их могилах. Если правильно выполнить все ритуалы, ваши предки встретят вас за гробом, а если нет, вы никогда не обретёте покоя. Отдельные персонажи также стремятся быть полноценной частью своего общества и при жизни. Но по жестокой иронии судьбы, чем больше персонаж стремится слиться с традицией, тем больше страданий он наносит себе и окружающим.

Предки Кружевных пострадали из-за своей кровожадной (и полностью неверной) религии, и их потомки продолжают страдать за них. Дядюшка Лаш стремится обрести признание у своего народа и, отчаявшись в этом, предаёт их, частично просто от озлобленности, частично надеясь, что новые хозяева оставят ему жизнь и оценят его изделия. Но с ним случается именно то, чего он больше всего боялся. На языке Кружевных «умереть» буквально означает «потерять имя». Поэтому Афн, поклявшаяся отомстить губителям своего народа, пишет его имя, насколько это возможно, на медальоне, вешает Лашу на шею и срезает цепочку. Лишив скульптора его имени — буквально, — его изгоняют и забывают навсегда. А его драгоценные скульптуры Афн ещё раньше уничтожила в порыве гнева.

Чиновник Камбер, исповедующий своего рода мальтузианство наоборот, хочет очистить место для гробниц из благородных побуждений, можно сказать. У него самого предков нет:

Его собственная семья приплыла на остров поздно, всего век назад. К несчастью, их прибытие совпало с визитом особенно кровжадного пирата, который немедленно утопил их корабль. Бесценные урны предков и метрические записи погибли. Выжила лишь прапрабабушка

Камбера, выползшая на берег, родившая ребёнка и погибшая, не успев сказать, кто она такая.

Имя Камбера ничего не значило. Он не мог послужить своим предкам, они не могли его спасти. Без корней и без якоря, он плыл по течению. Он был никем. Он был проклят. И это давало ему странное ощущение свободы.

Но он, тем не менее, желает послужить своему народу и чужим предкам, дать другим возможность, которой нет у него. Но это-то ему и не удаётся: Афн срывает его планы, а сам он погибает в извержении вулкана (святыни того самого народа, который он пытался уничтожить). Не только никто его не помнит, но и дело его жизни не удалось — Кружевные выжили. Он, как и Лаш, полностью стёрт из человеческой памяти.

Напротив, люди, которые отвергают традицию и идут против течения, не только выживают, но и спасают окружающих. Афн присоединяется к Мстителям, чей устав требует убить убийцу, но обнаруживает, что не умеет убивать. Зато она умеет находить оставшихся Кружевных, собирать их вместе и ухаживать за слабыми и ранеными. Поэтому она отказывается от пути насилия, идя тем самым против традиции Мстителей, и сосредотачивается на том, чтобы спасти чужие жизни. Этим она отвергает не только традицию Мстителей, но и традицию собственного народа и основу собственной религии, в основе которой, как мы помним, лежит ритуальное убийство.

Граф из Кавалькасты, губернатор города Зависть, посвятивший свою жизнь уходу за могилами предков, обнаруживает, что Странники Праха разворовали весь прах его предтеч себе на краску. Вместо того, чтобы прийти в ярость и завопить о святотатстве, он встречает эту новость следующим образом:

— Все эти годы я... я... Я — сирота... Я одинок... Я... я... я... свободен.
— Он приподнялся на локте, разглядывая свои руки так, как будто они впервые принадлежали ему. — Я могу... могу делать что угодно. Могу уехать из Зависти! Могу разбить очки и сбежать босиком, чтобы стать... э-э... сапожником! Могу... могу жениться на экономке! У меня есть экономка? Я даже и не замечал, есть она или нет! Но теперь я могу нанять экономку! И жениться на ней!

После этого он объединяет силы с Кружевными и предоставляет им свой дом для убежища.

Арилу — единственная из Потерявшихся, кто выжил. Дело в том, что Потерявшиеся обладают коллективным сознанием и могут общаться телепатически. Поэтому их было так легко убить: на острове водятся жуки, от жужжания которых человек начинает неудержимо смеяться и в конце концов умирает от смеха. Достаточно было выпустить жуков в Школе Потерявшихся, где их души обычно собираются. Но дух Арилу не летал в Школу, потому что ей там было скучно. Вместо этого она улетала в чужую деревню, где жил чужой народ, и проводила там целые дни. Несвязное бормотание, которое мать Арилу не могла разобрать и поэтому считала её умственно отсталой, было звуками чужого языка. Арилу выбрала собственную идентичность, и это в буквальном смысле спасло ей жизнь, благодаря чему и стало возможным восстановление сети Потерявшихся, а вместе с ней и быта острова.

Спасти себя и других можно, только поняв, что живое важнее мёртвого и неживого, а настоящее важнее прошлого. Это простая мысль, но, как показывает история Острова Чаек, её очень сложно понять.

В следующей книге Хардинг продолжает развивать тему обезличивания, но обыгрывает её несколько по-другому. «Мухоловка» (Fly Trap, 2011) — продолжение истории Мошки Май и, возможно, если не наименее оригинальный, то наиболее похожий на другие книги роман Хардинг: люди знающие опознают в нём и «Город и город» Чайны Мьевилля, и «Уходящие из Омеласа» Урсулы ле Гуин — только вместо того, чтобы уйти из Омеласа, Мошка предпочла его сжечь. Но обо всём по порядку.

После месяцев бродяжничества Мошка Май, Одноимённый Клент и гусь-убийца Сарацин решают направить свои стопы в город под названием Побор — отчасти оттого, что это единственный город во всём Расколоте Королевстве, где Клент ещё не находится в розыске за *«мошенничество, подлог, распространение непристойной литературы, не имеющей печати одобрения, а также игру на шарманке без прав»*, отчасти оттого, что Мошке совершенно случайно удалось выяснить, что дочь мэра Побора собираются похитить, и наши герои надеются спасти барышню из беды, сделав таким образом доброе дело и выручив пару грошей для себя. Однако вновь прибывшим в Побор Мошке и Кленту местный чиновник сообщает:

Наш город, другими словами, дневной город, существует от рассвета до заката. Однако между закатом и рассветом извольте помнить, что никто из нас не существует, и ведите себя соответствующим образом.

Как мы помним, каждому человеку в Расколотом Королевстве покровительствует Возлюбленный — божок, в час которого этот человек родился и в честь которого этого человека назвали. В Поборе существует система разделения божков на условно злых и условно добрых. Люди, родившиеся в час доброго Возлюбленного, живут в Дневном Поборе, роскошном и красивом городе, как, например, Клент, который родился в час Фангавотта, Что Золотит Языки Сказителей И Увековечивает Великие Деяния. Мошка, с другой стороны, родилась в час Муховёрта, Повелителя Мух (почти Вельзевула), который считается в Поборе тёмным. Поэтому ей позволено существовать в дневном городе лишь три дня, после чего её отправляют в Ночной Побор, отделённый от Дневного посредством изощрённых архитектурных механизмов. Жители Ночного Побора поддерживают Дневной в чистоте, выполняя всю грязную работу, которую дневные жители делать не хотят, а сами существуют в нищете и бесправии. Мошка же занята там в основном тем, что пытается выжить посреди преступности, которая там, само собой, процветает, а в свободное время ищет способы связаться с Клентом и всё-таки спасти дочку мэра.

Конечно, подобная система общественного разделения совершенно абсурдна, и конечно, в этом весь смысл романа и состоит — любая система общественного разделения бессмысленна и основана на чистой случайности, в зависимости от того, повезло человеку родиться в соответствующих условиях или нет. Система дневных и ночных Возлюбленных священна, и именно поэтому её нередко пересматривают. Но дневных Возлюбленных часто списывают в ночные, а ночных в дневные никогда. Солгать о своем имени жители Побора тоже не могут, потому что имена священны, и взять чужое имя — святотатство. Поэтому нищему трудовому народу не остаётся ничего иного, как половину времени не существовать, а вторую половину — надеяться, что они скоро перестанут существовать. Но именно среди этих несуществующих появятся двое противоположных, но схожих людей, которые и разрушат Побор.

Первый из них — Арамай Коршун, предводитель Гильдии Слесарей. Если в «Мухе-однодневке» роль плохишей играли Гильдия Книгопечатников и секта Птицеловов, здесь эту должность исполняют именно Слесари, отвечающие за механизмы, разделяющие Дневной и Ночной Побор. Слесари делают настолько надёжные замки, что их не может открыть никто, кроме них самих. Поэтому после того, как Слесари поставят вам замки, у вас что-нибудь пропадёт, потом ещё что-нибудь, и ещё, и так до тех пор, пока вы не побежите просить о защите мэра своего вольного города. Мэр вашего города, в свою очередь, не понимает, что происходит, и бежит просить о помощи

хоть кого-нибудь. Этим кем-нибудь оказывается Арамай Коршун, который получает от мэра ключи и закрывает город навсегда. Потом та же история повторяется в другом городе, и так далее. Если кто-то переходит Слесарям дорогу или не желает сообщать им информацию, у них есть достаточно негигиеничные способы вас убедить: *«Из заднего помещения магазина вышел высокий Слесарь. Он снял перчатки, сунул их в карман и надел чистые»*.

В Поборе Коршун действует примерно так же. Поскольку он, как и значительное количество его людей, носит ночное имя, мэр города передает ему власть над ночными людьми — теми самыми нищими и ворами, которых он презирает и с которыми не хочет иметь ничего общего. Коршун для мэра — *«пёс на цепи, которого в дом не пустишь, но к делу можно пристроить»*. Естественно, роль пса на цепи не в силах удовлетворить амбиции слесаря и самопровозглашённого диктатора по совместительству, но этого-то мэр и не в состоянии понять в силу своего предрассудка. Он наивно полагает, что «ночные» люди ещё и думают по-другому, нежели «дневные», и что в силу их конституции им даже мысль в голову не придёт о том, что они тоже могли бы жить на дневной стороне. Само собой, ему вскоре приходится поплатиться за своё убеждение, когда Коршуну надоедает сидеть в темноте и он похищает Счастье Побора (городской талисман) и перехватывает власть у мэра. Коршун — ни в коем случае не герой: его люди обируют и без того нищих ночных жителей, не только регулярно собирая с них непомерные налоги под угрозой смерти, но и продавая им, живущим в темноте, дрова и хворост. Но он — символ того, что нельзя недооценивать людей в силу их происхождения.

Второй ночной житель, разрушивший Побор изнутри, — конечно же, Мошка. Как было сказано выше, имена священные, и поэтому солгать о том, что у тебя светлое имя, нельзя. Мошка *могла бы* солгать, потому что она считает себя атеисткой (втайне, разумеется), отказывается ходить в храмы и делать подношения. Но Мошка ещё и продукт своего общества. Пропустить службу в храме — одно дело; это верхняя, показная сторона религии. Но присвоить себе чужое имя — совсем другое дело, от этого её удерживает глубокий, нутряной страх. На этом держится весь её мир, и от этого она ещё не готова отказаться. Поэтому она раз за разом называет своё истинное имя — сначала из суеверия, а потом из гордости. Когда её выгоняют из Дневного Побора, она с радостью его покидает и уходит жить с нищими. Жениха дочери мэра, той самой, которую собирались похитить, она учит, как быть настоящим радикалом:

— Эй, ты что, на газоне стоишь?!

— Это только между мной и вами, — прошептала Мошка, — но весь радикализм в том, чтобы ходить по газонам.

Мошка также проникает в помещение, где хранят Счастье Побора, и приходит в ужас и гнев, ведь талисман города — это мальчик с самым светлым именем в городе (Парагон), которого с раннего детства держат в одиночной камере. Поэтому, когда она раскрывает махинации Коршуна, она решает спасти город и от него, и от самой себя. Для этого Мошка провоцирует пожар. Когда дома загораются, дневные жители сначала боятся выпустить вечерних из их домов, но, увидев, что те такие же люди, как и они сами, и что у них нет звериных голов, хвостов, или чего-нибудь ещё в этом духе, решают, что нет, в сущности, ничего страшного в том, чтобы спасти несуществующих людей от пожара. Всё население Побора сбегает, вновь объединившись, а Коршуну достаётся город. Пустой и сгоревший. Коршун, впрочем, не сердится на Мошку, а, напротив, предлагает ей сотрудничество. Мошка разумно отказывается, хотя это её бы озолотило, и уходит вместе с Клентом и гусем бродяжничать.

Отказ Мошки Коршуну, конечно, совершенно разумен, но главный злодей романа вовсе не он, а та самая дочка мэра, всеми обожаемая первая красавица в городе, которая инсценировала собственное похищение, чтобы получить выкуп. Несмотря на то что Побор, в соответствии с собственным именем, берет огромную пошлину со всех въезжающих, город беднеет, потому что в другом городе, являющемся портом, пришли к власти революционеры, и Побор оборвал торговые связи с ним. Повредило это, разумеется, исключительно Побору, и дочери мэра в том числе — ей пришлось отказаться от шоколада и засахаренных фиалок. Единственный разумный выход в такой ситуации — спланировать собственное похищение, получить выкуп и разбогатеть, а до тех пор — посылать своего жениха в ночной город участвовать в подпольных драках, где разыгрывают сладости, провозимые в город контрабандой. Мошка мстит и ей, раскрыв тайну её рождения: дочку мэра подменили при рождении, а на самом деле она, как и Мошка, родилась в час Мухомёрта. Любовь горожан в единый миг сменяется презрением, и барышня вместе с отцом сбегает из города, не в силах выдержать то, чему сама подвергала людей на протяжении всей жизни.

В следующем романе «Лицо, подобное стеклу» (A Face like Glass, 2012), Хардинг развивает метафору безликости/невидимости угнетённых ещё дальше — здесь эксплуататоры у трудящихся отбирают лицо в самом прямом смысле. Примерно за пятьсот лет до начала романа некая часть людей удалилась под землю и основала там город под названием Каверна. Городом

этим на протяжении всех пяти сотен лет управляет Великий Стюарт, у которого обе половины мозга и лица спят и бодрствуют по очереди. Великий Стюарт находится во главе двора, состоящего из семей ремесленников, также бессмертных. Ремесленники производят предметы роскоши, которые можно найти лишь в Каверне, — например, сыры, от которых испытывают видения, духи, подчиняющие вашу волю тому, кто ими надушился, и вина, отнимающие или дающие память. За счёт торговли этими духами и деликатесами, малая порция которых стоит целое состояние, с поверхностью Каверна и существует. Ремесленники-аристократы проводят своё бессмертие в кровавых битвах за власть, в то время как рабочие, то есть большинство населения города, их обслуживает. Некоторые из ремесленников, впрочем, не выдерживают бесконечных интриг и удаляются от двора, как, например, сыродел мастер Грандибль, который, хоть и не прекратил работать, но отгородил своё поместье от остального города сетью лабиринтов. В один прекрасный день он обнаружил, что в этих лабиринтах заблудилась девочка, страдавшая ужасным уродством — её лицо обладало бесконечным множеством выражений, которые менялись сами по себе.

Лица народа Каверны ничего не выражают. Для каждой эмоции им приходится заучивать отдельную физиономию. Ремесленники, которые изобретают и преподают эти физиономии, называются Лицедеями. Чем богаче человек, тем больше выражений он может себе позволить, и, соответственно, тем утончённее и богаче его чувства представляются окружающим. Гражданин среднего достатка обходится двумя-тремя сотнями выражений, самые богатые обладают целой коллекцией таких экзотических гримас, как «Барсук в спячке», «Фиалка, дрожащая под неожиданным ливнем» или «Опасение перед ветвями яблони». А рабочие, которые, помимо всего прочего, живут в нищете и мечтать не могут о бессмертии, также достигаемом с помощью особых препаратов, обладают лишь двумя-тремя выражениями, выражающими исключительно покорность и послушание. Да, крестьянки в этом мире любить не умеют, так же, как гневаться или сердиться. Аристократы оправдывают это тем, что так будет лучше для них самих:

Представь, если бы детей рабочих учили несчастным лицам — тогда они бы вырастали с мыслью о том, что они могут быть несчастными. Они оглядывались бы вокруг, видели несчастье на лицах других, и от этого возрастало бы их собственное несчастье. Но если они достаточно долго носят счастливое лицо, в конце концов они начинают верить, что счастливы на самом деле. Ведь нет никакой разницы между тем,

чтобы быть счастливым, и тем, чтобы думать, что ты счастлив, правда?

Но настоящая причина кроется в другом:

Как могли рабочие восстать против своих мучителей, таких, как надзиратель? Бунтующие должны смотреть друг на друга, видеть отражение собственного гнева и знать, что их чувства — часть великого потока. Но каждый рабочий, глядя на своих товарищей, видел лишь спокойные, смирные лица, ожидающие приказов.

Говорят, что в Древнем Риме рабы никаким образом не выделялись внешне, чтобы они не осознавали, сколько их. Но хозяева этого мира обладают куда большими возможностями.

Разумеется, девочка с лицом, которое не умеет лгать, не смогла бы выжить в подобном городе. Поэтому мастер Грандибль сжалился над ней, удочерил её и заставил повсюду носить маску. И всё было бы хорошо, если бы однажды Неверфелл (так называли девочку) не сбежала из лабиринта Грандибля, чтобы спасти его из беды, в которую сама же его и вовлекла. Из-за своей наивности, искренности и незнания жизни за пределами дома она мгновенно попадает в руки аристократов, каждый из которых стремится использовать её в своих играх.

Использование людей друг другом — основа всего романа. Люди Каверны производят ресурсы, но и сами они — ресурс. Аристократы не только живут за счет рабочих, но и пробуют на них новые яды, чтобы их усовершенствовать и использовать против своих противников. Неверфелл со своим лицом, подобным стеклу, находится в чуть лучшем положении, нежели рабочие, но ненамного, ведь её тоже стремятся использовать. Некоторые аристократы хотят заполучить девочку к себе в дом, потому что хозяева такой маленькой чудачки будут выглядеть модными и интересными на фоне других — как если бы она была комнатной собачкой или, скажем, «арапом» в доме русского или французского аристократа. Некоторые хотят использовать её как детектор лжи. Дамы-Лицедейки, которым Неверфелл попадаетеся на пути, намереваются отрезать ей голову, поставить на подставку и изучить, как она работает. А Великий Стюарт, который за пятьсот лет непрерывного правления бесконечно пресытился жизнью, находит в ней способ снова испытывать эмоции, глядя на её лицо, в котором отражаются её чувства и ощущения, и живя через неё.

Помимо своего лица, Неверфелл также немного безумна и неуправляема — *«ей пришлось немного сойти с ума, чтобы не сойти с ума полностью»*. Но её безумие вместе с её правдивостью из недостатка превращается в преимущество — в конце концов, если в мире, построенном на угнетении и эксплуатации, вас считают сумасшедшим, это лучше, чем если бы вас считали нормальным. Во время банкета она спасает жизнь молодому слуге, пролившему вино на скатерть:

Юноша застыл, уставившись на пятно. В его пустом и вежливом лице не пошевелился ни один мускул, но Неверфелл расслышала мгновенный, приглушенный возглас неподдельного ужаса и смертельного страха. Она мгновенно вспомнила слова Зоэлль о том, что даже малейшая ошибка стоит слуге больше собственной жизни.

Неверфелл даже не успела принять решение — она просто должна была это сделать и сделала. Она взмахнула рукой, опрокинув кубок. Вино разлилось по всей скатерти и скрыло пятно, прежде чем его увидел кто-нибудь ещё.

Этот самый слуга не забудет о том, что она сделала для него, и спасёт её жизнь.

— Мы бережём своих, потому что больше беречь нас некому. Ты знаешь, сколько придворных пожелали пожертвовать своей жизнью ради одного из нас?

— Нет. Сколько?

— Одна, — последовал ответ. — Ровно одна за пять сотен лет.

Неверфелл учит рабочих, как изобразить лицом гнев. Учит как умеет, то есть не очень хорошо, но этого оказывается достаточно:

Дознавательница поглядела в телескоп и увидела, что все рабочие делали со своим лицом нечто странное. Пальцами они оттягивали кожу под глазами и растягивали рот.

Само по себе каждое такое лицо выглядело нелепо и немного смешно, но в сотне искажённых подобным образом лиц было нечто тревожное. Превосходные инстинкты дознавательницы Требль говорили ей, что она видит лицо революции.

Вместе с рабочими Неверфелл свергает власть аристократов и выводит их на поверхность земли, навстречу солнцу и свежему воздуху. В том, что это делает именно она, есть некая ироническая справедливость, потому что Неверфелл не просто подвергается эксплуатации, а появляется в Каверне благодаря ей.

Самая знаменитая Лицедейка Каверны — мадам Аппелин, которая прославилась благодаря открытому ей Трагическому Диапазону — серии очень грустных, красивых и редких выражений лица. У неё такие же рыжие волосы и зелёные глаза, как у Неверфелл, и каждый раз, когда она видит девочку, она изображает лицом невероятное страдание. Неверфелл (а вместе с ней и читатель) догадывается, что она — незаконнорождённая дочь мадам Аппелин, и начинает её преследовать, пытаясь выяснить правду. В самом конце романа она проникает в потайную комнату мадам Аппелин, где видит десятки рисунков, на которых изображено лицо рыжеволосой женщины с зелёными глазами, искажённое страданием. Это и есть мать Неверфелл — женщина, которую мадам Аппелин украла с поверхности вместе с её младенцем и на протяжении недель морила голодом и отнимала у неё дочь, чтобы причинить ей муки, запечатлеть её лицо в этот момент и использовать в своей карьере. Разгневанная Неверфелл наносит Лицедейке царапину, всё ещё не в силах убить женщину, так похожую на свою мать. Но царапины оказывается достаточно, чтобы плотоядное растение, которое жители подземного города используют для освещения, почуяло кровь и проглотило хозяйку. Даже неразумные объекты эксплуатации мстят хозяевам в романе!

Как и предыдущий роман, «Лицо, подобное стеклу» показывает, что систему можно разрушить только изнутри и только силами угнетаемых.

Следующая книга автора, «Песнь кукушки» (Cuckoo Song, 2014) сильно отличается от предыдущих трёх: это семейная драма с элементами романа ужасов. Главная героиня, одиннадцатилетняя Трисс Кресент, в один далеко не прекрасный день вернулась домой с озера, промокнув до нитки, перепугавшись до смерти и не в силах вспомнить, кто она и как её зовут. На следующий день к ней начинают возвращаться воспоминания, но вместе с тем начинается твориться нечто странное: куклы и птицы разговаривают с ней, листья и ветки сыплются из её волос, младшая сестра отказывается оставаться с ней в одной комнате и говорит, что «это не она», а голос в голове каждое утро отсчитывает дни, которые ей остались. После долгих и мучительных сомнений Трисс наконец-то выясняет правду: её младшая сестрёнка Пен, которую другой персонаж описывает как *«одну из тех, кто никогда не будет счастлив, но сделает мир намного интереснее в своих попытках та-*

ковою стать», заключила сделку с королем эльфов, или доброго народца (в романе их называют Посторонними). Пен устала от того, что родители отдавали всю любовь и внимание старшей сестре, а ею пренебрегали, объявив безнадёжной, и попросила короля эльфов сделать так, чтобы её больше не было. Тот так и сделал, забрав настоящую Трисс, а взамен оставив подменыша — живую куклу, сделанную из веток, листьев и прочего хлама. Эта кукла и есть главная героиня. Только делали её с расчётом на то, что она будет отвлекать внимание Кресентов на протяжении недели, а потом рассыплется. И теперь Лжетрисс вместе со своей вновь раскаявшейся «сестрой» должна спасти не только свою жизнь, но и жизнь той, чьё место она заняла.

Главная тема, которую рассматривает данный роман, — «нормальный» мир глазами изгоя. Первый изгой, которого мы встречаем, — конечно же, Лжетрисс. Её «родители» сначала осыпают её всей чрезмерной любовью и заботой, на которую способны, исполняя все её прихоти и не давая ей шагу ступить без необходимости. Но со временем они начинают замечать, что с ней что-то не так. Эта девочка выглядит, как их дочь, ведёт себя, как их дочь, обладает всеми воспоминаниями их дочери и искренне к ним привязана, но тем не менее, в ней есть нечто незнакомое, чужое, что-то, чего они не понимают и, следовательно, боятся. Она — почти их дитя, но не совсем, чего-то ей не хватает для полного совершенства, чтобы быть их настоящей дочерью, той, которую они хотят видеть. Когда правда раскрывается, Кресенты без зазрения совести готовы сжечь подменыша в камине, как того и требует британский фольклор. Они совершенно искренне готовы убить ту самую девочку, которую ещё вчера баловали, потому что уверены, что так будет лучше для всех и что если они сожгут Лжетрисс, то их настоящая идеальная дочь к ним вернётся. Они неправы — если бы они её сожгли, то настоящая Трисс тоже погибла бы от рук Посторонних, — но об этом они не знают. Нетрудно увидеть в этой ситуации аллегорию гомосексуализма или, скажем, психического расстройства, а вернее, того, как их воспринимает общество. Особенно ярко эту аналогию подчеркивают слова другой героини, Вайолет, о Трисс-подменыше:

О нет, ну разве смогу я тебя понять! Я знаю — однажды ты проснулась и обнаружила, что не можешь быть той, кем была, или помнишь, что была той девочкой, которую все ожидают видеть. Ты просто не была ею больше, и всё, и ничего не могла поделать. Поверь мне, я тебя понимаю. И знаешь, что я тебе скажу, как чудовище чудовищу? Если кто-то говорит, что ты — чудовище, это ещё не значит, что так и есть.

Вайолет — тоже изгой, хотя и другого рода. Она была невестой Себастиана, старшего брата Трисс и единственного сына Кресентов. Но Себастиан ушёл на войну («война» в романе — это Первая Мировая Война) и не вернулся. Вайолет — со всех сторон ужасная женщина, по крайней мере, так считают Кресенты. Она стрижет волосы, курит, танцует джаз, общается с беднотой и ездит на мотоцикле. Помимо этого, она также работает на нескольких работах, пытаясь обеспечить свою самостоятельность, но этого недостаточно, чтобы считать её хорошим человеком, потому что общество, в котором она живёт, ставит внешнее превыше внутреннего. Конечно же, флапперу вроде Вайолет в нём места нет.

И третий изгой, вернее, целая группа их — «добрый народец», подаривший Кресентам новую дочь. С развитием сюжета читатель постепенно понимает, что автор упорно называет их Посторонними вместо более привычных и простых «эльфов» или «фей» не просто так. Они живут в части города, называемой Подполье (в их случае это скорее подмостье — их поселение расположено буквально на обратной стороне моста). Больше всего они боятся, что о них могут узнать. Посторонние почти никогда не покидают Подполье, а если и покидают, то испытывают заметные трудности при попытке слиться с окружающей средой. Вот как они общаются с официантками в кафе:

— Принесите нам масла, масла! Хлеба не нужно.

— Добрый вечер. Я здесь не для того, чтобы вас поглотить. А теперь принесите мне сласти, дабы я мог сойти за вам подобного.

— Стаканчик ваших слёз, милая. Что? Ах, ну тогда чаю.

Если человек идёт в Подполье, ему приходится соблюдать запутанный ритуал, для него совершенно непонятный, но для Посторонних имеющий огромную важность:

Найди петуха и нож или кинжал... Иди вниз по Меддларс-Лэйн до моста, зайди под мост, встань лицом к кирпичной кладке и начинай шагать, и шагай до тех пор, пока не стихнет звук автомобилей и ты не начнёшь понимать речь чаек...

Те немногие, кто знает о существовании Посторонних, считает их опасными, но, как выясняется, Посторонние вредят людям, только если те напали первыми — или, как Пен, сами потребовали от них навредить. Среди них бывают злодеи, но не чаще, чем среди людей. Посторонние, которых мы

встречаем, имеют профессию и живут трудом: король эльфов — Архитектор (похоже, его так и зовут), Посторонний, который сделал Лжетрисс, — лучший в своём деле портной. Они приехали в большой город лишь для того, чтобы выжить — Посторонние живут хаосом и изменчивостью, разум и надёжность их убивает. Жизнь большого города как раз хаотична и изменчива, в нём перемешаны тысячи самых разных идей и людей и никто никого не знает. Наконец, Посторонний портной прямым текстом заявляет о Подполье: *«Этот городок — лагерь беженцев. Мы здесь не потому, что нам так хочется, а потому что нам больше некуда идти»*.

Одним словом, Посторонние — очень прозрачный намёк на эмигрантов, которые на своей новой родине зачастую оказываются в (метафорическом) подполье, объявляются чудовищами и криминализуются.

Какой же совет даёт роман изгоям? Такой же, как и предыдущие книги, — не пытаться изменить свою природу, даже если другие объявляют вас чудовищем, а искать в ней преимущества. К концу романа Лжетрисс обретает жизнь, получив собственное, настоящее, имя — Триста — вместо чужого имени. Вайолет, которая лишилась собственной семьи, не успев её обрести, удочеряет Трису, у которой своей семьи никогда не было. Посторонние заключают мирный союз с людьми. Может быть, Посторонние и несут хаос, но хаос — это не обязательно плохо.

«Что происходит с изгоями? — подумала Триста. — Неужели мы — всего лишь паданцы, которые падают с дерева и гниют?»

— Мы как призраки, — сказала она вслух. Ей было грустно. — Настоящая жизнь продолжается — работы, семьи, статьи в газетах, — а мы за её пределами.

— Неправда, — мрачно возразила ей Вайолет. — Это они призраки — Кресенты и остальные. Держатся за прошлое, за то, как всё было раньше, и притворяются, что ничего не изменилось. Всё меняется, ломается, перестаёт работать — и мы с тобой это знаем. Мир ломается, меняется, пляшет и никогда не останавливается. Такова жизнь, такой она и должна быть.

Эти слова Вайолет подошли бы и к следующему и на данный момент последнему роману Хардинг — «Древо лжи» (The Lie Tree, 2015), посвящённому важнейшему изменению из всех — эволюции, как биологической, так и общественной.

Главная героиня романа — Вера, дочь священника Эразма Сандерли, который в свободное время балуется палеонтологией. Сандерли пользуется

славой и уважением как за свою религиозную, так и за научную деятельность, пока однажды его не обвиняют в подделке одной из своих находок. Его преподобие сбегает с семьёй на маленький остров в надежде, что хотя бы до этого захоlustя не добрались новости о его позоре. Но его расчёты оказываются ошибочными, и островитяне объявляют семье Сандерли бойкот, больше всех от которого страдают, разумеется, женщины — Вера и её мать Миртл. В самый напряжённый момент отец семейства погибает при загадочных обстоятельствах. Все убеждены, что это — несчастный случай или самоубийство, кроме Веры, которая боготворит отца, несмотря на то, что тот всегда пренебрегал ею в пользу своей работы и её младшего брата Говарда. Вера начинает собственное расследование в меру своих сил и, к собственному удивлению, обнаруживает, что сил у неё немало.

Добравшись до дневников отца, она выясняет, что обвинения его преподобия в подделке его находок были полностью обоснованы. Эразм Сандерли привёз из Китая загадочное растение, которое он окрестил Древом лжи и посадил в одной из пещер на острове. Дерево Лжи, как и сама ложь, боится света и может существовать лишь в темноте. Для того, чтобы оно дало плод, необходимо прошептать Древу ложь, которой люди хотели бы верить, и распространить её как можно дальше — чем дальше, тем больше будет плод. Тому, кто это плод съест, откроется тайна.

Трудно было бы найти место, лучшее, чем викторианская Англия, чтобы привезти туда Дерево лжи. То было общество, построенное на лжи и укрывательстве, и главной его жертвой были женщины всех сословий. Фрэнсис Хардинг и до этой книги всегда была очень феминистическим автором — во всех романах, кроме «Яри-медянки», главные герои — девочки, кроме того, в каждой книге есть женщина — отрицательный персонаж, главный или второстепенный, а также несколько «нейтральных» героинь, важных для сюжета. Любовные линии у женщин и девушек бывают редко, а если и бывают, то не являются центром сюжета. Тем не менее, «Дерево лжи» — первая её книга, полностью посвящённая женскому вопросу.

Женщинам лгут, что их предназначение — быть придатком к мужчине — супругу или сыну, как Миртл, или брату и отцу, как Вера, и что они самой природой не предназначены для того, чтобы хотеть чего-то большего или просто другого. Мужчины лгут женщинам и друг другу, что женщина для них, несмотря на её предполагаемую никчемность, — святыня, и что их долг — защищать её в первую очередь. В том, что это — ложь, Вере приходится убедиться на собственном опыте:

— Замолчи! — Сейчас дядя Майлс был выше, чем когда-либо. — Где бумаги? — Он сильно встряхнул Веру, держа её за шею. Она попыталась ослабить хватку его пальцев, но он лишь сжал их сильнее и потащил её прочь из комнаты. — Показывай!

Вера не была сильной, и никто никогда ещё этим не пользовался. Но теперь она понимала: всё это время за каждой улыбкой, каждым поклоном, каждой уступкой, которой пользовался её пол, пряталась угроза. Покрывало порвалось и обнажило истину во всём её уродстве. Её туфли скользили по полу, у подножия лестницы она наступила на свою юбку и упала на ступеньки. Падение причинило ей боль.

Дядя Майлс без промедления рывком поднял её. Вера повернулась и ударила его, так сильно, как только могла. Гнев исказил его лицо и покрыл его мягкими, мерзкими вздутиями, похожими на пузырьки на каше. Она знала, что он ударит её в ответ и разобьёт её лицо, как меренгу.

Женщинам лжет не только общество, но даже наука, которая должна была бы сохранять беспристрастность и объективность. Так, естествоиспытатели убеждены, что череп женщины меньше, чем череп мужчины, а значит, сама природа постановила женщинам быть глупее. Когда краниометрист измеряет голову Веры и обнаруживает, что результаты не соответствуют ожидаемым, он их округляет. Человеком по умолчанию является мужчина: когда до Веры доходит слух, что у начальницы почты на острове есть тайная любовь, она начинает перебирать кандидатуры известных ей джентльменов. Ей и в голову не приходит, что на самом деле это экономка в её, Веры, доме. Когда Вера ищет убийцу своего отца, она представляет его себе как мужчину. Знакомые ей женщины попадают под её подозрение в последнюю очередь.

Но женщины и сами лгут — частично подыгрывая мужчинам, частично ведя собственную игру. Мать Веры, Миртл, всеми силами пытается выдать смерть мужа за несчастный случай, а не за убийство или, хуже того, самоубийство, ведь то, как события выглядят, важнее истины. Вера ненавидит свою мать — ведь она такая мелкая и приземлённая и заботится лишь о своей внешности и новых нарядах, не чета гениальному отцу Веры, мысль которого пронзает облака. Когда Вера видит, как Миртл флиртует с коронёром буквально у гроба покойного супруга, она упрекает её в том, что она «башмаков ещё не сносила». Миртл справедливо приходит в ярость, и выясняется, что единственная причина, по которой она строила глазки врачу, — попытка убедить его подделать заключение и выдать смерть его преподобия за

несчастный случай. Всё, что Миртл делает, все её наряды, все заигрывания с богатыми мужчинами, которые кажутся столь непринуждёнными, — всё это лишь ради того, чтобы защитить и обеспечить её детей от человека, у которого при жизни не находилось для неё даже доброго слова. Миртл считает себя счастливой женой. Почему? Потому что её гениальный супруг с его возвышенными мыслями никогда её не бил, не бил, и если у него и были любовницы, он умел держать их в тайне.

Гениальный отец Веры — тоже лжец. Теория Дарвина подвергла веру христианского мира в Бога нешуточному испытанию, и Эразм Сандерли не был исключением. Он использовал Древо лжи, чтобы получить ответ на единственный вопрос, который его волновал, — как произошёл человек? Для этого он изготовил поддельный слепок, получивший имя Нью-Фэлтонского Нефилима, — слепок перьев на плече, похожем на человеческое, якобы подтверждающий истинность Ветхого Завета. Истинность Библии — ложь, в которую многие люди хотели и хотят верить, поэтому Древо лжи наградило его преподобие следующим видением:

Я был в клубе, и кто-то дал мне «О происхождении видов». Я попытался читать, но слова плясали и ускользали от моего взора. Я поднял руку, чтобы потереть глаза, и почувствовал, что моему лицу щекотно. Мои пальцы были покрыты мехом.

Я увидел своё отражение в серебряной крышке табакерки. Над моим галстуком раскрылась бурая волчья пасть с длинными клыками и резцами.

Сандерли не хотел верить, что человек на самом деле — бездушное животное, а не образ и подобие Божье, и собирался продолжить свои «исследования», но убийство их прервало.

Вера использует Древо, чтобы получить информацию о том, кто убил её отца. Для этого она распускает по острову слухи о том, что призрак его преподобия бродит по окрестностям, не находя покоя, и что на острове спрятано сокровище. Поскольку она — девушка-подросток, то есть женщина, никому не принадлежащая, а поэтому опасная для самой себя и, более того, для окружающих мужчин — не ровен час она их введёт во искушение, — её возможности ограничены стенами собственного дома. Но она обращает свой недостаток в преимущество, вкладывая слухи в умы прислуги, своего маленького брата, гостей, заходящих полюбоваться на красавицу-вдову. Когда же Вера наконец-то достигает своей цели и находит убийцу своего отца, весь её мир переворачивается, потому что в этом человеке она узнаёт себя.

Это жена местного естествоиспытателя Агата Винтерборн, которая мстила его преподобию за то, что тот сгноил предыдущего её супруга, тоже естествоиспытателя, в китайской тюрьме и украл у неё Древо. Вернее, эта женщина и есть естествоиспытатель, а не её мужья. Она манипулировала своими супругами, занимаясь наукой через них, потому что знала, что женщину в научных кругах никогда не воспримут всерьёз. В лучшем случае её ждали насмешки, в худшем — сумасшедший дом.

Желая отомстить убийце отца, Вера уничтожает Древо. Агата, лишившись вместе с уникальным растением смысла жизни, бросается с обрыва. О ней забывают все, кроме Веры и её мужа. Тот искренне её оплакивает, но и тогда единственное, что он может о ней сказать, это: *«Она была моим якорем, моей пристанью в буре, что называется мир. Я засыпал, потому что знал, что она рядом. Как я теперь усну?»*

Ни слова о её уме, ни слова о её находках. В рамки женской добродетели это не входит.

Поражённая горькими примерами Агаты и собственной матери, Вера решает разорвать цепь зла и лжи. Символически уничтожив Древо, она приходит к выводу, что несмотря на его уникальность, практического толка от него было мало — видения были всего лишь подсознательным выражением того, о чём она и её отец уже догадывались. У этого романа Хардинг, пожалуй, самая мрачная концовка: Вера не видит в своём будущем ни славы, ни любви, ни признания, ни успеха, а лишь тяготы и насмешки, но все равно избирает путь естествоиспытательницы во имя науки и во имя других. Отвергнув свою ошибочную религию и приняв решение жить ради людей и ради истины, она становится большим ученым, чем её отец, который не заботился ни о ком, кроме себя, и пытался подогнать науку под свои убеждения.

Если Вера станет естествоиспытателем, то ей, женщине, скорее всего, всю жизнь будут сопутствовать насмешки, снисхождение и пренебрежение. Вероятно, она станет непригодной для брака. На что же она будет жить и заниматься наукой?

Может быть, она будет ездить за границу на раскопки и покроет себя позором, путешествуя в одиночестве. Может быть, она выйдет замуж, и все её труды припишут мужу, как это случилось с Агатой. Может быть, она умрёт старой девой без гроша, и у её смертного ложа будет только собрание кораллов.

И может быть, когда-нибудь, спустя годы, какая-нибудь девочка будет листать книги отца, увидит примечание в учёном журнале и про-

читает имя — Вера Сандерли. «Вера? — подумает она. — Это ведь женское имя. Это женщина сделала. Если это правда... то я тоже смогу». И маленький огонь надежды, веры в себя и целеустремлённости зажёгся и в другом сердце.

— Я устала от лжи, — сказала Вера. — Я не хочу скрываться, как скрывалась Агата.

— Так чего же ты хочешь? — спросила Миртл.

— Я хочу оказать содействие эволюции.

«Древо лжи» — дань памяти всем женщинам, которым отказывали в голосе, и дань солидарности всем, кому в нём отказывают сегодня и откажут в будущем, а также напоминание о том, что всегда нужно искать правду, даже если ложь вам слышать приятнее.

Фрэнсис Хардинг — автор, очень нужный нам сегодня, и блестящий пример сочетания равновеликих формы и содержания: прекрасного языка, богатого игрой слов и нестандартными метафорами, и сложных многослойных философских идей. Если бы о ней слышало больше людей и её творчество лучше освещалось средствами массовой информации, она бы, возможно, вошла в историю британской антиавторитарной литературы, начинающейся со Свифта, Мильтона и Блейка, а в наши дни находящей своих представителей в Чайне Мьевилле, Филипе Пулмане, в некотором роде Терри Пратчетте и многих других авторах. Однако качество литературы — не единственный фактор, который влияет на её успех. Книги Хардинг трудно даже описать, не говоря уже о том, чтобы втиснуть их в узкие рамки маркетинговых категорий, поэтому ей бывает трудно найти путь к своему читателю. С другой стороны, её произведения были не однажды отмечены литературными премиями, поэтому надежда на то, что рано или поздно к Хардинг придёт успех, остаётся. Будем же надеяться, что это случится скорее рано, чем поздно, и пожелаем ей долгой и успешной карьеры.

«Эхопраксия» Питера Уоттса

Питер Уоттс. Эхопраксия (роман, перевод Н. Кудрявцева). М.: АСТ, 2015 г.

Этот роман оказался тяжелым чтением, по крайней мере сравнительно со своим предшественником — «Ложной слепотой» (разбор этого произведения см. в нашем [альманахе № 2](#), стр. 71). Та была как-то интересней и более гладко написана; здесь же такое впечатление, что эпизоды связаны не столько логикой, сколько бредом. Не облегчают понимание и обильные псевдо-неологизмы для обозначения реалий фантастического будущего (что присутствовало и ранее). Впрочем, не берусь судить, насколько во всем этом велик вклад переводчика, а не автора.

Но главное, что нас здесь интересует, присутствует в полном объеме. Это — слепок коллективного сознательного и бессознательного современного буржуазного общества, причем в изложении его интеллектуальной элиты. Текст является до некоторой степени продуктом коллективного творчества — таков уж метод работы автора, как он сам описывает в послесловии: оживленные и горячие обсуждения в близкой автору среде ученых-позитивистов. Отсюда понятно происхождение многочисленных новых и парадоксальных естественнонаучных фактов, которыми полны страницы обеих книг и из которых выводятся столь далеко идущие прямо-таки философские следствия.

Например, посмотрим на сами заглавия. «Ложная слепота» о том, что нас обманывают собственные чувства, а «Эхопраксия» (эхопраксия — подражательный автоматизм) — о том, что могут обмануть (использовать нас во вред нашим собственным интересам) и социальные коммуникации, принимающие форму некоего патологического сбоя. Вообще, рассматривая оба романа вместе, можно заметить, что в «Ложной слепоте» автор рассуждает с точки зрения субъективного идеалиста, пределом для которого является солипсизм, а в «Эхопраксии» исследует уже объективный идеализм, доходя до

волюнтаризма. Под волюнтаризмом я здесь понимаю признание существования некоей (скорее всего, божественной) мировой воли, определяющей (в крайних проявлениях волюнтаризма — вплоть до каждого мгновения) течение всех процессов во Вселенной. Этим отрицается возможность познания объективных законов движения материального мира, в частности, что особенно близко автору, — законов общественного развития.

Надо заметить, что автор — продукт нашей современной эпохи, эпохи манипулятивных СМИ, политиков-марионеток, НЛП и т. п. Поэтому и мировая воля у него распадается на иерархию воль разного уровня по возможностям манипулирования нижележащими, по, так сказать, продвинутости и прокачанности.

На самом нижнем уровне находится «маленький человек», натурал (так называемый «исходник») без сильных искусственных улучшений. Таков главный герой, ставший ко времени повествования уже анахронизмом.

Выше идут «синтеты» и пр., наделенные значительными когнитивными улучшениями. К натуралам они относятся как к тараканам, оговариваясь, что уважают их за простоту и живучесть устройства.

Еще выше вампиры, воссозданный из небытия за свои превосходные качества (несмотря на огромную их опасность) вид сапиенсов.

С ними конкурируют «монахи-двухпалатники», способные соединять в сеть свои мыслительные способности. Слабые разумом натуралы не способны не только постичь Истину, но и понять постигших ее монахов.

— Дело не в том, что у них нет ответов, — ответил Мур, помедлив.
— А в том, что мы, по большей части, не можем их понять. Можно, конечно, прибегнуть к аналогиям. Запахнуть трансгуманистические озарения в крошечные формочки человеческих представлений. Но тогда получишь, в основном, кровоточащие метафоры с переломанными костями.

Где-то далеко находится Бог (которого и пытаются познать монахи), источник чудес, т. е. нарушений физических законов во Вселенной. Сама Вселенная, возможно, виртуальна.

Числа не просто описывали реальность: они и были реальностью, дискретными ступенчатыми функциями, которые, идя по длине Планка, сглаживались до иллюзии материи. Тараканы все еще ссорились по поводу деталей, хотя те, скорее всего, давно прояснили их не по годам развитые дети. Вот только отписать родителям забыли: что такое Все-

ленная — голограмма или симуляция? А ее граница? Программа или всего лишь интерфейс? И если последний вариант правильный, то кто сидел с другой стороны и наблюдал за работой реальности?

Нарушения физических законов понимаются по-компьютерному, как сбой в работе квантовой операционной системы, соответственно Бог понимается как потенциально опасный вирус. Сразу же ставится задача зачислить Вселенную от Бога, тем более, что скоро оказывается, что тот настойчиво пытается взломать техно-, психо- и вообще (как сказали бы некоторые) «ноосферу» человечества.

— Никто себя не контролирует, Дэниэл. Неужели ты думаешь, что у тебя в голове нет зомби-переключателя? Неужели ты думаешь, его нет у остальных? Мы все — лишь наблюдатели. Это пришествие Господа — вот что это такое. Бог уже в пути. Здесь всем заправляют Ангелы Астероидов...

Снова ангелы. Божественные манипуляторы с дистанционным управлением, могущественные создания без души и воли. Марионетки Господа Бога.

Джим Мур превращался в одного из них прямо на глазах.

На фоне клонящегося к гибели человечества двухпалатники организуют экспедицию, собранную из лучших сил всех видов и разновидностей человечества, к месту уязвимости Солнечной системы, возникшему в связи с предыдущей экспедицией из «Ложной слепоты». Организуют в порядке манипуляции — некий рок с необоримой силой как бы стаскивает всех к месту и моменту старта. Главный герой и вовсе почти до конца романа воспринимает свое участие как случайность.

Во время экспедиции все участники «на взводе», подозревают везде манипуляции, отчаянно борются с манипуляциями друг друга, гибнут, убивают и подставляют друг друга. В итоге уже после возвращения на Землю выживают только «простейшие». Главный герой при этом оказывается носителем ненароком подхваченного вируса бога в своем сознании, т. е. пророком. В пустыне ему предстоит испытать соответствующее искушение. Но наш герой, несмотря на очевидные аналогии с известным сюжетом, оказывается на высоте и убивает себя вместе с вирусом, прерывая цепь манипуляций.

Таким образом, автор, несмотря на заявленные ранее позиции, всё же наследует гуманистическую традицию мировой литературы — его герой,

обычный маленький человек, утверждает свое достоинство и выходит победителем.

Следует заметить, что автор трактует своего бога сугубо натуралистически, как некую внешнюю могущественную силу. Такая трактовка не позволяет отличить бога от любого могущественного инопланетянина, что сам же автор и вскрывает в одном из диалогов. Кроме того, такой бог неотличим от дьявола, что, впрочем, не принципиально. Как говорят некоторые теологи, дьявол — это то в боге, что нам непонятно.

Автор предельно далек от того понимания, что бог является феноменом общественного сознания, иллюзорной и фантастической формой, в которой общество осознает само себя, свое единство и соединенную силу.

Продолжая исследовать основы представленного в романах мировоззрения, можно заметить следующее. Если для нас сущность человека не индивидуальна, то для автора она именно что индивидуальна. Для нас сущность человека определяется сетью его общественных отношений, но при этом он является индивидом со свободой воли. Сила и свобода каждого определяются силой и свободой всего общества, и в свою очередь определяют их. Т. е., чем более свободно и всесторонне развиты собственные силы каждого, тем более богато и свободно всё общество.

У автора индивид противостоит всем и конкурирует со всеми. Его сила — это только его особые способности, отсюда их безмерная накачка всеми (в т. ч. непроверенными и потенциально опасными) способами. Чего-то достичь можно или крайним индивидуализмом (тут чемпионы — вампиры), или полной потерей индивидуальности в рое, как двухпалатники. Но в любом случае индивид теряет свободу воли — или отказывается от нее, или оказывается игрушкой внешних сил. Диалектика индивидуального и коллективного для автора недоступна, но он честен и заменяет ее таким вот парадоксом — индивидуализм оборачивается потерей индивидуальной свободы.

Чтение этого произведения натолкнуло и на дальнейшие философские размышления. Например, по Гоббсу, люди равны, поскольку могут убить друг друга. И, можно добавить, настолько равны, насколько в этом успешны. Герои фантастики определенного рода, в том числе и у Уоттса, словно постоянно практикуются в утверждении этой философии. При этом никаких оснований подобная философия в реалиях современной американской жизни вроде бы не может найти. Или может?

В книге присутствует еще один расхожий мотив: если корабль достаточно далеко оторвался от Земли и возвращение становится проблематичным, то продолжают ли еще действовать земные законы? Действует ли еще запрет на то же убийство? Здесь у меня как читателя опять же возникает вопрос об источниках этой навязчивой идеи: вроде бы сама историческая американская практика, жизнь на постепенно продвигающемся фронтире, на западной границе, где государство с его законами отсутствовало, разве она, эта практика, не давала пример разрешения проблемы самоорганизации и, в общем, отсутствия анархии и войны всех против всех? Или именно это ощущение свободы от высшей законности, от ответственности человека как родового существа перед своим родом и объясняет ту легкость, с которой записными христианами порой осуществлялось истребление, непосредственное физическое избиение коренных жителей?

Мне тут еще вспоминается фурур, который произвели в США в 1960 г. четыре стройбатовца во главе с Зиганшиным, унесенные в море на барже. В самом деле, почему не вцепились друг другу в глотки из-за последней картофелины? Если бога нет, то всё позволено. Или если бог есть, то всё позволено? Ведь из самого принципа волюнтаризма, из существования всё предопределяющей высшей силы следует свобода от личной ответственности.

В итоге автор опять не видит позитивного исхода и завершает роман на фоне всеобщего краха, анархии и пожаров.

«...Ради светлого храма демократии...»

Нежные объятия железной девы. Антология. Иерусалим: Млечный Путь, 2015 г.

Свобода, как известно, лучше чем несвобода.

Спорить с подобным утверждением не будет, пожалуй, ни либерал, ни коммунист, ни христианский традиционалист, его вполне можно перевести на язык ортодоксальных нацистов или радикальных исламистов. Свобода в нашем мире ценность достаточно универсальная — правда, с пониманием ее возникают определенные проблемы, и здесь слабо помогают формулы из учебника обществознания («свобода делать все, что не запрещено законом», «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода других» и т. п.).

Плантатор из Вирджинии приезжает в Манчестер — разумеется, в сопровождении чернокожего слуги. Слуга был неловок или досадил господину — и белый масса хочет его как следует наказать, не стесняясь окружающих, однако сталкивается с неожиданными препятствиями и непониманием со стороны как простых английских граждан, так и должностных лиц. Не выдержав, рабовладелец восклицает: «Да что это за проклятая страна, где порядочный джентльмен не может выпороть своего негра?!». Чего не хватает джентльмену с Юга? Ответ очевиден — свободы распоряжения своей собственностью.

Ради чего неонацисты из Чикаго желают пройти маршем не где-нибудь, а непременно по улицам еврейского квартала? Ради свободы собраний.

Во имя чего борются белые христиане из Миссисипи, владельцы ресторана, не желающие пускать на порог пару крепко держащихся за руки девушек? Во имя свободы религиозных убеждений.

Если молодой человек тринадцати лет от роду желает работать четырнадцать часов в сутки шесть дней в неделю за половину платы, которую получает взрослый мужчина — он тем самым осуществляет свою свободу. Если же неприятные личности из фабричной инспекции или профсоюза желают

ему в этом воспрепятствовать — они тем самым умножают количество не-свободы, ограничивая свободную волю как работника, так и работодателя. Клиент, честно заплативший за право обладать телом женщины в течение определенного срока, точно так же осуществляет свою свободу, равным образом как и проститутка пользуется своим правом работать и зарабатывать. С точки зрения ортодоксального либерализма почти все достижения в области социальной политики, которыми могут похвастаться развитые западные страны, являются результатом недопустимых преступлений против индивидуальных свобод личности. Тоталитаризм подстерегает честного буржуа за порогом, тоталитаризм, увы, не ограничен нанизанными на Ось Зла государствами из списка Буша — Болтона — Райс.

И составители рассматриваемой нами антологии, заявленной как сборник антитоталитарной фантастики, это прекрасно осознают. Уже в предисловии они не только добросовестно перечисляют все традиционные страшилки западного обывателя (Нечестивая Троица новейшего времени — Гитлер, Сталин, ИГИЛ), но и пугают нас опасностями внутреннего перерождения демократии:

В одних случаях тоталитаризм берет свое, потому что люди не готовы принять на себя бремя ответственности за собственные поступки, в других — мешает внешнее давление, которому нужно противостоять, а для этого отказаться (конечно, на время!) от демократических завоеваний. Когда человек оказывается перед выбором: быть свободным или поступиться частью личной свободы ради безопасности (порой — иллюзорной), он выбирает второе, и демократия отступает перед авторитаризмом. Люди вдруг с удовольствием повторяют слова телеведущих о необходимости любой ценой защитить демократические завоевания, даже лишившись их большей части. Ведь надо бороться с террористами, они могут быть всюду!

Тут, казалось бы, стоит остановиться и развить тему: в самом деле, Патристический акт или скандал с пытками ЦРУ являются для фантастики (особенно социальной и ближнего прицела) обильным источником вдохновения. Однако продолжение оказывается более чем неожиданным:

Демократические свободы предполагают личную ответственность за происходящее, а человеку хочется брать на себя меньше ответственности. Помните серию выступлений в США, названную «Оккупируй Уолл-стрит»? Люди устраивали марши в поддержку бесплатного обра-

зования и медицины — то есть, того, что, казалось бы, существовало именно в достаточно далеких от демократии странах. Бесплатное образование и медицина — такая же химера, как вечный двигатель. И расплачиваться за якобы бесплатные услуги приходится тем же людям, кто передоверяет ответственность (и распределение социальных благ) государству, для которого более простым способом управления является не демократия, а авторитаризм (и для него движение к тоталитарному режиму столь же естественно, как стремление воды в низины).

Итак, в одном ряду с головорезами ИГИЛ, тонтон-макутами и фашистскими штурмовиками на пути демократии встанут простые американцы, требующие доступного образования и здравоохранения. А бесплатное образование и медицина бывают только при тоталитаризме, точнее, их совсем не бывает, а попытки их введения приводят к росту могущества государства и, естественно, к усилению тоталитаризма.

Эта точка зрения отнюдь не нова и предполагает логическим своим продолжением упразднение системы государственной социальной политики вообще, ликвидацию государственного надзора за качеством товаров и услуг, ликвидацию профсоюзов (о, профсоюзы для праволиберальных мыслителей в любом, самом усеченном и кастрированном виде являются ужасными террористическими бандами и носителями тоталитарного вируса) — словом, ликвидацию любых посредников в цепочке «клиент — поставщик услуги» или «работник — работодатель». В самом деле, если мы говорим о недопустимости и химеричности института бесплатного высшего образования (его же подразумевают авторы, верно?), то какое право на существование имеют государственные школы как таковые? Если бесплатная медицина несет с собой тоталитаризм, а каждый гражданин должен без передоверения ответственности лечиться в частной клинике, то тем более следует упразднить государственную и муниципальную полицию, доверив борьбу с преступностью частным охранным предприятиям, детективным агентствам и охотникам за головами. И здесь мы ничего не сводим к абсурду — анархо-капиталистическая утопия имеет множество сторонников в США и Израиле (Европа для таких идеалов, увы, слишком «красная» и «совковая»), она была отражена в массе произведений американских фантастов, а постсоветские эмигранты, составляющие значительную долю авторов сборника, стремятся стать большими либертарианцами, чем сам Рон Пол. Собственно, бесплатная медицина и образование для демократии являются угрозой большей, нежели все террористы и тираны в истории человечества вместе взятые. С

террористами и тиранами вообще все довольно сложно: один из авторов сборника, ярый защитник демократии Юрий Нестеренко посвятил в свое время апологетическую статью норвежскому массовому убийце Андерсу Брейвику («Победитель»), а в других своих произведениях выражал симпатии таким диктаторам как Франко и Пиночет. Составители же в своем предисловии очень политкорректно обличают только тех диктаторов «третьего мира», которые имели сложную историю отношений с США, — Батисту, Дювалье и Бокасу. Персонажи это, безусловно, одиозные и отвратные, но, скажем прямо, далеко не самые кровавые в истории двадцатого века — просто было бы нетактично в таком тексте упоминать индонезийского диктатора Сухарто, истребившего в шестидесятых до двух с половиной миллионов коммунистов, сочувствующих и просто подозрительных, или того же Пиночета, уничтожившего сорок тысяч человек за несколько месяцев (в пропорциональном отношении к населению вышло вполне сопоставимо со сталинским Большим Террором), — ведь эти герои спасали родину, демократию и право частной собственности от ужасных коммунистов, в чем пользовались безоговорочной поддержкой тех же США — по крайней мере, до того момента, пока «красная угроза» была хотя бы на йоту реальной. Парадокс: идеологи «сборника антитоталитарной фантастики» при всем своем антисоветском настрое проявляют типично советскую «идейную выдержанность», только с обратным знаком, прекрасно понимая, в каком случае можно распинаться о ценности индивидуальных свобод и человеческой жизни, а в каком лучше заткну... проявить самоцензуру. И такие люди еще учат нас, что марксизм умер, а классовый подход безнадежно устарел!

Впрочем, пора бы уже перейти к рассмотрению собственно текстов. Читатель, ожидающий после рекламной кампании сборника в сети и его предисловия определенного идейного заряда, будет, признаться, порядком разочарован — потому что подход к составлению подобных антологий в русскоязычной фантастике примерно одинаков (мы уже дважды рассматривали его в прошлых номерах ББ на примере чекмаевских сборников). В итоге в книгу попадают тексты, банально не соответствующие формальным критериям фантастики, — детские воспоминания, написанные языком школьного сочинения (Евгений Добрушин, «Клад») или безнадежно протухшая юмореска родом из середины нулевых, которой, как сказал бы Стивен Кинг, даже рекламного агента не насмешить (Леонид Шифман, «Сон»). Опять-таки, качество верстки и редактирования платной электронной версии сборника (за которую редакция ББ честно заплатила целых два доллара) оставляет желать лучшего: периодически в тексте попадаются вопросительные знаки не на своем месте, совершенно вопиющие опечатки типа «а мои действия

расценили, как провакацию Моссада», страшно хромает пунктуация, а иные места и вовсе написаны не совсем по-русски. Это удивляет: люди, считающие все бесплатное по умолчанию плохим, некачественным и «тоталитарным», должны бы более ответственно подходить к оформлению платного продукта. Впрочем, это противоречие в концепции «Нежных объятий» далеко не единственное.

Открывается сборник повестью Эдуарда Геворкяна «Чужие долги» — киберпанковой антиутопией с совершенно классическим для такого жанра сеттингом: после мировой войны между Восточным Альянсом и Западным Объединением Государств (аббревиатуру ЗОГ автор не использует, так что неясно, специально он это сделал или нет) в мире устанавливается новый тоталитарный порядок, главным атрибутом которого является ювенальная (по Геворкяну — «ювенильная») юстиция и война всех против всех за «перспективных», подающих надежды детей, которые, оправдав вложенные в них средства, могут занять высокие посты в корпорациях и госструктурах. Своеобразная меритократия — во всяком случае, пока ребенок не достиг совершеннолетия и кочует по разным семьям в соответствии со своими способностями, его будущее зависит исключительно от него самого, его способностей и талантов. Собственно, это основная особенность, отличающая мир будущего от нашего, что и неудивительно: современная русскоязычная социальная фантастика, спасибо чекмаевым, володихиным и фонду «Взаимодействие цивилизаций», стоит нынче на двух китах — ювенальной юстиции и однополых браках. А чем еще можно напугать страну, пережившую реставрацию капитализма в его самой дикой форме, что еще можно обличить на растленном западе так, чтобы избежать опасных аналогий? Это Валентину Зорину в свое время вольно было говорить об американской коррупции, безработице или ксенофобии, современного же россиянина можно впечатлить разве что сюжетами о том, как к бедной семье белых христиан приходит ювенальная полиция и изымает детишек, чтобы передать их богатой парочке геев на воспитание в либеральном духе.

С тем, что современный мир для детей крайне неудобное место, сложно не согласиться. Число беспризорников на планете исчисляется сотней миллионов по самым скромным подсчетам. Число безнадзорных детей в несколько раз выше. Естественно, такие дети легко вовлекаются в криминал, проституцию, а то и вовсе попадают в рабство. Иными словами, основная проблема значительной части современных детей заключается в том, что они никому по большому счету не нужны — ни родителям, ни государству, ни пресловутым страшилищам из «ювенальной полиции», чья деятельность, если ее изучать не по российским СМИ, носит крайне ограниченный харак-

тер. Тем не менее, в мире Геворкяна дети определяются в полном противоречии со здравым смыслом как *«самый ликвидный товар»*, самое выгодное вложение капитала — не в виде рабов или проституток (это вполне характерно как раз для традиционного общества — вспомните, чем закончился крестовый поход детей), но в качестве успешных граждан и налогоплательщиков, кормящих своих приемных родителей до самой старости. И именно богачи оказываются больше всего заинтересованы в талантливых детках, в частности, в детях главных героев повести, скрывающихся на все еще не подконтрольных новому мировому порядку территориях Крайнего Севера.

Это как раз тот случай, когда пугало барневарна, созданное российскими СМИ, автор пытается рационализировать и избавить от внутренних противоречий — само собой, безуспешно. В интернете сегодня присутствуют сотни детей топ-менеджеров крупных корпораций, высших правительственных чиновников, олигархов и прочих представителей мировой элиты — и по их образу жизни становится понятно: ни в каком всестороннем развитии своих, единокровных детей их родители очевидно не заинтересованы. Более того — абсолютно никакого беспокойства не вызывает у таких родителей совершенно деструктивное поведение их сыновей и дочерей, попадающих в аварии во время уличных гонок на дорогах автомобилях, совершающих преступления, за которые простых смертных очень надолго сажают: сам по себе образ жизни таких детей, ведущий к саморазрушению, свидетельствует об их брошенности и ненужности при всех открывающихся им блестящих перспективах. Здесь дети элиты парадоксальным образом оказываются в одном положении с нищими уличными беспризорниками — при всем различии социального статуса равнодушие родителей к неликвидному товару одинаково что наверху, что на дне общества. Капитализм в принципе не ориентирован на человека как на ценный ресурс, этого как раз не понимали авторы классических антиутопий, в которых верховная власть навязчиво пытается залезть в голову и сердце каждому гражданину, этого не понимают и авторы ювенальной фантастики, пугающие обывателя тем, что его ребенок, обреченный после окончания университета в лучшем случае на работу в «Макдоналдсе», может быть интересен в каком-либо качестве коварным богатеям.

Удивительно, но факт: главное произведение сборника «антитоталитарной фантастики» совершенно органично смотрелось бы в печально знаменитых антологиях типа «Либерального апокалипсиса» и «Беспощадной толерантности». Собственно, сам по себе состав сборника, в который оказались включены как записные «русофобы», так и идеологи патриотической фантастики с благословением Екатеринбургской епархии наперевес, в пер-

вый момент вызывает удивление: не каждый год встречаешь Чекмаева и Нестеренко под одной обложкой, и хочется докопаться до причины. Но об этом — позже, а пока вернемся к текстам.

Другой подход демонстрирует нам Кирилл Берендеев в рассказе «Первый старт». Совсем недалекое будущее (2017 год), подготовка с запуска «шаттла» со смешанным американо-российско-европейским экипажем. Главный герой — российский космонавт предпенсионного возраста, которого в условиях обострения отношений между Россией и Западом (речь идет уже о полноценном «железном занавесе») едва выпустили из страны, встречает в экипаже среди американцев собственного сына, что становится поводом для его погружения в воспоминания о далеких восьмидесятых, первой любви и расставании. Американский сын и его жена (оба — верующие методисты) страстно желают выписать к себе из авторитарной России как отца-космонавта, так и всю его русскую семью, главный герой, напротив, не проявляет особого энтузиазма, хотя пообщаться с сыном и понянчиться с внуками вполне рад. Заканчивается рассказ, в сущности, ничем, но проблема его даже не в открытом финале, а в самой недостоверности ситуации «железного занавеса» в современном мире и, как следствие, — в надуманности проблематики «перебежчиков», «выбора свободы» и тому подобных сюжетов, которые имели определенную актуальность сорок лет назад. «Железный занавес» возможен лишь для двух разных социально-экономических систем, но современная Россия является такой же капиталистической державой, как и США, и история международного обострения последних двух лет нагляднее всего демонстрирует, насколько бессильна внешнеполитическая конъюнктура против экономической логики капитализма (предполагающей свободное движение капитала и рабочей силы). Недавний пример конфликта России и Турции, благополучно разрешившегося наплывом российских туристов на курорты Анталы и дежурными разъяснениями официальной пропаганды в духе «мы всегда воевали с Остзией», — тому наглядное подтверждение.

Именно поэтому не только Берендеев, но и другие авторы с проблематикой семидесятых годов и стилистикой поздней перестройки выглядят похожими на Рипа Ван Винкля, проспавшего в пещере последние десятилетия. Скажем, рассказ Андрея Саломатова «Боец железного миллиарда» написан словно в девяностом — девяносто первом году, и тогда наверняка имел бы определенный успех — жгуче интересные позднесоветскому человеку темы садомазохизма и мировой закулисы удержали бы внимание читателя, невзирая на совершенно убогий язык и отсутствие сюжета. Сегодня же на подобные тексты смотришь с недоумением: зачем это написано и для кого? Пуб-

ликовать подобные вещи — все равно что включать в людном месте протухшие и надоевшие еще пятнадцать лет назад танцевальные хиты (вроде той песни группы «Руки вверх», что звучит на протяжении всего рассказа). Можно понять, почему израильские репатрианты распространяют хохмы, над которыми в России перестали смеяться еще в прошлом веке, однако теми же пороками страдают и авторы-россияне, и это в некотором роде даже хуже ювенальной фантастики, с которой по крайней мере можно полемизировать. Здесь же мы не видим ни логики, ни идеи — только непритязательное высмеивание «совкового маразма» через четверть века после крушения СССР.

К счастью, такой подход к теме наблюдается далеко не у всех авторов. Злата Линник («Карьера Барби») честно пыталась высмеять корпоративный капитализм в своей антиутопии для детей. Проблема в том, что противопоставлять стерильно-жутковатому миру «молодых карьеристов», в котором дети разговаривают рекламными слоганами, креативных бездельников из творческого гетто «инфантил-парка» — столь же не новое, сколь и безнадежное решение. Прежде всего потому, что эти две социальные среды никогда друг другу жестко не противостояли: бывшие хиппи со временем успешно превратились в образцовых карьеристов, конформистов, отцов семейств и избирателей республиканцев. Но имеется и другой вопрос: а кто, собственно говоря, производит всё то богатство, которое дает возможность главным героям думать о карьере или творчестве, но не о выживании? Кто сделал куклу Барби, по которой так тоскует девочка Инструкция, или игровую приставку мальчика по имени Параграф? Подобный вопрос на самом деле возникает ко всем авторам антиутопий, в которых материальное благоденствие сочетается с тотальным контролем. Ответа на него, впрочем, ждать бессмысленно: авторы эти достаточно далеки от проблем реального производства, поэтому для них большой человеческий мир с его реальными ужасами и проблемами оказывается чем-то вроде гигантского офиса «оренспрасе» — места довольно-таки неприятного, но, скажем прямо, не самого страшного на планете. Попытки говорить о несвободе, личной или политической, вне контекста социальных проблем, ведут к таким совершенно недостоверным и беспомощным конструкциям, более того — приводят к тому, что фантастическая несвобода оказывается в чем-то даже привлекательнее реальной жизни. Пересмотревший в конце жизни свое отношение к миру «Хищных вещей века» Борис Стругацкий дал тому наглядное подтверждение.

Вот и в «Квантовой розе» Алисы Лебовски мы видим, как героиня, приговоренная к тюремному заключению и попавшая вместо женской тюрьмы в

лесбийскую утопию, наполненную приветливыми и отзывчивыми девушками в розовых робах, решает навсегда отказаться от свободы и остаться жить в уютном мирке за колючей проволокой. Разумеется, уютный мирок создан не просто так: он весь просматривается сотнями скрытых камер, а содержат это реалити-шоу богатые вуайеристы, для которых заключенные и изображают мир и любовь в ванильной атмосфере.

В реальной жизни, правда, состоятельные извращенцы предпочитают не нежные любовные сцены, а вещи куда более мерзкие, так что, получи они в свое распоряжение тюрьму, платили бы, разумеется, за жестокие изнасилования, избиения и убийства на камеру — то, что называется снаффом. Снафф-записи — товар весьма дорогой и ликвидный, а несвобода в реальной жизни куда менее привлекательна. И куда более заурядна.

И здесь приходится неожиданно похвалить господина Чекмаева («Высшая мера»), который банальность и заурядность несвободы, ее прискорбный финал крайне убедительно изобразил на примере героя, приговоренного к пожизненному заключению в изолированном от внешнего мира бункере со всеми удобствами. Заключенный, надеющийся на долгую и комфортабельную жизнь, правда, довольно быстро умирает при содействии тюремщиков — по той простой причине, что государству банально не хватает денег на содержание всех высокотехнологичных Изоляторов:

«Все это правильно, конечно. Преступник должен быть наказан. Пожизненная изоляция — гуманная мера и все такое, вот только наши умники как-то не учли, что Изолятор — штука не дешевая, да и кормить-поить десятки, а через несколько лет — дайте только срок, — сотни осужденных до скончания века никому не интересно. Бюджет не выдержит, да и Изоляторов на всех не хватит. Этот вот из бывшего противоатомного убежища переделан, еще два таких же ждут своего часа, а потом... И вообще не совсем разумно оставлять жизнь опасному преступнику. Пусть даже и в Изоляторе. Победят через четыре года на выборах социалисты, да и объявят на радостях амнистию... Всякое бывает. Вот и приходится искать пути... да-а... Теперь уже можно признать: удачные...

В итоге — этот «нюхач» с Ай-Джи-Ви через день-другой выдаст отличный материал: преступник покончил с собой — казнен без помощи палача!»

Эффективность данной экономической схемы, при которой смертная казнь отменена, но платить за содержание преступников не приходится,

должна была вызвать большой энтузиазм у составителей сборника. Это вам не «социалистическая» Норвегия, где нежно любимый Нестеренко террорист Брейвик, сидя в трехкомнатной квартире, жалуется на отсутствие Sony PlayStation 3, женского общества и интернета. Социал-демократические режимы, утвердившиеся в отдельных странах Северной Европы, кстати, вызывают сегодня совершенно одинаковую ненависть в России что у консерваторов-почвенников, что у либералов-западников — в этом и заключается секрет той весьма пестрой подборки авторов, которую мы видим в данной книге: вслед за ушедшим в прошлое «реальным социализмом» анафеме теперь подвергается европейское «социальное государство» во всех своих ипостасях. Пиная его отдельные второстепенные атрибуты (ювеналку, однополые браки, толерантность etc.), русские фантасты подкапываются под более существенные социальные достижения западных трудящихся. Если в конце восьмидесятых антисоветчики приводили Швецию в пример как страну, достигшую благосостояния «без всяких революций», то сегодня настала очередь ниспровержения самой Швеции — слишком много там, с точки зрения российского буржуа, ненавистной «социалки», «собеса», «совка». И в этом вопросе частные разногласия между «либералами» и «охранителями» отступают на второй план.

Ненависть к иммигрантам и ЛГБТ, к «бездельникам на пособии» и «страхолюдным феминисткам», к «бузящим неграм» и «левакам-наркоманам» — для российского обывателя этот удивительный заморский продукт не стал менее доступным в эпоху санкционных войн. Напротив, стенания о «смерти европейской цивилизации» и «самоубийстве белой расы» приобрели еще более безумные формы. И в отечественной фантастике, как наиболее приспособленном для тяжких дум о будущем литературном жанре, импортная ксенофобия (импортная не потому что своей не имеется, а потому что образ «другого», объекта пламенной нелюбви, доставлен из очень дальнего зарубежья), завуалированная легко расшифровываемыми аналогиями, становится чуть ли не единственным критерием «серьезной», «социальной» литературы.

Рассказ Светланы Тулиной «Колбаса» является своеобразным логическим продолжением «Дивного нового мира» Хаксли. Кастовое общество, порождение Евгенической Реформации, было упразднено, однако реальные генетические различия между людьми низших и высших каст никуда не делись. И вот прекраснодушные интеллигенты из бывших высших каст добиваются полного равенства и прав для обезьяноподобных олигофренов — потомков другой ветви разделенного человечества (по новейшим стандартам политкорректности именуемым «быдлованами»). Итог рассказа, естест-

венно, крайне печален: на отправляющемся с гибнущей Земли космическом корабле происходит восстание «быдла», главный герой попадает в рабство к «маленьким людям», докатившимся до каннибализма и полного одичания, однако, следуя все той же заклеянной правыми самоубийственной и иррациональной логике «толерантности», морально приспосабливается к этому положению и начинает искренне любить свое новое сообщество. Слабо спрятанная за фантастическими элементами сатира на леволиберального интеллигента-правозащитника, защищающего интересы всяких недочеловеков, простите, лиц, не вписывающихся в стандарты белого европеоида из среднего класса, будучи спроецированной на современное общество, отдает как социальным, так и обычным расизмом: в нашем мире никакого генетического разделения человечества пока что не произошло, однако разговоры о неприспособленности представителей некоторых рас к интеллектуальной деятельности или о наличии генов «предприимчивости» и «лидерства», сделавших нынешних хозяев мира теми, кем они являются, открыто ведутся защитниками частной собственности уже давно — разумеется, с ритуальным осуждением взглядов и политической практики дядюшки Адольфа («я не нацист, но...»). В итоге гибель Земли или возврат человечества в «естественное состояние» оказывается куда более привлекательным выходом, нежели торжество «быдла». А других выходов современный консерватор, в сущности, и не видит.

Впрочем, нет, есть в данном сборнике, являющемся, по идее, антологией антиутопий, рассказ («Соло для адского котла», Евгения и Ильи Халь), авторы которого создали привлекательное (для себя и составителей, видимо) будущее — во всяком случае, в области исполнения уголовных наказаний: убийц и террористов в двадцать втором веке заставляют переживать все ощущения их жертв до тех пор, пока преступники себя полностью с ними не отождествят и не попытаются остановить. В остальном, правда, этот высокотехнологичный мир недалеко ушел от нашего: главный герой рассказа — чеченский террорист, задержанный при попытке устроить взрыв в московском метро, другой персонаж — ветеран «Афгана»(?!), разговаривающий языком лубочного деревенского дедка, — это в эпоху «психоматриц» и торжествующего киберпанка! Конечно же, спасение от тоталитаризма очевидно: надо на века заморозить социальную структуру современного российского общества (со всеми сопутствующими проблемами и неприятностями вроде взрывов в метро) — и тогда нам точно не будет грозить ни «ювенальный фашизм», ни «беспоощадная толерантность».

Город Глухов, в котором история прекратила течение своё, — это и есть неподвластная вирусу «тоталитаризма» новая русская утопия.

Ссылки на предыдущие выпуски:

[№ 1](#)

[№ 2](#)

[№ 3](#)

[Конкурс](#)

[№ 4](#)

Ссылки для связи: runagaterampant@yandex.ru
<https://www.facebook.com/groups/457407584446805>
<https://new.vk.com/public73825439>

Главный редактор — Ия Корецкая
Технический редактор — Евгений Кондаков
Иллюстрации — Алан Гриффит
Корректурa — Юлия Лиморенко
Дизайн обложки — starbereg

БУДУЩЕЕ БЛИЗКО

*РАСПРОСТРАНЕНИЕ — СВОБОДНОЕ
ТИРАЖ — НЕОГРАНИЧЕННЫЙ
АВТОРСКИЕ ПРАВА? — НЕТ, НЕ СЛЫШАЛИ*

